947 Б-т
Л524

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Зак. 2595

Ко
п. 34 г.

Лѣтописный и лицевой изборникъ дома романовыхъ

88847
бф

9 л. илл.

Историко-художественное издание
въ ознаменование трехсотлѣтия царствования

Москва

Междубиблиотечный абонемент
Московской обл. библиотеки
ЭК 947
1-524

ахгі 1613 Т ацгі 1913

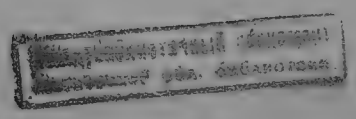
Вып. в/2

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ

Репродукция

ЛѢТОПИСНЫЙ и ЛИЦЕВОЙ ИЗБОРНИКЪ ДОМА́ РОМАНОВЫХЪ

ВОСПРОИЗВЕДЕНІЕ ПОРТРЕТА, ПРИНАДЛЕЖАЩАГО КНЯГИНЪ Е. Ѳ. ШАХОВСКОЙ-ГЛѢБОВОЙ-СТРѢШНЕВОЙ (въ с. Покровскомъ).



ГОСУДАРЫНЯ
ЦАРИЦА И ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ
ЕВДОКІЯ АЛЕКСѢЕВНА

ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА
АЛЕКСАНДРА ФЕОДОРОВНА

АКВАРЕЛЬ ХУДОЖНИКА А. Ѳ. МАКСИМОВА,
ИСПОЛНЕННАЯ ПО ПОРТРЕТАМЪ 1903 ГОДА.

А. Макеевъ
1913.
Государыня Императрица
Александра Ѳеодоровна

АКВАРЕЛЬ ХУДОЖНИКА А. Ѳ. МАКСИМОВА,
ИСПОЛНЕННАЯ ПО ПОРТРЕТАМЪ 1903 ГОДА.

ГОСУДАРЫНЯ

A. Makennal
1913.

Bibliothèque du Séminaire

КЪ ПОРТРЕТУ ГОСУДАРЫНИ ЦАРИЦЫ ЕВДОКІИ ЛУКІАНОВНЫ

Которая супруга Царя Михаила Ѳеодоровича Евдокія Лукіановна была изъ рода Стрѣшневыхъ, коренныхъ дворянъ Мещовскаго уѣзда, имѣвшихъ осѣдлость въ окрестностяхъ Георгіевскаго монастыря, подъ самымъ городомъ Мещовскомъ Калужской губерніи.

Отецъ Евдокіи Лукіановны, Лукіанъ Степановичъ Стрѣшневъ, былъ очень бѣденъ. По преданію, онъ самъ пахалъ свою землю и нѣкогда служилъ при дворѣ боярина Ѳеодора Ивановича Шереметева, которому, по нѣкоторымъ сказаніямъ, доводился онъ родственникомъ, а дочь Лукіана Степановича Евдокія была при дочери того же боярина въ числѣ подругъ или сѣнныхъ дѣвушекъ [1]).

Неисповѣдимыя судьбы Промысла Божія вывели Лукіана Степановича Стрѣшнева изъ непригляднаго состоянія бѣднаго дворянина. Объ этомъ имѣются свѣдѣнія въ одномъ старинномъ Сказаніи, найденномъ въ рукописномъ сборникѣ XVII вѣка.

Волею Божіею 6 января 1625 года не стало первой супруги Царя Михаила Ѳеодоровича, Царицы Маріи Владиміровны, изъ рода князей Долгоруковыхъ. Царь Михаилъ долженъ былъ вступить во второй бракъ.

По древнему обычаю «обранія Царской радости», со всего Государства привезены были въ Москву на смотрины 60 дѣвицъ, «ростомъ, красотою и разумомъ исполненныхъ». Помѣстили ихъ на нѣсколько дней въ покояхъ старицы Маѳы Ивановны. При каждой дѣвицѣ были ихъ подруги.

Одна изъ этихъ подругъ своею красотою съ перваго же раза поразила Царскія очи: «прелестныя черты лица ея, коимъ кротость, съ нѣкоею грустію соединенная, придавала волшебную силу и была явнымъ изображеніемъ

---

[1]) Страленбергъ.

сущей добродѣтели, а самая цвѣтущая юность оживляла ея стройный станъ и величавую осанку» [1]).

Выборъ Царя Михаила Ѳеодоровича безъ колебанія остановился на сей «доброзрачной отроковицѣ».

Приказано было узнать о родѣ и племени избранной. Доложили, что зовутъ ее Евдокіей, что это дочь бѣднаго дворянина Лукіана Степановича Стрѣшнева.

Старица Марѳа Ивановна на первыхъ порахъ была недовольна такимъ выборомъ, но, повѣствуетъ Сказаніе, тронутая покорностью и чувствованіемъ сына, заплакала, обняла его и сказала: «Сердце Царево въ рукѣ Божіей. Отнынѣ дѣвица Евдокія твоя невѣста, а мнѣ дочь. Да будетъ надъ тобою и надъ нею Божіе и мое благословеніе».

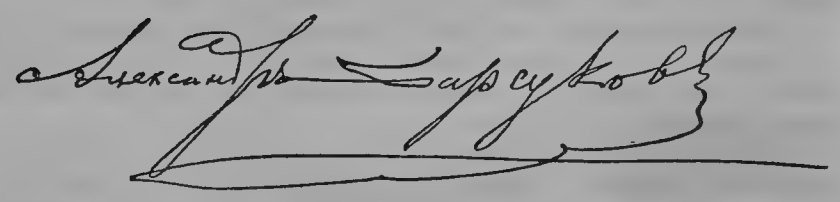
Чинъ бракосочетанія Царя Михаила Ѳеодоровича съ Евдокіей Лукіановной Стрѣшневой совершенъ былъ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ 5 февраля 1626 года.

Скромное общественное положеніе Евдокіи Лукіановны Стрѣшневой до вступленія въ бракъ съ Царемъ было извѣстно всѣмъ.

Не забывала этого и сама Царица Евдокія Лукіановна. Она памятовала до гроба и проводила въ жизнь слова добродѣтельнаго отца Лукіана Степановича, сказанныя ей послѣ Царскаго бракосочетанія: «Отнынѣ ты должна быть заступницею всѣхъ бѣдныхъ, сирыхъ и утѣсненныхъ, тѣмъ паче, что ты сама была и сира и убога».

И дѣйствительно, преисполненная всякихъ добродѣтелей, благочестіемъ, благоразуміемъ и милосердіемъ украшала она вѣнецъ державнаго супруга своего, Государя-Царя Михаила Ѳеодоровича и въ таковыхъ же добродѣтеляхъ воспитала сына своего Тишайшаго Царя Алексѣя Михаиловича.

Царица Евдокія Лукіановна, черезъ которую Провидѣніе даровало намъ славныя поколѣнія Романовыхъ, скончалась 18 августа 1645 года, лишь пятью недѣлями пережившъ своего царственнаго супруга.



---

[1]) Архимандритъ Леонидъ: «Л. С. Стрѣшневъ, старинное историческое преданіе изъ Изборника прошлаго столѣтія». Чтенія въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ при Москов. Унив. 1872 г.

КЪ ПОРТРЕТУ ЕИВ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ

ВЕЛИКОГЕРЦОГСКІЙ ГЕССЕНСКІЙ ДОМЪ ВЪ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИХЪ СУДЬБАХЪ ДОМА РОМАНОВЫХЪ.

Къ небольшой исторической работѣ, посвященной началу дипломатическихъ сношеній Московскаго Государства съ Саксоніею въ царствованіе перваго Государя изъ Дома Романовыхъ [1])—а именно, неосуществившемуся проекту женитьбы молодого Царя на одной изъ саксонскихъ принцессъ (1621 г.)—мы обратили вниманіе на весьма знаменательное совпаденіе: обѣ старшія дочери саксонскаго курфюрста Іоганна-Георга I, которыхъ въ то время прочили въ Москвѣ (не зная ихъ малолѣтняго возраста) въ невѣсты Царю Михаилу Ѳеодоровичу, какъ оказывается, впослѣдствіи вышли замужъ за принцевъ Гессенъ-Дармштадтскаго и Гольштейнъ-Готторпскаго Домовъ и такимъ образомъ сдѣлались все-таки прабабками всего Русскаго Императорскаго Дома и, въ частности, нынѣ

---

[1]) Эта работа составила предметъ доклада автора на годичномъ собраніи Императорскаго Русскаго Историческаго Общества 14 марта 1913 г. въ Царскомъ Селѣ подъ Августѣйшимъ Предсѣдательствомъ Его Императорскаго Величества Государя Императора и напечатана въ «Трудахъ перваго всероссійскаго съѣзда членовъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Института имени Императора Николая II» (Москва, 1913) подъ заглавіемъ: «Саксонскій дипломатъ въ плѣну у Царя Михаила Ѳеодоровича и начало сношеній Московскаго Государства съ Саксоніей».

благополучно царствующей Августѣйшей Семьи, т.-е. и Государя Императора Николая II Александровича и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны.

Этотъ любопытный генеалогическій фактъ, который въ упомянутой выше статьѣ указанъ лишь мимоходомъ[1]), заслуживаетъ въ полной мѣрѣ чтобы на немъ остановиться нѣсколько подробнѣе.

Старшія дочери извѣстнаго курфюрста саксонскаго Іоганна-Георга I, участника 30-лѣтней войны (р. 1585†1656 г.), отъ брака его съ принцессою Бранденбургской Магдалиной-Сивиллой, были Софія-Элеонора, родившаяся въ 1609 г., и Марія-Елизавета, родившаяся въ 1610 г. Въ годъ пріѣзда въ Дрезденъ московскаго посланца Юрія Родіонова, имѣвшаго порученіе высмотрѣть невѣсту для Царя Михаила Ѳеодоровича[2]), одной было, такимъ образомъ, только 12, а второй только 11 лѣтъ. Миссія Родіонова тѣмъ самымъ оказалась безрезультатной, молодыя же принцессы черезъ нѣсколько лѣтъ вышли замужъ за представителей двухъ древнѣйшихъ владѣтельныхъ Домовъ[3]) Св. Римской Имперіи. Какъ упомянуто выше, старшая, Софія-Элеонора, сочеталась бракомъ (въ 1627 г.) съ Георгомъ II ландграфомъ Гессенъ-Дармштадтскимъ (р. 1605†1661 г.), младшая же (въ 1630 г.) съ Фридрихомъ III герцогомъ Гольштейнъ-Готторпскимъ (р. 1597†1659 г.). Отсюда ясно уже, какимъ образомъ обѣ принцессы могли оказаться отдаленными родоначальницами Русской Царственной Семьи. Мы и не будемъ останавливаться на нисходящемъ потомствѣ младшей изъ нихъ, ограничившись только указаніемъ, что черезъ вышеупомянутый бракъ свой—благодаря выходу замужъ, сто (съ небольшимъ) лѣтъ спустя, Цесаревны Анны Петровны, дочери Петра Великаго, за герцога Карла-Фридриха Гольштейнъ-Готторпскаго — принцесса Марія-Елизавета является прапрабабкой въ 9 колѣнѣ Государя Императора Николая Александровича.

Болѣе сложны генеалогическія комбинаціи, выясняющіяся относительно потомства старшей саксонской принцессы—прямой родоначальницы Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны—Софіи-Элеоноры Гессенъ-Дармштадтской[4]). Оказывается, что черезъ нее Августѣйшіе Родители Наслѣдника Цесаревича Алексѣя Николаевича, каждый съ своей стороны, вдвойнѣ происходятъ отъ курфюрста Іоганна-Георга, т.-е. отъ названныхъ выше обѣихъ его дочерей сразу. Вотъ въ чемъ состоятъ эти любопытныя генеалогическія подробности.

Прежде всего, мы встрѣчаемся съ тѣмъ фактомъ, что сынъ Софіи-Элеоноры и Георга II Гессенъ-Дармштадтскаго, владѣтельный ландграфъ Людвигъ VI (р. 1630†1678 г.), женился въ 1650 г. на своей двоюродной сестрѣ, родной дочери вышеупомянутой Маріи-Елизаветы Гольштейнъ-Готторпской, также Маріи-Елизаветѣ (р. 1634†1664 г.). Такимъ образомъ, всѣ потомки отъ этого брака и происходятъ сразу отъ обѣихъ сестеръ—дочерей курфюрста Іоганна-Георга. Другими словами, сынъ Людвига VI, ландграфъ Эрнстъ-Людвигъ (†1739 г.), ближайшій родоначальникъ всего Гессенъ-Дармштадтскаго Дома, приходился внукомъ и Софіи-Элеонорѣ (со стороны отца) и Маріи-Елизаветѣ (со стороны матери).

Но затѣмъ, какъ извѣстно, и ближайшее къ намъ потомство этого

---

[1]) Иллюстрирующая его графически родословная таблица воспроизводится, для наглядности, и здѣсь (См. таблицу I).

[2]) Подробности см. въ вышеупомянутой статьѣ.

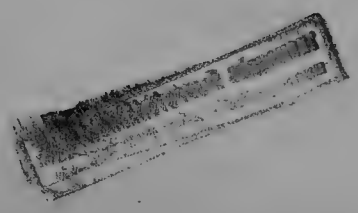
[3]) Какъ извѣстно, Гессенскій Домъ происходитъ изъ рода стариннѣхъ герцоговъ Лотарингскихъ и Брабантскихъ (еще временъ Каролинговъ); широко развѣтвившійся же «Ольденбургскій» Домъ—вѣтвь котораго образуетъ Домъ Гольштейнъ-Готторпскій —отъ Эгильмара, владѣтельнаго графа Ольденбургскаго, упоминаемаго въ 1088 г.

[4]) Ея прилагаемый здѣсь портретъ воспроизведенъ по оригиналу, писаному масляными красками въ 1624 г. и находящемуся въ королевскомъ замкѣ Бермсдорфъ въ Саксоніи.

Предполагавшаяся невѣста Царя Михаила Ѳеодоровича
Принцесса Саксонская СОФІЯ-ЭЛЕОНОРА
р. 1609 года.

Въ замужествѣ Ландграфиня Гессенъ-Дармштадтская
Прародительница Е. И. В. Государыни Императрицы
АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ.

(Съ портрета 1624 г.)



Великогерцогскаго Дома также вдвойнѣ знаменательно для судебъ Россіи и ея Царствующаго Рода: одна принцесса Гессенъ-Дармштадтская, правнучка въ 5 колѣнѣ только что названнаго Эрнста-Людвига, въ Бозѣ почившая Императрица Марія Александровна, сочетавшись бракомъ съ Царемъ-Освободителемъ Александромъ II, стала родной бабкой Государя Императора Николая Александровича, а ея Августѣйшая внучатная племянница—и, слѣдовательно, троюродная сестра Государя Императора—еще разъ соединила Гессенскій Домъ съ Домомъ Романовыхъ.

Такимъ образомъ въ лицѣ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны еще разъ оказались закрѣпленными тѣ родственныя связи, о которыхъ, около 300 лѣтъ тому назадъ, думали въ Московскомъ Кремлѣ для своего сына мудрый Государь - Родитель Патріархъ всея Россіи Филаретъ и мудрая Государыня - Родительница великая старица Марѳа... То, что не осуществилось тогда сразу въ лицѣ одной изъ саксонскихъ принцессъ, то Всемогущій Промыслъ осуществилъ постепенно, на пространствѣ нѣсколькихъ вѣковъ, въ лицѣ ихъ же потомковъ,— неисповѣдимыми путями ведя ихъ для блага Россіи все къ той же великой цѣли.

229958

ТАБЛИЦА I.

Бояринъ Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ.
(Патріархъ Филаретъ).

Іоганнъ-Георгъ I.
Курфюрстъ Саксонскій (р. 1585 † 1656).
Супр. (II) 1607: Магдалина-Сивилла принцесса Бранденбургская.

Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ.

Марія-Елизавета
р. 1610 † 1684.
Супр. (1630) **Фридрихъ III**
Герцогъ Гольштейнъ-Готторпскій
(р. 1597 † 1659).

Софія-Элеонора
р. 1609 † 1671.
Супр. (1627) **Георгъ II**
Ландграфъ Гессенъ-Дармштадтскій
(р. 1605 † 1661).

Царь Алексѣй Михайловичъ.

Христіанъ-Альбрехтъ
Герцогъ Гольштейнъ-Готторпскій
(р. 1641 † 1694.)

Марія-Елизавета
(р. 1634 † 1664).

× (1650)

Людвигъ VI.
Ландграфъ Гессенъ-Дармштадтскій (р. 1630 † 1678).

Имп. Петръ Великій.

Фридрихъ IV.
† 1702.

Эрнстъ-Людвигъ.
† 1739.

Цесаревна Анна Петровна.

× **Карлъ Фридрихъ**
† 1739.

Людвигъ VIII.
† 1768.

Имп. Петръ III.

Людвигъ IX.
† 1790.

Павелъ I.

Людвигъ X (I)
Великій Герцогъ Гессенскій
† 1830.

Николай I.

Людвигъ II.
† 1848.

Александръ II.

× **Имп. Марія Александровна.**

Карлъ.
† 1877.

Александръ III.

Людвигъ IV.

Государь Императоръ Николай II Александровичъ.

× **Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна.**

Наслѣдникъ Цесаревичъ Алексѣй Николаевичъ.

74888

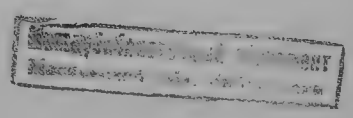
КЪ

КЪ ПОРТРЕТУ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ

РОДОСЛОВНАЯ ТАБЛИЦА РОДСТВА ПРЕДКОВЪ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА СЪ ДОМОМЪ РЮРИКА

Матеріаломъ къ составленію сей таблицы послужили нижеслѣдующіе источники:

1. Н. М. Карамзинъ и П. Строевъ: Родословныя владѣтельныхъ Князей Россійскихъ.
2. Н. А. фонъ Баумгартенъ: Вторая вѣтвь князей Галицкихъ. Лѣтоп. Истор.-родословн. Общества въ Москвѣ. 1909, вып. I, стр. 17 и 19.
3. Н. А. фонъ Баумгартенъ: Предки Наслѣдника Цесаревича В. К. Алексѣя Николаевича. Лѣт. Ист.-род. О-ва въ Москвѣ. 1913, вып. III.
4. Pet. Beckler: «Illustre stemma ruthenicum» — das ist Gräfl. Reusz-Plauische Stammtafel. Schleitz 1684.
5. H. Grote: «Stammtafeln». Leipzig. 1877.
6. Eufemia von Adlersfeld-Ballestrem: Ahnentafeln zur Geschichte europäischer Dynastien. Grossenhain 1901.
7. Cohn: «Stammtafeln».
8. Behr: «Stammtafeln».
9. Jac. Christoph Carl Hoffmeister: «Hist.-Genealog. Handbuch über alle Linien des hohen Regentenhauses Hessen.» Marburg. 1874.
10. Künzel-Soldan: «Groszherzogtum Hessen. Gieszen 1893.
11. Berthold Schmidt: «Die Reussen, Genealogie des Gesamthauses Reuss.» Schleiz. 1903.
12. Г. А. Власьевъ: Потомство Рюрика. Матеріалы для составл. родословій. Таблицы.
13. Г. А. Власьевъ: Князья Острожскіе и Друцкіе. 1911.

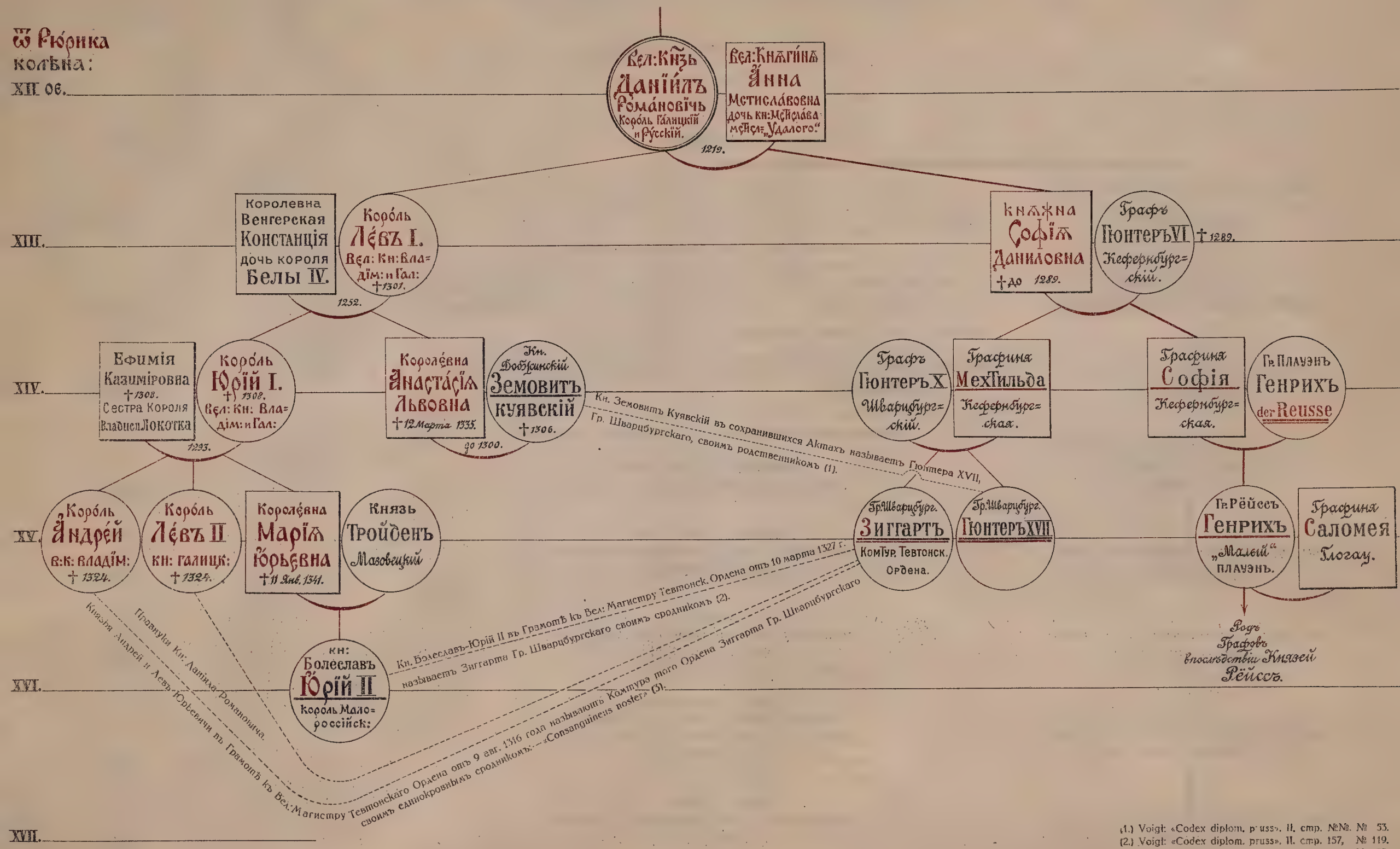


Отъ Рюрика колѣна:				
XI	Генрихъ I «Бородатый» Герцогъ Силезскій, правнукъ Всеволода Ольговича Князя Черниговскаго.	РОМАНЪ МСТИСЛАВИЧЪ Великій Князь Владиміро-Волынскій и Галицкій правнукъ Мономаха. 1168 — † 1205.	МСТИСЛАВЪ МСТИСЛАВИЧЪ „Удатный“ или „Удалой“, Князь Торопецкій сынъ Свят. Кн. Мстислава Ростиславича „Храбраго“, Князя Смоленскаго и Новгородскаго 1161 — † 1178.	Генрихъ I Принцъ Брабантскій. «Das Kind von Brabant». Род. 24 іюня 1244. Внукъ Святой Елизаветы Венгерской. Ландграфъ Гессенскій 1265 — 1308.
XII	Генрихъ II Герцогъ Бреславльскій. † 9 окт. 1241.	ВЕЛ. КН. ДАНІИЛЪ РОМАНОВИЧЪ ... ... Его Супруга ... ... КН. АННА МСТИСЛАВОВНА Король Галицкій и Русскій. Род. 1201. Корон. 1255. † 1264.		Оттонъ I Марбургскій и Кассельскій. Ландграфъ Гессенскій 1265 — 1308.
XIII	Конрадъ I Герцогъ Глогау. † 1274.	КНЯЖНА СОФІЯ ДАНІИЛОВНА Ея Супругъ Гюнтеръ VI Графъ Кефернбургскій.		Людвигъ «Юнкеръ» — der «Junker» Принцъ Гребенштейнскій.
XIV	Генрихъ VI Герцогъ Глогау. † 9 дек. 1319.	Графиня Софія Кефернбургская Ея Супругъ Генрихъ I Войтъ и Графъ Плауэнскій, прозванный «Русскимъ»: «Ruthenus», «Russ», «Russe», «Reusse», Heinrich der «Reusse». † до 1295.		Германъ «Ученый», также «Кротkій» der «Gelehrte», auch der «Milde». Съ 1367 г. соправит. дяди своего Генриха II. Съ 1376 г. по 1413 Ландграфъ Гессенскій.
XV	Саломея ... ... Ея Супругъ ... ... Принцесса Глогау. † 1350.	Генрихъ II «Малый» Гр. Рёйссъ — Войтъ Плауэнскій. † 1349.		Людвигъ I «Миролюбивый» — der «Friedfertige» Ландграфъ Гессенскій 1413 — 1458.
XVI		Генрихъ III Гр. Рёйссъ Плауэнскій, влад. Грёйца. Род. 22 сент. 1351. † до 18 авг. 1368.		Людвигъ II «Простодушный» der «Freimüthige» oder «Herzhafte» Кассельскій, Ландграфъ Гессенскій 1458 — 1471.
XVII		Генрихъ VII Гр. Рёйссъ Плауэнскій, влад. Грёйца. Род. 20 марта 1376. † 16 іюня 1426.		Вильгельмъ II «Средній» — der «Mittlere». Кассельскій, Марбургскій, Ландграфъ Гессенскій 1483 — 1509.
XVIII		Генрихъ IX Гр. Рёйссъ Плауэнскій, влад. Грёйца. Род. 1 іюня 1429. † до 28 февр. 1478.		Филиппъ I «Великодушный» — der «Groszmüthige», Ландграфъ Гессенскій 1509 — 1567.
XIX		Генрихъ XIII «Tranquilus» Гр. Рёйссъ Плауэн., влад. Грёйца и Кранихсфельда. Род. 1464. † 8 іюня 1535.		Георгъ I «Благочестивый» — der «Fromme», Ландгр. Гессенъ-Дармштадтскій 1567 — 1596.
XX		Генрихъ XVI Гр. Рёйссъ Плауэнскій и проч., влад. Геры. Родонач. младш. лин. Рёйссовъ. Род. 20 дек. 1530. † 6 апр. 1572.		Людвигъ V «Вѣрный» — der «Getreue», Ландгр. Гессенъ-Дармштадтскій 1596 — 1626.
XXI		Генрихъ «Posthumus» Гр. Рёйссъ Плауэнскій и проч. Род. 10 іюня 1572. † 3 дек. 1635.		Георгъ II Ландгр. Гессенъ-Дармштадтскій 1626 — 1661.
XXII		Генрихъ X[a] Гр. Рёйссъ Плауэнскій и проч. — Лобенштейнъ. Род. 9 сент. 1621. † 25 янв. 1671.		Людвигъ VI Ландгр. Гессенъ-Дармштадтскій 1661 — 1678.
XXIII		Генрихъ X[b] Гр. Рёйссъ, влад. Плауэна и проч. — Эберсдорфъ. Его Супруга Гр. Марія Сибилла Рёйссъ. Род. 20 ноября 1662. † 10 іюня 1711.		Эрнстъ-Людвигъ VII Ландгр. Гессенъ-Дармштадтскій 1678 — 1739.
XXIV		Генрихъ XXIX Гр. Рёйссъ, влад. Плауэна и проч. — Эберсдорфъ. Род. 21 іюля 1699. † 22 мая 1747.		Людвигъ VIII Ландгр. Гессенъ-Дармштадтскій 1739 — 1768.
XXV		Генрихъ XXIV Гр. Рёйссъ, влад. Плауэна и проч. — Эберсдорфъ. Род. 22 янв. 1724 † 13 мая 1779.		Людвигъ IX Ландгр. Гессенъ-Дармштадтскій 1768 — 1790.
XXVI		Августа-Каролина-Софія Графиня Рёйссъ — Эберсдорфъ. Род. 19 янв. 1757 † 16 ноября 1831. Въ замуж. за Герц. Франц. Саксенъ-Кобургъ-Заальфельдъ.		Людвигъ X «Великій» — (der «Grosse»). Съ 1790 по 1806 Ландгр. Гесс.-Дармштадтскій. Съ 1806 по 1830 Великій Герцогъ Гессенскій А. I.
XXVII		Эрнестъ I Герцогъ Саксенъ-Кобургъ-Готскій. Род. 2 янв. 1784. † 29 янв. 1844.	Викторія Принцесса Саксенъ-Кобургъ-Заальфельдская. Род. 17 авг. 1786. † 16 марта 1861. Ея Супругъ Эдуардъ Герцогъ Кентскій.	Людвигъ II Великій Герцогъ Гессенскій 1830 — 1848.
XXVIII		Альбертъ (Prince Consort) ... ... Его Супруга ... ... Принцъ Саксенъ-Кобургъ-Готскій. Род. 26 авг. 1819. † 14 дек. 1861.	Викторія I Королева Великобританская. Род. 24 мая 1819. † 22 янв. 1901.	Карлъ-Вильгельмъ-Людвигъ Принцъ Гессенскій р. 1809.
XXIX		Алиса ... ... Ея Супругъ ... ... Принцесса Великобританская. Род. 25 апр. 1843. † 14 дек. 1878.		Людвигъ IV Род. 1837. Великій Герцогъ Гессенскій 1877 — † 1892.
XXX		Аликсъ Принцесса Гессенъ-Дармштадтская, Ея Императорское Величество Государыня Императрица АЛЕКСАНДРА ѲЕОДОРОВНА.		

Къ статьѣ Б. А. Шахматова.

Таблица

выясняющая кровное родство потомства Князя Льва I Даніиловича, Короля Галицкаго и Русскаго, съ потомствомъ родной его сестры Княжны Софіи Даніиловны, въ замужествѣ Графини Кефернбургской.



(1.) Voigt: «Codex diplom. pruss». II. стр. №№. № 53.
(2.) Voigt: «Codex diplom. pruss». II. стр. 157, № 119.
(3.) Voigt: «Codex diplom. pruss». II. стр. 92, № 75.

Такъ какъ ни Анастасія Львовна ни племянники ея—дѣти Короля Юрія I не имѣли въ числѣ своихъ предковъ съ женской стороны никого изъ рода Шварцбурговъ, то Шварцбургскіе Графы могли приходиться имъ единокровными родственниками только въ томъ случаѣ, если прямой и близкій ихъ предокъ былъ женатъ на дочери или внучкѣ Кн. Даніила Романовича.

Состав. Кн. М. С. П.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПРЕДКОВЪ РОДА РОМАНОВЫХЪ

ОПЫТЪ ИСТОРИЧЕСКАГО ИЗСЛѢДОВАНІЯ

Блаженны, ꙗже избралъ и приꙗлъ еси, гдⷭ҇и:

Ѱаломъ з҃д: е҃:

Моудрость ихъ повѣдѧтъ люди, и похвалу ихъ исповѣсть церковь; тѣлесе ихъ въ мирѣ погребена быша, а имена ихъ живутъ въ родѣ.

прем: іис: с: сірахова. м҃д, д҃і, г҃і.

о всѣхъ странахъ и у всѣхъ народовъ начало исторіи древнѣйшихъ родовъ обыкновенно уходитъ въ такіе густые туманы сѣдой старины, гдѣ слѣдъ восхожденія по степенямъ родословія, наконецъ, теряется во мракѣ легендарныхъ преданій.

Задачи современной намъ исторической науки требуютъ при изслѣдованіи родословій тщательнаго изученія по первоисточникамъ всѣхъ имѣющихся матеріаловъ и данныхъ, не исключая и сказаній характера легендарнаго, критической ихъ оцѣнки и умѣнія, отдѣливъ документальную истину отъ легендарныхъ преданій, отвести въ изслѣдованіи каждому изъ нихъ подобающее мѣсто.

Исторія многихъ государствъ и народовъ показываетъ примѣры того, какъ такія легендарныя сказанія мирно уживаются съ достовѣрными извѣстіями лѣтописей, имъ предшествуютъ и не только не вредятъ цѣльности исторической картины, но какъ бы даже необходимо дополняютъ и украшаютъ ее собою.

Многовѣковая исторія вѣчнаго Рима нисколько не сдѣлалась сомнительною отъ того, что Ромула и Рема вскормила легендарная волчица, также и исторія Россіи временъ Св. Владиміра не стала менѣе достовѣрною отъ того, что дядя его Добрыня Никитичъ представляется намъ соратникомъ сказочныхъ богатырей Ильи Муромца и Алеши Поповича.

Такимъ образомъ, совершенно естественно, что родословія знатнѣйшихъ боярскихъ родовъ Россійскихъ, въ томъ числѣ и Романовыхъ-Юрьевыхъ-Захарьиныхъ, восходя до поколѣній временъ XIII столѣтія, переходятъ затѣмъ въ былинныя преданія, гдѣ подлинныя историческія истины переплетаются со сказочными вымыслами.

Въ тѣ отдаленныя времена наши предки не думали ни о какихъ родословіяхъ и не вычерчивали себѣ древесъ служилыхъ родовъ, отмѣчая болѣе или менѣе бережно лишь родословія своихъ князей.

Укладъ развивавшейся общественной жизни и государственности въ Великомъ Княжествѣ Московскомъ вызвалъ необходимость веденія родо-

словій сравнительно гораздо позже, при чемъ, вслѣдствіе мало развитой письменности и отсутствія критической науки, при составленіи родословій впутывались и баснословные вымыслы.

Почти всегда они бывали основаны на семейныхъ преданіяхъ и слухахъ, и особенно запутывались, когда повѣствовалось о непрерывной преемственности потомства, за сотни и тысячи лѣтъ, переходящей черезъ одинъ народъ въ другой да еще въ эпохи первоначальной жизни этихъ народовъ. А иногда эти преданія пригонялись искусственно къ данному случаю, представляя собою плодъ хитроумнаго книжнаго измышленія, но послѣднія, конечно, всегда легко могутъ быть распознаны и опровергнуты научною критикою.

Во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ наука обязана принимать во вниманіе возможность и правдоподобность этихъ, казалось бы, фантастическихъ домысловъ, и разъ хоть одно серьезное историческое или научное соображеніе, строго провѣренное, укажетъ на возможность даннаго родословнаго сказанія, наука обязана его принять и допустить.

Если теперь перейти къ разсмотрѣнію особенностей всѣхъ вообще родословій, какой бы странѣ они ни принадлежали, то всѣ ихъ можно раздѣлить на два разряда. Къ первому разряду относятся такія родословія, гдѣ родъ ведется отъ родоначальника, принадлежавшаго къ коренному племени и народу даннаго государства, а ко второму—когда родоначальникомъ является «чужеземецъ», выѣзжій изъ какого-нибудь другого государства, или вышедшій изъ другого народа. Разобраться въ указаніяхъ на первоначальное возникновеніе рода и въ томъ и другомъ случаѣ одинаково трудно. Для своего, исконнаго, основателя рода трудность заключается въ отсутствіи письменныхъ памятниковъ и въ неразработанности исторіи древнѣйшихъ временъ существованія отечества; для ведущихъ родъ свой отъ чужеземца—въ отсутствіи очень часто, указаній болѣе точныхъ: и на время его выѣзда, и на обстоятельства, его сопровождавшія, и на подлинное имя, а иногда и въ необходимости обращаться къ исторіи того чужеземнаго народа, откуда родоначальникъ выѣхалъ. Еще больше затрудняются случаи этого разряда тѣмъ, что выѣхавшій скоро мѣняетъ свое имя, а часто и религію, получаетъ мѣстныя прозвища, родъ его сливается совершенно съ новымъ отечествомъ и свѣдѣнія объ обстоятельствахъ и времени его выѣзда постепенно забываются и окончательно исчезаютъ.

Въ этомъ отношеніи родословія русскихъ фамилій представляютъ большія трудности, такъ какъ отдаленные отъ насъ первые вѣка Святой Руси при недостаточномъ историческомъ ихъ освѣщеніи, тѣмъ не менѣе, изобилуютъ извѣстіями о чужеземцахъ, волей и неволей стремившихся въ эту обширную, богатую и пустынную страну. Еще до образованія Русскаго Государства, Варяги, совершая то торговыя поѣздки, то вооруженные набѣги, такъ или иначе застревали среди славянскаго населенія Руси, и недаромъ Іоакимовская лѣтопись указываетъ на родство старѣйшины при-Ильменскаго населенія Гостомысла съ Варягами Руси, послѣдствіемъ чего явилось призваніе военной охраны именно изъ этого племени, и съ того времени иноземцы, можно сказать, непрерывнымъ потокомъ начали вливаться въ великую славянскую рѣку Руси и продолжаютъ вливаться и до сихъ поръ. И неудивительно, что когда въ XVI вѣкѣ на Москвѣ назрѣла среди боярства потребность въ родословіяхъ, то термины: выѣхавшій «изъ Прусъ», «изъ Нѣмецъ», «изъ Варягъ», или просто «Нѣмчинъ», «Фрязинъ» и т. п. вошли въ первоначальную исторію многихъ старыхъ русскихъ родовъ. Правда, не все изъ такихъ показаній можно принимать безусловно на вѣру и немало являлось тутъ измышленій, но все же и къ нимъ надо относиться съ извѣстнымъ вниманіемъ, ибо нѣкоторыя изъ нихъ не лишены правдоподобія и въ основѣ своей имѣютъ хотя и искаженныя, но несомнѣнно историческія событія.

Надо только внимательно разбираться въ правдоподобности и логичности показаній и въ доказательствахъ ихъ достовѣрности и отличать тѣ случаи, когда, за невозможностью показать именитаго предка изъ уроженцевъ своей страны, старались вывести свое происхожденіе отъ родовитаго чужеземца. При такомъ пристальномъ разсмотрѣніи всѣхъ подробностей начала происхожденія рода, неизбѣжны разномыслія и оспариванія того или другого вида происхожденія: мѣстнаго или иноземнаго. Критическій разборъ такихъ разномысленныхъ взглядовъ, сопоставленіе различныхъ мнѣній съ ихъ доказательствами, правильное ихъ взвѣшиваніе и оцѣнка, въ концѣ-концовъ и должны если не привести къ окончательному выводу, то все же приблизить изслѣдователя къ искомой истинѣ.

Кн. М. Штатинъ.

о главѣ исторіи Дома Романовыхъ, какъ и многихъ другихъ фамилій, ведущихъ свое происхожденіе отъ того же корня, ставятъ обыкновенно боярина Андрея Ивановича Кобылу, упоминаемаго въ лѣтописяхъ впервые подъ 1347 годомъ, когда онъ ѣздилъ по порученію великаго князя Московскаго Симеона Гордаго за его невѣстой, великой княжной Тверской Маріей Александровной, дочерью великаго князя Александра Михайловича. По нашимъ письменнымъ памятникамъ онъ—древнѣйшій представитель предковъ рода Романовыхъ и только по его отчеству можно судить, что отецъ его носилъ имя Ивана. Нѣкоторыя родословныя росписи прибавляютъ къ нему какъ его брата Ѳедора Ивановича Шевлягу, лицо не историческое, и про обоихъ братьевъ говорятъ, что тотъ или другой «выѣхалъ изъ Прусскія земли, изъ Нѣмецъ» или «родъ прусскаго княженія», или «пріѣхалъ

изъ Прусъ отъ своихъ предѣловъ», или же просто «вышѣхалъ изъ Прусъ». На первый взглядъ эти отмѣтки относятся какъ будто къ самому Андрею Ивановичу и производятъ впечатлѣніе, что это онъ самъ «вышѣхалъ изъ Прусъ», но отчество указываетъ, что отецъ его былъ уже извѣстенъ, что выѣхавшимъ надо считать, именно, его отца, ибо въ противномъ случаѣ ожидалось бы одно имя или прозвище, какъ Ратша, Ивоня и т. п. Еще больше въ пользу этого послѣдняго мнѣнія говоритъ то, что въ древнѣйшихъ родословныхъ спискахъ Андрей Ивановичъ называется не Кобыла, а Кобылинъ, т.-е. сынъ Кобылы. На этомъ основаніи, а также пользуясь семейными преданіями, геролъдмейстеръ Петровскаго времени, ближній стольникъ, Степанъ Андреевичъ Колычевъ, также ведущій свой родъ отъ Андрея Кобылы, сдѣлалъ въ 1722 году попытку найти отца Андрея Ивановича и пришелъ къ заключенію, что таковымъ былъ нѣкій Гланда Камбила, сынъ Дивона, прусскій владѣтель Недровскаго «уѣзда», покинувшій свою родину подъ натискомъ Тевтонскаго Ордена и пришедшій на Русь въ 1283 г., въ Москву къ великому князю Даніилу Александровичу, который и крестилъ его по греческому обряду, давъ ему имя Іоанна. Кромѣ того, Колычевъ пошелъ еще дальше и вывелъ происхожденіе Гланды Камбилы отъ «Прусскаго короля Прутено», который въ 373 г. по Р. Х. «для старости своей отдалъ въ вѣчное обладательство свое Прусское королевство брату своему Вейдевуту». Отъ четвертаго сына Вейдевута—Недрона и происходилъ, будто бы, по прямой линіи Гланда. Предположенія Колычева нашли себѣ сторонниковъ и они повторены, напримѣръ, у Мальгина въ его «Зерцалѣ Русскихъ Государей» въ 1794 г. и въ «Общемъ Гербовникѣ», офиціальномъ изданіи 1797 года. Одно изъ его предположеній, именно о Гландѣ Камбилѣ, какъ отцѣ Андрея Ивановича Кобылы—Кобылина, встрѣтило горячую и убѣжденную поддержку еще у нѣкоего барона Балтазара Кампенгаузена «дѣйствительнаго камергера Двора Его Величества Россійскаго Императора (Александра I), директора Государственной медицинской экспедиціи», который издалъ въ 1805 г., въ Лейпцигѣ обширный трудъ по этому поводу, на нѣмецкомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: «Genealogisch-Chronologische Geschichte der Allerdurchlauchtigsten Hauses Romanow und seines voralterlichen Stammhauses—Генеалогическо-хронологическая исторія Пресвѣтлѣйшаго Дома Романовыхъ и коренного рода ихъ предковъ». Однако, заключенія Колычева о предкахъ Гланды и объ его происхожденіи отъ Вейдевута онъ подвергъ рѣзкой критикѣ и отказался отъ нихъ. Со времени барона Кампенгаузена научная литература рѣдко останавливалась на этихъ предположеніяхъ Колычева и бар. Кампенгаузена, или же просто принимала ихъ указанія, какъ непреложный фактъ, какъ, напримѣръ, Крекшинъ, Мальгинъ, бар. Фридбургъ, кн. П. Долгоруковъ, Г. Студенкинъ, архим. Сергій и др., и лишь позднѣйшіе ученые высказались всѣ единодушно въ отрицательномъ смыслѣ, утверждая и отчасти доказывая, что разсказы о Гландѣ и его происхожденіи баснословныя выдумки. Въ концѣ концовъ литература вопроса разрослась до внушительныхъ размѣровъ, но все же до сихъ поръ не пришла ни къ какому соглашенію. Здѣсь будетъ представлена попытка сдѣлать выводы изъ всѣхъ этихъ взглядовъ.

* * *

Если сгруппировать теперь вмѣстѣ всѣ мнѣнія о происхожденіи рода Романовыхъ, какъ указанныя въ старинныхъ родословныхъ и лѣтописяхъ, такъ и высказанныя въ печати нашими историками, генеалогами и изслѣдователями родовъ одного происхожденія съ Романовыми, то получится ясное раздѣленіе ихъ на три системы, изъ которыхъ двѣ рѣзко противоположны другъ другу, а третья занимаетъ между ними среднее положеніе, не примыкая ни къ тому ни къ другому взгляду и обходя совершенно вопросъ объ

отцѣ боярина Андрея Ивановича Кобылы, являющагося первымъ и несомнѣннымъ историческимъ представителемъ, уже какъ бы чисто русскимъ родоначальникомъ цѣлаго ряда фамилій, въ томъ числѣ и Романовыхъ и ихъ ближайшихъ предшественниковъ—Захарьевыхъ, или Захарьиныхъ, и Юрьевыхъ.

Системы эти слѣдующія:

1. Мнѣнія о безусловно исконномъ русскомъ происхожденіи Романовыхъ. Эти мнѣнія, въ свою очередь, дѣлятся на два теченія. Одно изъ нихъ ведетъ Романовыхъ изъ Великаго Княжества Тверского и Андрея Ивановича Кобылу считаетъ чистымъ Тверичемъ, отвергая безусловно его иноземное происхожденіе; другое—также стоящее за русское происхожденіе Андрея Ивановича, желаетъ вывести его изъ Новгорода, изъ старыхъ Новгородскихъ родовъ, и третье указываетъ на Псковскую землю, какъ на прародину Романовыхъ. При этомъ первое и третье теченія оставляютъ совершенно въ сторонѣ вопросъ объ отцѣ или предкахъ Андрея Ивановича, а второе пытается найти ихъ въ самомъ Новгородѣ.

2. Мнѣнія совершенно отвергающія, наоборотъ, мѣстное, россійское, происхожденіе этого рода и ведущія его «изъ Прусъ» или «Нѣмецъ», при чемъ одно проводитъ Андрея Ивановича черезъ Новгородъ, а другое прямо «изъ Прусъ», называя отцомъ его Гланду Камбилу, державца Прусскаго, въѣхавшаго въ Россію при Великомъ Князѣ Дмитріи Александровичѣ (1276—1294), сынѣ Александра Невскаго.

3. Мнѣніе, не принадлежащее ни къ тому ни къ другому, одинаково считающее недоказаннымъ ни тверское, ни новгородское, ни псковское, ни иноземное происхожденіе и не высказывающее своего рѣшенія по этому вопросу, кромѣ предположенія о чисто русскомъ происхожденіи.

Какіе же взгляды на происхожденіе Романовыхъ можно считать наиболѣе вѣроятными, наиболѣе подтверждаемыми историческими данными и соображеніями, и наиболѣе возможными?

Отвѣтомъ на эти вопросы можетъ послужить лишь тщательное разсмотрѣніе всѣхъ мнѣній, каждаго въ отдѣльности, чему и посвящается дальнѣйшее изложеніе. Выводы по каждому отдѣльному взгляду и должны привести къ выясненію истины, или, лучше, къ возможно болѣе правильному рѣшенію всего вопроса.

I.

Въ первый разъ указаніе, или, лучше, намекъ, на возможность Тверского происхожденія Андрея Ивановича Кобылы былъ высказанъ въ видѣ догадки А. П. Барсуковымъ въ его извѣстномъ трудѣ «Родъ Шереметевыхъ» [1]. Говоря о томъ вниманіи и заботливости, которыя оказывали Бѣжецкому Николаевскому Антоньеву монастырю потомки Василія Андреевича Шереметева, постригшагося въ этомъ монастырѣ подъ именемъ Вассіана, онъ тутъ же высказываетъ догадку о томъ, что не въ тѣхъ ли мѣстахъ [2] была и Бѣжецкая вотчина Василія Андреевича и не тамъ ли, въ тѣхъ же Бѣжецкихъ мѣстахъ, надо искать первыя земельныя владѣнія и помѣстья ближайшихъ потомковъ Андрея Ивановича, отъ котораго ведутъ свой родъ также и Шереметевы. Какъ на доказательства возможности такого предположенія онъ указываетъ на то обстоятельство, что именно въ Тверской губерніи, въ нынѣшнемъ ея объемѣ, встрѣчается, будто бы, болѣе чѣмъ гдѣ-либо

---

[1] А. П. Барсуковъ «Родъ Шереметевыхъ». Книга первая. С.-ПБ. 1882 г., гл. VI, стр. 84 и 85 г.

[2] Нынѣ около города Краснаго Холма, въ Весьегонскомъ уѣздѣ.

населенныхъ мѣстностей, носящихъ названія Кобылино и Кошкино, такъ напоминающихъ прозвища Андрея Ивановича—Кобыла, и его пятаго сына Ѳедора Андреевича—Кошка, Такъ, по его подсчету, въ Тверской губерніи населенныхъ пунктовъ съ названіемъ Кобылино имѣется 13, а съ названіемъ Кошкино—4, тогда какъ, напримѣръ, въ Московской губерніи первыхъ насчитывается всего 4, а послѣднихъ ни одного.

Этотъ намекъ не только на русское происхожденіе Андрея Ивановича Кобылы и его рода, но и какъ бы на выѣздъ его въ Москву изъ Великаго Княжества Тверского былъ энергично поддержанъ проф. Д. В. Цвѣтаевымъ. Въ первый разъ онъ высказался въ такомъ направленіи въ своей статьѣ «Московскіе бояре XVI и XVII вѣковъ» [1]), въ каковой, между прочимъ, сдѣлалъ и критическій разборъ генеалогіи, данной А. П. Барсуковымъ въ I книгѣ его «Рода Шереметевыхъ». Но такъ какъ статья эта печаталась въ газетѣ, то авторъ не могъ, конечно, развить вполнѣ подробно и обстоятельно свои соображенія и доказательства и сдѣлалъ это уже во второй своей работѣ, выпущенной имъ по случаю 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ, въ видѣ отдѣльной брошюры, подъ заглавіемъ «Избраніе Михаила Ѳеодоровича Романова на Царство» [2]). Будучи безусловнымъ противникомъ иноземнаго происхожденія Андрея Ивановича, онъ выставляетъ два соображенія, говорящія, по его мнѣнію, въ пользу происхожденія его именно изъ Тверского Великаго Княжества. «Первымъ исторически извѣстнымъ предкомъ Романовыхъ,—пишетъ проф. Д. В. Цвѣтаевъ въ указанной брошюрѣ,—является Андрей Ивановичъ Кобыла, бояринъ великаго князя Московскаго Симеона Ивановича Гордаго, сына Калиты. Онъ или одинъ изъ его ближайшихъ предковъ могъ прибыть въ Москву изъ какого-либо русскаго княжества, только не изъ-за границы. Повидимому, такимъ княжествомъ было Тверское, откуда передъ тѣмъ многіе бояре переѣхали на службу къ Московскому князю, какъ это они дѣлали и впослѣдствіи. По свидѣтельству лѣтописи, Андрей Ивановичъ Кобыла ѣздилъ (1347) въ Тверь по невѣсту Симеона Гордаго, Марію, дочь Тверского великаго князя Александра Михайловича. Обстоятельство это имѣетъ здѣсь большое значеніе, такъ какъ въ древней Руси практиковалось посылать за невѣстами лицъ близкихъ къ нимъ, земляковъ (за Софіей Палеологъ ѣздилъ Иванъ Фрязинъ, къ Маріи Гастингсъ—Горсей). На дочери младшаго его сына, Ѳеодора Ивановича Кошки, женился сынъ великаго князя Тверского Михаилъ Александровичъ».

Итакъ, первое соображеніе проф. Цвѣтаева таково: разъ Андрей Ивановичъ ѣздилъ по царскую невѣсту, то значитъ онъ ей былъ землякъ, «такъ какъ въ древней Руси практиковалось посылать за невѣстами царя лицъ близкихъ къ ней, земляковъ». Доказательство этого онъ видитъ въ посольствахъ Ивана Фрязина за Софіей Палеологъ и Горсея за Маріей Гастингсъ. Согласится и съ самимъ соображеніемъ и съ доводами почтеннаго историка въ его пользу никакъ нельзя.

Прежде всего надо отмѣтить, что исторія бракосочетанія великихъ князей древней Руси, а также и царей не даетъ никакихъ основаній сказать, что практика требовала посылки за невѣстой ея близкихъ или земляковъ. Всѣ подобныя бракосочетанія дѣлятся ясно на три вида: на выборъ невѣсты изъ числа своихъ подданныхъ, на избраніе невѣстъ въ сосѣднихъ, русскихъ же, княжествахъ и на женитьбу на иноземныхъ принцессахъ или княжнахъ. Въ первомъ случаѣ обыкновенно совершался предварительный

---

[1]) «Московскія Вѣдомости», 1884 г., №№ 22—59.

[2]) Профессора Д. В. Цвѣтаева, управляющаго Московскимъ Архивомъ Министерства Юстиціи. «Избраніе Михаила Ѳеодоровича на Царство». М. 1913. 8⁰.

выборъ невѣстъ родителями жениха, смотрины ихъ, если ихъ предоставляли окончательно избрать самому жениху, и подготовка ихъ къ вѣнцу, уже въ стольномъ городѣ жениха. Конечно, родныя невѣсты играли при этомъ выдающуюся роль и занимали въ торжествахъ первыя мѣста; конечно, они же и привозили невѣстъ на показъ, или смотрины, но это далеко не соотвѣтствуетъ тому, что хочетъ установить проф. Цвѣтаевъ. Тутъ играло роль лишь одно кровное, ближайшее родство, что вполнѣ естественно и ничего болѣе. При выборѣ невѣсты изъ сосѣдственныхъ русскихъ же княжествъ опять-таки ближайшія мѣста, вѣроятно, занимали ея родныя, то-есть члены ея же княжескаго рода, кровныя, близкіе. Но когда приходилось посылать за такой невѣстой, то, несомнѣнно, для того выбирались люди особо знатныя, выдающіеся по своему положенію при дворѣ жениха, наконецъ, близкіе его родныя. Понятно, если среди особо приближенныхъ лицъ двора жениха оказывались и родственники невѣсты или ея земляки, то это обстоятельство не могло мѣшать ихъ посылкѣ, а, быть-можетъ, давало и перевѣсъ въ пользу посылки такого именно лица передъ другимъ знатнымъ служилымъ человѣкомъ, но обязательства выбирать пословъ за невѣстой изъ ея родныхъ или земляковъ не было, да и не могло быть. Надо было въ этихъ дѣлахъ соблюсти, главнымъ образомъ, все возможное уваженіе, всякій почетъ къ невѣстѣ, къ ея родителямъ, не дать ни малѣйшаго намека на какое-либо ея униженіе, а къ этому вопросу люди древней Руси относились съ болѣзненной щепетильностью и болѣзненнымъ самолюбіемъ. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ не была бы обидна дому невѣсты и ея родителямъ присылка за ней ея же родственника, занимавшаго незначительное положеніе при чужомъ дворѣ, только потому, что онъ былъ ея родственникъ? Вѣдь тутъ очень легко было усмотрѣть какъ бы желаніе жениха особо подчеркнуть превосходство своего положенія и своего рода и какъ бы намекнуть на особую честь для невѣсты, что сосѣдній князь выбралъ ее своей нареченной, какъ бы снизошелъ до нея. Еще болѣе прямо даже оскорбительнаго можно было бы усмотрѣть въ выборѣ пословъ за невѣстой исключительно изъ земляковъ невѣсты. Изъ этого легко бы было сдѣлать выводъ, что жениховскіе приближенные изъ мѣстныхъ родовъ, или его родные, слишкомъ знатны, чтобы ѣхать по невѣсту въ другое княженіе. Тѣмъ болѣе всѣ эти соображенія должны были имѣть мѣсто въ данномъ случаѣ потому, что Великое Княженіе Тверское всегда не только считало себя нисколько не ниже Московскаго, но неустанно претендовало на руководящую роль на Руси, изъ-за чего и шли непрерывныя столкновенія между Москвой и Тверью, кончившіяся лишь разгромомъ и уничтоженіемъ Тверского Великаго княженія при Іоаннѣ III. Наконецъ, и самъ женихъ долженъ былъ думать о томъ, чтобы неудачной, неправильной и вызывающей самолюбивыя подозрѣнія со стороны дома невѣсты посылкой не опорочить себя, не нарушить стародавнихъ обычаевъ, не унизить невѣсты и вмѣсто брачнаго союза не создать новыя затрудненія, а можетъ быть и войну.

Въ интереснѣйшей и въ высшей степени цѣнной работѣ своей «Князь Аѳанасій Даниловичъ, сынъ князя Даніила Александровича Московскаго» [1]) авторъ ея Г. С. Ш. сдѣлалъ крайне осторожно попытку установить, что у Андрея Ивановича Кобылы была дочь Анна, вышедшая замужъ за князя Аѳанасія Даниловича, брата Ивана Калиты. Князь Аѳанасій жилъ въ Новгородѣ, былъ тамъ очень любимъ народомъ. И вотъ, благодаря такому родству съ домомъ князя Даніила Московскаго, Андрей Ивановичъ и ѣздилъ, по предположенію Г. С. Ш., въ 1347 году въ Тверь за невѣстой великаго князя Московскаго Симеона Гордаго, сына Калиты, дочерью великаго князя Твер-

---

[1]) СПБ. 1908.

скаго Маріей Александровной. Эти указанія почтеннѣйшаго автора, разъ они получили бы полное подтвержденіе, вполнѣ объясняли бы посылку Андрея Ивановича и соотвѣтствовали бы тому, что сказано выше. Налицо тутъ тогда было бы и близкое родство съ Московскимъ Великокняжескимъ Домомъ, и высокое положеніе посла у себя на родинѣ, и, вѣроятно, соотвѣтствующій высокому порученію возрастъ Андрея Ивановича. Посылать въ сосѣднее княженіе за молодой дѣвушкой, да еще за великой княжной, да къ тому же еще и невѣстой великаго князя, уже цѣлый рядъ лѣтъ сидящаго на престолѣ, не только молодого, но даже среднихъ лѣтъ человѣка, никоимъ образомъ не могло соотвѣтствовать понятіямъ русскихъ людей XIV вѣка. Но, къ глубокому сожалѣнію, родство Андрея Ивановича съ Московскимъ Великокняжескимъ Домомъ пока является только заманчивымъ предположеніемъ Г. С. Ш.

Наконецъ, въ третьемъ случаѣ, когда невѣста бралась изъ чужихъ земель, да еще въ ту эпоху, когда Московское Государство только еще сплочивалось и укрѣплялось и не имѣло достаточно знатныхъ и въ то же время европейски образованныхъ лицъ, хотя бы все ихъ образованіе сводилось къ знанію одного или нѣсколькихъ иностранныхъ языковъ, поневолѣ пришлось бы прибѣгнуть къ посредничеству «земляковъ» намѣченной невѣсты, которые могли бы свободно и ясно передать все, что нужно и ей и ея роднымъ на ея родномъ языкѣ. Однако такихъ примѣровъ мы не знаемъ, ибо приводимые проф. Д. В. Цвѣтаевымъ не убѣдительны и не отвѣчаютъ положенію. Предложеніе Великому Князю Іоанну III вступить въ бракъ съ наслѣдницей византійской императорской фамиліи Палеологовъ—Зоей шло изъ Италіи, отъ епископа Никейскаго Виссаріона. Выразителемъ этого явился, по лѣтописнымъ свѣдѣніямъ, «грекъ Юрій», очевидно тотъ самый «печатникъ», о которомъ Іоаннъ III упомянулъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи [1]); по другимъ же изысканіямъ, въ особенности Павла Пирлинга, итальянецъ Джанъ Баттиста делла Вольпе, извѣстный по нашимъ лѣтописямъ подъ именемъ Ивана Фрязина [2]). А разъ это предложеніе было въ принципѣ принято Великимъ Княземъ, то кому же другому могъ онъ поручить веденіе дальнѣйшихъ переговоровъ о бракѣ и замѣнить его при обрядѣ обрученія въ Ватиканской базиликѣ, какъ не тому лицу, который велъ всѣ предварительные переговоры, который былъ въ Римѣ, какъ у себя дома, съ которымъ и черезъ котораго говорили всѣ устроители этого брака и который въ совершенствѣ зналъ и итальянскій языкъ и латинскій, а быть можетъ и греческій, и происходилъ изъ хорошей фамиліи [3]). Но ни родственникомъ, ни землякомъ Зои-Софіи Палеологъ делла Вольпе никогда не былъ, ибо Италію нельзя считать родиной царевны, она была лишь случайнымъ убѣжищемъ осиротѣвшей въ 1465 году дочери Ѳомы Палеолога, а Вольпе по происхожденію своему былъ германецъ [4]). Что же касается до другого указанія проф. Цвѣтаева—на Горсея, то если вопросъ о бракѣ царя Іоанна IV Грознаго съ принцессой Маріей Гастингсъ и былъ поставленъ болѣе или менѣе серьезно, то развѣ только со стороны царя Московскаго. Въ Англіи о немъ думали совершенно иначе и Горсей являлся лишь дипломатическимъ посредникомъ между Іоанномъ IV и королевой Елизаветой, въ силу чисто политическихъ соображеній не желавшей сразу отвергнуть предложеніе Іоанна и тѣмъ быть можетъ лишить Англію выгодной торговли съ Москвой. Переговоры не

---

[1]) С. Г. Г. и Д. т. I № 144, «да у моего печатника у Юрья у Дмитріева сына у Грека».

[2]) Павелъ Пирлингъ. Россія и Востокъ. Царское бракосочетаніе въ Ватиканѣ. Іоаннъ III и Софія Палеологъ. С.-ПБ. 1892.

[3]) Ibidem.

[4]) Ibidem. Приложенія, 210. «A Vulpe familiam antiquissimam esse comperio, quam ex germanicis partibus ad nos venisse rerum venetinarum scriptores testantur». Коммун. библ. Виченцы. Pagliarini, ms. стр. 114.

окончились ничѣмъ, и Марія Гастингсъ никогда не была невѣстой Іоанна. Такимъ образомъ, тутъ и рѣчи быть не могло о «посылкѣ за царской невѣстой». Кромѣ того, Горсей былъ англійскій посолъ и представитель Елизаветы въ Москвѣ, и странно было бы начинать и вести хотя бы и безплодные переговоры о бракѣ царя съ принцессой—съ англійскимъ дворомъ, помимо него.

Если бы проф. Цвѣтаевъ привелъ хотя бы одинъ дѣйствительный примѣръ практики въ древней Руси посылки за великокняжескими или царскими невѣстами, чужеземными или выбиравшимися изъ сосѣднихъ княжествъ, ихъ «земляковъ или лицъ близкихъ къ нимъ», тогда можно было бы еще какънибудь допустить на этомъ основаніи и то только одну лишь мысль о землячествѣ Андрея Ивановича съ княжной Маріей Александровной Тверской. Но онъ не указываетъ ни одного такого несомнѣннаго факта или случая. И не могъ бы указать, ибо такой практики никогда не было на Руси.

Такимъ образомъ указаніе на посылку Андрея Ивановича за Тверской княжной—невѣстой Великаго князя, какъ на доказательство его тверского происхожденія и не доказательно, и не убѣдительно, и исторически не подтверждается ничѣмъ.

Второе соображеніе проф. Цвѣтаева въ пользу тверского происхожденія Андрея Ивановича, какъ выше было уже отмѣчено, то же, что и у А. П. Барсукова, т.-е. основывается оно на нѣсколькихъ названіяхъ населенныхъ пунктовъ Тверской губерніи, напоминающихъ прозвища Андрея Ивановича и его потомковъ. Какъ видно будетъ ниже, онъ то, что А. П. Барсуковъ высказалъ лишь въ видѣ вопроса, считаетъ положительнымъ и вполнѣ опредѣленнымъ и достаточнымъ для того, чтобы считать эти соображенія несомнѣнно подтверждающими выѣздъ Андрея Ивановича Кобылы изъ Тверского Великаго Княжества. Однако, и эти предположенія приходится отклонить за весьма слабой ихъ доказательностью.

«На мысль о близкомъ отношеніи къ Твери, пишетъ онъ [1]), и о тверскомъ происхожденіи этого рода (т.-е. предковъ Романовыхъ) наводитъ еще тотъ фактъ, что старинныя владѣнія одной изъ самыхъ видныхъ, происшедшей также отъ Андрея Ивановича Кобылы, фамиліи Шереметевыхъ, находились именно въ Тверскомъ краѣ. Переѣздъ на службу къ другому князю тогда еще не влекъ, какъ впослѣдствіи, утраты имѣній въ прежнемъ княжествѣ: считали его явленіемъ законнымъ; великіе и удѣльные князья еще держались прежняго правила «а боярамъ и слугамъ межи насъ (князей) вольнымъ воля», и они обязывались «не держать нелюбья» на отъѣзжающихъ бояръ; такіе же договоры заключались и между московскими и тверскими князьями. Выѣхавшій въ Московское княжество оставался землевладѣльцемъ и въ Тверскомъ». Къ этому проф. Цвѣтаевъ дѣлаетъ ссылку на договорную грамоту Великаго князя Димитрія Іоанновича и брата его князя Володимера Андреевича съ Великимъ княземъ Тверскимъ Михаиломъ Александровичемъ 1368 года. Далѣе онъ говоритъ такъ: «Надо отмѣтить также безспорное преобладаніе по числу мѣстностей съ названіемъ Кобылино въ нынѣшней Тверской губерніи по сравненію съ Московской [2]). Невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе также то, что въ одной только изъ находившихся тамъ вотчинъ Романовыхъ, Хабоцкомъ, были въ старину у пусто-

---

[1]) Op. cit., стр. 39—40.

[2]) Мѣстъ въ Тверской губерніи насчитывается съ названіемъ Кобылино до 13, въ Московской—3, съ названіемъ Кошкино въ Тверской—4, въ Московской ихъ совсѣмъ нѣтъ. А. Барсуковъ I, 85. Съ названіемъ Кобылино извѣстно намъ въ Тверской губ. 10 селеній: 1 село (Кашинскаго уѣзда) и 9 деревень (по уѣздамъ: Кашинскаго—3, при чемъ одна Большое Кобылино, другая Малое Кобылино, по одной и въ Тверскомъ, Калязинскомъ, Корчевскомъ, Зубцовскомъ, Бѣжецкомъ и Весьегонскомъ). Сюда не входятъ названія разныхъ урочищъ: пустошей и т. п.

Прим. проф. Д. В. Цвѣтаева.

шей и у деревни наименованія: Кобылкино, Кошкино, Юрьецово». Въ VII главѣ той же работы онъ нѣсколько подробнѣе останавливается на Хабоцкомъ [1]). «Громаднѣйшія вотчины Никиты Романовича лежали сѣвернѣе Москвы, въ предѣлахъ нынѣшней Тверской губерніи. Таковы: Тургиново и Хабоцкое... Хабоцкое лежало по направленію къ Бѣжецкому Верху, въ мѣстности возвышенной. Къ Никитѣ Романовичу оно, какъ родовое, перешло отъ двоюроднаго его брата Василія Михайловича Юрьева, для котораго оно было уже «старинною вотчиной». И далѣе: «Въ числѣ другихъ имѣній Михаилу Ѳеодоровичу принадлежала въ 1612 году родовая вотчина Романовыхъ, село Хабоцкое, съ деревнями, въ нынѣшней Тверской губерніи, въ Весьегонскомъ уѣздѣ, по сосѣдству съ Бѣжецкимъ... За Михаиломъ Ѳеодоровичемъ означена она въ описи Бѣжецкаго Верха, произведенной лѣта 7120 (1612) іюля въ 20 день»... Въ этой описи читаемъ: «Станъ Онтоновскій Вотчина Михаила Ѳеодоровича Романова, село Хабоцкое за деревнями»... Тутъ встрѣчаются пустоши Кобылкино и Кошкина и деревня Юрьецово; въ названіяхъ этихъ ясно отразилась изстаринная принадлежность вотчины предкамъ Романовыхъ; названія съ небольшими измѣненіями сохранились и доселѣ» [2]).

Всѣ эти указанія и соображенія почтеннаго автора на первый взглядъ могутъ показаться очень заманчивыми, но внимательное разсмотрѣніе ихъ заставляетъ прійти къ обратному выводу. Прежде всего невольно является вопросъ, почему взято сравненіе Тверской съ одной лишь Московской губерніей? Развѣ былъ вопросъ о Московскомъ происхожденіи Романовыхъ? Нѣтъ, рѣчь идетъ лишь о тверскомъ выѣздѣ. Но если бы даже это было и такъ, вѣдь предки Романовыхъ, начиная съ Андрея Ивановича,—всѣ Москвичи. Они тутъ живутъ, тутъ служатъ, тутъ принимаютъ участіе въ крупныхъ событіяхъ исторіи именно Московскаго государства, тутъ женятся и выдаютъ дочерей замужъ, тутъ роднятся съ царскимъ корнемъ, съ самимъ Царемъ Иваномъ Грознымъ и тутъ же вступаютъ на Московскій и всея Руссіи престолъ. Почему же тогда Московская губернія не сохранила, напримѣръ, ни одного селенія съ названіемъ Кошкина, когда Ѳедоръ Андреевичъ былъ уже сынъ Москвича? А кромѣ того, вѣдь Ѳедоръ Андреевичъ Кошка былъ выдающейся замѣчательной личностью и московскимъ дѣятелемъ XIV в., и на его дочери женатъ былъ одинъ изъ сыновей Тверского великаго князя Михаила Александровича? Почему и селеній «Кобылиныхъ» въ Московской губерніи втрое меньше, чѣмъ въ Тверской? А между тѣмъ мы считаемъ его только по Москвѣ, объ его выдающемся положеніи мы можемъ судить тоже лишь по отношенію къ Москвѣ. Почему отзвуки прозвищъ Андрея Ивановича и нѣкоторыхъ его потомковъ сохранились только въ предѣлахъ нынѣшней Тверской губерніи, несмотря на окончательный выѣздъ Андрея Ивановича изъ Твери? Почему для сравненія взяты названія населенныхъ мѣстностей нынѣшнихъ, намъ современныхъ, Тверской и Московской губерній? Если сравнить показанія А. Барсукова о количествѣ «Кобылиныхъ» въ Тверской губерніи съ подсчетомъ этихъ же поселеній проф. Цвѣтаева то окажется, что за 20—30 лѣтъ ихъ стало вмѣсто 13 всего 10, т.-е. исчезли безслѣдно три, быть можетъ просто перемѣнивъ названія. А развѣ раньше они не могли исчезать и мѣняться также? Изъ всѣхъ уѣздовъ, перечисленныхъ проф. Цвѣтаевымъ, лишь въ двухъ—Весьегонскомъ и Бѣжецкомъ, въ описи старинныхъ вотчинъ Романовыхъ, лишь въ названіяхъ двухъ пустошей и одной деревни села Хабоцкаго—Кобылкино, Кошкино и Юрьецово, какъ бы сохранился отзвукъ прозвищъ Андрея Ивановича, его сына Ѳедора Кошки и

---

[1]) Стр. 55—56 и 58—59.

[2]) Почему же Юрьецово не отъ того же В. М. Юрьева, отъ котораго оно и перешло къ Никитѣ Романовичу, а непремѣнно «изстариное?»

одного изъ потомковъ—Юрія, да и то названія пустоши «Кобылкино» въ описи Бѣжецкаго Верха 1612 г., въ жалованной грамотѣ Царя Михаила Ѳеодоровича Знаменскому монастырю 7140 (1632) года ноября 1 на села Яганово и Хаботское нѣтъ совсѣмъ [1]) и повторяется она (?) вновь въ Офицерской описи 1763 г., какъ «Кобылиха», теперь же, по словамъ проф. Цвѣтаева, «слыветъ также и Копылиха». Какія есть доказательства, что Кобылкино 1612 г., Кобылиха 1763 г. и Копылиха 1913 г. одно и то же? Проф. Цвѣтаевъ говоритъ, что въ описи 1612 г. при селѣ Хаботкомъ упоминается 27 деревень и 41 пустошь [2]). Въ грамотѣ 1632 года—13 деревень и 48 пустошей и на эти цифры приходится всего 1 деревня—Юрьецово и въ 1612 г. 2 пустоши—Кобылкино и Кошкино, а въ 1632 г. одна лишь Кошкина. Количество болѣе чѣмъ недостаточное для какихъ-либо выводовъ.

Но если даже допустить всѣ эти соображенія проф. Цвѣтаева, то все же надо помнить, что въ XVI—XVII вв. и Бѣжецкій и Весьегонскій, нынѣшніе уѣзды Тверской губерніи, входили въ составъ Новгородской области, гдѣ они были искони, а вовсе не бывшаго Великаго Княжества Тверского. Кромѣ того, вѣдь владѣнія Романовыхъ захватывали не однѣ нынѣшнія Тверскую и Московскую губерніи. Онѣ были гораздо обширнѣе, и крупнѣе, и древнѣе во многихъ другихъ областяхъ, въ нынѣшнихъ Новгородской, Костромской, Владимірской, Вологодской и другихъ губерніяхъ. Есть тамъ Кобылины, Кошкины, Юрьецовы и т. п.? Болѣе чѣмъ вѣроятно что есть, ибо названія эти, въ особенности первыя два, были въ XVI в. далеко не рѣдкость въ центральной и частью въ сѣверо-западной и сѣверной Россіи.

Приводимыя проф. Цвѣтаевымъ указанія на эти селенія не восходятъ далѣе XVI—XVII вѣковъ. Какія есть данныя для того, чтобы сказать, что эти названія уже были и въ XIV вѣкѣ? Какія есть доказательства того, что населенныя мѣста, вотчины назывались владѣльцами отъ своихъ прозвищъ? А если это такъ, то чѣмъ можно доказать, что всѣ эти Кобылины, Кошкины, Юрьецовы и другія искони были Романовскія, а не были получены ими какъ «жалованье» или приданными [3]), или путемъ купли? Почему среди извѣстныхъ намъ Романовскихъ владѣній съ XVI в. только эти названія—Кобылкино, Кошкино и Юрьецово и соотвѣтствуютъ прозвищамъ Андрея Ивановича и его потомства и нѣтъ никакихъ другихъ? Нельзя не замѣтить при этомъ еще и того, что и въ старинныхъ писцовыхъ, дозорныхъ и другихъ книгахъ, въ описяхъ и грамотѣ 7140 года эти названія Романовскихъ нѣкоторыхъ владѣній приложены только къ пустошамъ да деревнямъ, а не къ вотчинамъ и селамъ? Значитъ, это была мелочь. Если стать на точку зрѣнія почтеннаго автора, то пришлось бы искать хотя бы только по Тверской и Московской губерніямъ населенныя мѣста, пустоши и т. д. съ названіями Жеребцово, Вантѣево, Елкина, Мотовилиха и т. д., и всѣ приписывались бы къ владѣніямъ потомковъ Андрея Ивановича. Наконецъ, прозвища Кобыла и Кошка принадлежатъ вовсе не однимъ этимъ лицамъ, не говоря уже объ имени Юрій и, напримѣръ, въ Новгородской области такихъ прозвищъ было много какъ разъ въ XVI в. «Иванъ Кобыла, да Ѳедка Олександровы дѣти Сухово, помѣщики Каргальскаго погоста 1500 г., Кобылка Швець 1539 г., Иванъ Кобылица 1539 г., Минко Кобылка 1552 г., Савка Кобылка 1622 г., и др.; Матвѣйко Кошка, помѣщикъ въ Заморскомъ погостѣ,

---

[1]) Знам. архим. Сергій. «Историческое описаніе Московскаго Знаменскаго монастыря, что на старомъ Государевомъ дворѣ». М. 1866, стр. 103—105.

[2]) Op. cit. стр. 59.

[3]) Ср. напр., Н. В. Мятлевъ. «Родство Московскихъ Родовъ съ Новгородцами», «Изв. Русск. Генеал. О-ва». Вып. 2. СПБ. 1906. стр. 38— 44.

1500 г., Кошка, сынъ боярскій, с. Ивашка Сѣкирина, 1500 г. Андрей Кошка, дворянинъ 1569 г.» [1]).

Всѣ эти соображенія заставляютъ совершенно отказаться отъ принятія мнѣній А. П. Барсукова и проф. Д. В. Цвѣтаева о тверскомъ выѣздѣ боярина Андрея Ивановича Кобылы.

Въ пользу Новгородскаго происхожденія родоначальника Романовыхъ высказался яснѣе и опредѣленнѣе всѣхъ извѣстный въ свое время генеалогъ П. Н. Петровъ, въ своей «Исторіи Родовъ Русскаго Дворянства», въ статьѣ «Юрьевы-Романовы». Всегда очень рѣшительный и настойчивый въ своихъ мнѣніяхъ, далеко не всегда подтверждаемыхъ не только убѣдительными данными, но даже и простыми фактами или ссылками на документальныя данныя, онъ, не менѣе проф. Д. В. Цвѣтаева, является рѣзкимъ противникомъ мысли о выѣздѣ Андрея Ивановича «изъ Прусъ» и слѣдующимъ путемъ приходитъ къ новгородскому его происхожденію.

«... сводя эти два термина («изъ Прусъ» и «изъ Нѣмецъ»), говоритъ онъ [2]), въ одно цѣлое и находя въ лѣтописяхъ тождественность (?) именъ мнимыхъ выходцевъ изъ Пруссіи или Нѣмецкой земли съ новгородскими дѣятелями, въ пользу которыхъ или противъ которыхъ устраивались (?) побоища и схватки Торговой стороны съ Софійскою, невольно Прусовъ усматриваемъ въ загородномъ концѣ Новгорода, на Прусской улицѣ. Изъ нея шла и дорога во Псковъ, такъ называемый Прусскій путь. И жители этой улицы, во всѣ (?) времена новгородской народной державы поддерживавшіе оппозицію (?) на вѣчахъ противъ стремленій аристократической консервативной партіи, безпрестанно называются Прусами. Къ чему же искать намъ чужихъ Прусовъ за время ненахожденія ихъ въ другомъ мѣстѣ, когда тѣ же самыя имена своихъ русскихъ людей въ преемственности колѣнъ являются въ родословіяхъ московскихъ фамилій, пользовавшихся въ царской столицѣ первостепеннымъ вліяніемъ до второй половины XVI в. Представители (?) родовъ этихъ «выѣзжихъ изъ Прусъ»—люди талантливые, энергичные и полные предпріимчивости и отваги, безплодно потративъ (?) свои труды въ подвигахъ, завоевывая Новгороду Сѣверъ, напрасно ожидали (?) отъ захватившихъ власть въ немъ соперниковъ признанія правъ на соучастіе въ правленіи. Борьба съ противниками довела ихъ до изгнанія только; и тогда-то, обратя взоры на Москву, они подняли (?) ее изъ удѣльнаго княжества до престольнаго великаго княженія... едва ли не большинство Новгородцевъ съ начала XIV вѣка находило пріютъ и поле дѣятельности въ Москвѣ»... Затѣмъ, далѣе, отъ общихъ разсужденій онъ переходитъ къ частнымъ и убѣжденно ведетъ родъ Андрея Ивановича отъ знаменитаго боярина XIII—XIV вѣка «Іакинѳа Великаго, убитаго въ 1304 году, слѣдующемъ за смертью сына Невскаго, Св. Даніила Московскаго»... «Если же мы знаемъ,—говоритъ онъ,—что Іакинѳъ Великій былъ современникомъ Даніила Александровича, то и сыновья его, Иванъ и Ѳедоръ, были современники Калиты, а ближнимъ бояриномъ сына Калиты, Симеона Гордаго, является Андрей Ивановичъ Кобыла, когда сынъ Андрей былъ и у Ивана Іакинѳовича и когда, какъ мы указывали, въ родословіяхъ болѣе древнихъ, даже XVI вѣка, отецъ Андрея Ивановича Кобылы не означенъ». Послѣднее обстоятельство онъ объясняетъ «сбитіемъ порядка основного родословія» «списками», неправильностью показаній «бездѣтный», и тому подобными большей частью голословными утвержденіями. Какъ совершенно справедливо замѣчаетъ проф. П. Г. Васенко, «....родословныя потомковъ Іакинѳа, извѣст-

---

[1]) Тупиковъ, Н. М. Словарь древне-русскихъ личныхъ собственныхъ именъ. «Записки Отд. Русск. и Слав. Археологіи Имп. Русск. Археолог. Общ.» Т. VI. СПБ. 1908., стр. 240.

[2]) «Исторія Родовъ Русскаго Дворянства». СПБ. 1886, т. I.

ныхъ московскихъ бояръ Челядниныхъ и Бутурлиныхъ, молчатъ о такомъ родствѣ, и мы ничѣмъ не можемъ провѣритъ предположенiй П. Н. Петрова, высказанныхъ имъ очень рѣзко и утвердительно» [1]). Къ этому надо прибавить, что ни одно родословiе фамилiй, ведущихъ свой родъ отъ Андрея Ивановича Кобылы, а ихъ очень много (28), ни словомъ не упоминаетъ о какомъ-либо отцѣ Андрея Ивановича, а не только объ Iакинѳѣ Великомъ, чего не отрицаетъ и самъ Петровъ. А между тѣмъ если бы родословiе, составленное Петровымъ:

Ратша-Стефанъ, упом. 1146 г.

|

Якунъ-Михаилъ, посадникъ Новгородскiй, умершiй въ монашествѣ съ именемъ Митрофана, 1206 г.

|

Алекса-Гориславъ, въ монашествѣ Варлаамъ, преп. Хутынскiй, 1215 или 1243 г. [2]).

|

Гавриилъ, герой Невской битвы, 1240—1241 г., убитъ не старымъ.

|

Iакинѳъ Великiй, 1304 г.

|

Иванъ.

|

Андрей

(т.-е., по Петрову, Андрей Ивановичъ Кобыла),

имѣло хоть какiя-нибудь основанiя, то было бы болѣе чѣмъ странно умолчанiе у потомковъ Андрея Ивановича о такомъ предкѣ, какъ Варлаамъ Хутынскiй. Слишкомъ большимъ почетомъ и уваженiемъ пользовался онъ при жизни и чтилась и чтится его память до сихъ поръ, чтобы его забыли совершенно его собственные потомки.

Утвержденiе, что терминъ «выѣзжiй изъ Прусъ» въ родословной не только Романовыхъ, но и другихъ родовъ произошелъ отъ названiя «Прусской», одной изъ улицъ древняго Новгорода, нельзя не назвать по меньшей мѣрѣ страннымъ. Само названiе этой улицы уже указываетъ, отъ кого она получила его—отъ прусскихъ купцовъ. Своеобразное дѣленiе Новгорода на «концы» и участiе въ его управленiи на вѣчѣ «уличанъ» ясно указываетъ, какое значенiе придавали Новгородцы своему разселенiю по частямъ города. Допустить поселенiе на «Прусской улицѣ» съ иноземцами своихъ исконныхъ Новгородцевъ, каковыми П. Н. Петровъ считаетъ предковъ Андрея Ивановича, было бы для древняго Новгорода явленiемъ необычайнымъ, чуть ли не измѣной не только своей улицѣ, своему «концу», но и всему городу,—вѣдь не сразу же эти предки Романовыхъ такъ и осѣли на Прусской улицѣ, если они были исконными Новгородцами,—а также и своей торговлѣ, если только они опять-таки не шли отъ «выѣзжихъ изъ Прусъ» купцовъ. Но если даже и случился такой казусъ и Iакинѳъ Великiй, или его сынъ Иванъ, или внукъ Андрей дѣй-

---

[1]) П. Г. Васенко. «Бояре Романовы и воцареніе Михаила Ѳеодоровича». Изданіе Комитета для устройства празднованія трехсотлѣтія Царствованія Дома Романовыхъ. СПБ. 1913. стр. 11.

[2]) П. Строевъ въ своихъ «Спискахъ іерарховъ и настоятелей монастырей Россійской Церкви», СПБ. 1877 г. ст. 49, считаетъ его кончину въ 1195 г., а Е. Голубинскiй, «Исторія Русской Церкви», т. I., стр. 596—послѣ 1207 г.

ствительно жили бы въ Новгородѣ на этой улицѣ и Андрей Ивановичъ выѣхалъ бы прямо съ нея въ Москву, то какой смыслъ, какое значеніе имѣлъ бы этотъ фактъ въ связи съ названіемъ улицы и для него самого, и для Москвичей, его современниковъ, и для потомства? Неужели же онъ былъ такъ важенъ, что память о немъ сохранилась на цѣлыя столѣтія, а память о Св. Варлаамѣ Хутынскомъ, да и объ Іакиновѣ Великомъ, помогавшемъ Москвѣ противъ Твери, исчезла безслѣдно? Вещь совершенно немыслимая, и потому нельзя согласиться и съ уважаемымъ П. Г. Васенко, что «мы скорѣе допустили бы, что нѣкоторое смутное семейное преданіе о Прусской улицѣ, какъ мѣстожительствѣ Андрея Кобылы, могло бы еще болѣе натолкнуть его отдаленныхъ потомковъ XVI вѣка на мысль о Прусской землѣ, какъ его прежнемъ отечествѣ». Правда, П. Г. Васенко, какъ выше уже было отмѣчено, не допускаетъ правильность утвержденія П. Н. Петрова о родствѣ Андрея Ивановича съ Іакиновомъ Великимъ и касается лишь теоріи его о Прусской улицѣ, но все же трудно и даже невозможно допустить какъ такое превращеніе — жительство на Прусской улицѣ въ Новгородѣ въ выѣздъ «изъ Прусъ», такъ и сохраненіе такого ничего не говорящаго факта въ семейныхъ преданіяхъ на два съ половиной столѣтія. Еще возможно было бы допустить для Новгородскихъ родовъ, прозвища, происходящія отъ того «конца» или «улицы», въ которой жилъ родоначальникъ какой-нибудь фамиліи, и превращеніе этихъ прозвищъ въ родовое при переселеніи ихъ изъ Новгорода въ какую-нибудь другую область, но примѣненіе такого названія къ термину «выѣзда» изъ чужихъ земель—немыслимо, развѣ только для иноземцевъ. «Прусскій путь», указываемый П. Н. Петровымъ и ведущій, по его же утвержденію, въ Псковъ, повидимому не существовалъ совсѣмъ. Извѣстны три торговые пути изъ Новгорода—Водскій, шедшій въ Ревель, Лужскій—на Нарву и Псковскій,—соединявшій Новгородъ съ Данцигомъ черезъ Псковъ, Ригу, Полангенъ и Мемель [1]). Въ 1301 г. Новгородцы писали Любчанамъ, Готландцамъ и Рижанамъ, что они дали имъ: «три пути горніи по своей волости, а четвертый въ рѣчкахъ ѣхати безъ пакости». «Прусскій» же путь историкамъ Новгорода совершенно не извѣстенъ [2]).

Наконецъ, слова Петрова, что «...жители этой (Прусской) улицы, во всѣ времена Новгородской державы поддерживавшіе оппозицію на вѣчахъ противъ стремленій аристократической консервативной партіи, безпрестанно называются «Прусами», — совершенно не соотвѣтствуютъ исторіи. Изъ всѣхъ указаній, лѣтописныхъ и иныхъ, на Прусовъ и Прусскую улицу въ Новгородѣ, и на народныя волненія тамъ, только два раза всего встрѣчается отмѣтка объ участіи Прусовъ Новгородскихъ въ мѣстныхъ распряхъ. Это—подъ 6726—1218 и 6728—1220 годами, въ разсказѣ о столкновеніи посадника Твердислава съ горожанами, при чемъ Прусы держали его сторону [3]). Затѣмъ о Прусской улицѣ, какъ участницѣ въ мѣстныхъ событіяхъ, говорится еще подъ 6798—1290 годомъ, когда, по случаю убійства Самойла Ратшанича, Новгородцы, прямо съ вѣча, отъ Св. Софіи и Св. Николы, въ доспѣхахъ, направились въ Прусскую улицу, взяли ее и сожгли, при чемъ сгорѣла бывшая тамъ церковь во имя Пресв. Богородицы [4]). Иначе говоря, Прусы упоминаются въ Новгородѣ пока существовала еще Прусская область, т.-е. до конца XIII ст. Послѣ завоеванія ея Тевтонскимъ Орденомъ они исчезаютъ изъ исторіи Новгорода,

---

[1]) Никитскій. «Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода». М. 1893.

[2]) Нѣтъ его и у Д. Прозоровскаго. «Новгородъ и Псковъ по лѣтописямъ». СПБ. 1887.

[3]) «Новгород. лѣт. по синод. харат. списку». Изд. Арх. Ком. СПБ. 1888 г., стр. 208 и 212.

[4]) Ibid., стр. 301—302. Да еще въ 1350 г., при изгнаніи посадника Ѳедора, Прусская улица была разграблена Новгородцами.

оставивъ по себѣ память лишь въ видѣ названія Прусской улицы. Всѣ же остальныя упоминанія объ этой улицѣ, относящіяся ко времени отъ второй четверти XIV вѣка и позднѣе, говорятъ только о построеніи на ней церквей (значитъ Прусовъ тамъ уже почти не было) или о бывшихъ тамъ пожарахъ.

Въ увлеченіи своей теоріей о новгородскомъ происхожденіи Андрея Кобылы, Петровъ совершенно упустилъ изъ виду время появленія въ Новгородѣ Прусовъ и возникновенія тамъ Прусской улицы. Первое упоминаніе о Прусахъ въ Новгородѣ и притомъ, что очень важно, наравнѣ съ Готами и Нѣмцами, слѣдовательно, какъ объ отдѣльной самостоятельной народности, встрѣчается въ XI вѣкѣ въ «Уставѣ о мостовыхъ», приписываемомъ Ярославу [1]), въ такой формѣ: «Осменьникѣ поплата въ Людинъ конецъ, черезъ гроблю, отъ Добрынины улицы въ Городняя ворота, до Пискупли улицы, а отъ Пискупля улицы съ Прусы до Бориса и Глѣба». Слѣдовательно, въ первой половинѣ XI вѣка [2]) Прусы уже осѣли въ Новгородѣ, хотя, повидимому, не имѣли еще своей «улицы», своей «черты осѣдлости» и, можно думать, жили на «Торговищи», т.-е. на Торговой площади, вѣроятно, въ какомъ-нибудь пунктѣ, спеціально предназначенномъ для иностранныхъ купцовъ вообще. Такъ, по крайней мѣрѣ, вытекаетъ изъ отмѣтки лѣтописи [3]): «въ 6664 (1156) году поставиша заморстьи церковь Св. Пятницѣ на Торговищи». Но уже 20 лѣтъ спустя, въ 1185 г. «заложена бысть каменная церковь Св. Вознесенія на Прусской улицѣ» [4]) и съ тѣхъ поръ эта улица постоянно упоминается въ Новгородскихъ лѣтописяхъ вплоть до XVII вѣка.

Что можно вывести изъ этихъ лѣтописныхъ указаній? Несомѣнно то, что Прусская улица создалась благодаря увеличенію количества купцовъ—Прусовъ въ Новгородѣ, что они перешли туда съ Торговища. Къ XIII вѣку они уже сжились съ Новгородомъ, и ничего нѣтъ невозможнаго въ томъ, что часть ихъ перешла и переходила въ православіе, почему тамъ явились и православныя церкви и продолжали жить все тамъ же, на своихъ дворахъ. Возможно, что обновгородившіеся Прусы не только перемѣнили свои имена, но и прозвища, и стали въ дальнѣйшемъ казаться Новгородцами, но все же корень ихъ былъ Прусскій и исконными Новгородцами назвать ихъ было нельзя. Если взглянуть на теорію Петрова о происхожденіи Андрея Кобылы съ такой точки зрѣнія, то его можно было бы признать лишь обновгородившимся Прусомъ, не болѣе, и этимъ объяснить его жительство на Прусской улицѣ, если бы оно когда-либо было хотя кѣмъ-нибудь или чѣмъ-нибудь доказано. Но выводить происхожденіе термина «выѣзжій изъ Прусъ» только изъ жительства на Прусской улицѣ и считать Андрея Ивановича исконнымъ Новгородцемъ нѣтъ буквально никакихъ данныхъ.

Какъ-будто въ пользу новгородскаго или скорѣе новгородско-псковскаго происхожденія прародителя Романовыхъ высказывается Н. Н. Селифонтовъ въ своемъ изданіи матеріаловъ И. П. Сахарова для родословной рода Захарьиныхъ-Юрьевыхъ-Романовыхъ [5]). Въ примѣчаніи къ № 1 «Поколѣнной росписи», упоминая о предположеніи Г. В. Мещеринова, что отецъ Андрея Ивановича Кобылы вышелъ «изъ Литвы» или «изъ Прусъ», понимая, пожалуй, подъ послѣднимъ выраженіемъ новгородское происхожденіе въ виду того обстоятельства, что родъ владѣлъ обширными землями въ принадлежавшей Новгороду территоріи, Н. Н. Селифонтовъ говоритъ: «Вопросъ этотъ требуетъ, по нашему мнѣнію, болѣе подробнаго изученія и, между

---

[1]) «Собраніе памятниковъ» Утина и Лазаревскаго, стр. 37—38.
[2]) Ярославъ I княжилъ въ Новгородѣ съ 1014 по 1016 годъ.
[3]) П. С. Р. Л. III, 12.
[4]) Д. Прозоровскій. «Новгородъ и Псковъ». СПБ. 1887, стр. 61.
[5]) Сборникъ матеріаловъ по исторіи предковъ Царя Михаила Ѳеодоровича Романова. Ч. II. Родословная рода Захарьиныхъ-Юрьевыхъ-Романовыхъ по матеріаламъ И. П. Сахарова. СПБ. 1898.

прочимъ, съ принятіемъ во вниманіе названій разныхъ урочищъ и населенныхъ мѣстъ въ древнихъ Литвѣ и земляхъ Великаго Новгорода и Пскова. Укажемъ здѣсь, для примѣра, что изъ духовнаго завѣщанія Царя Іоанна Васильевича Грознаго 1572 года и Географическаго словаря Щекатова несомнѣнно видно, что около Чудскаго озера и г. Пскова было два городка: Кобылинъ и Кошкинъ».

Въ этомъ замѣчаніи опять все тѣ же точки отправленія—названія населенныхъ мѣстностей XVI вѣка, но уже въ Псковской области. Итакъ получается картина, что прозвища Андрея Ивановича, уже московскаго дѣятеля, и его пятаго сына Ѳедора Андреевича Кошки, прирожденнаго Москвича и дѣятеля конца XIV вѣка, и притомъ только ихъ двухъ, почему-то упорно даютъ два столѣтія спустя наименованія населеннымъ мѣстамъ и въ Тверской области, и въ Новгородской и, наконецъ, Псковской, только не въ Московской, какъ будто всѣ эти области были полны всѣ вотчинами Андрея Ивановича и Ѳедора, уже истинныхъ Москвичей. Опять приходится указать на недостаточность устоевъ такихъ теорій, не повторяя болѣе основаній этого вывода, уже приведенныхъ выше, но лишь дополнивъ ихъ слѣдующими соображеніями.

Какъ раньше было отмѣчено, всѣ указанія на владѣнія Романовыхъ, въ томъ числѣ и на такія, которыя носятъ названія, близко напоминающія прозвища и самого Андрея Ивановича и его потомковъ, не восходятъ ранѣе XV вѣка, точнѣе его второй половины, и принадлежатъ въ громадномъ большинствѣ къ древнимъ областямъ Новгорода и Пскова. Но извѣстно, что какъ разъ вторая половина XV вѣка была роковой для Новгорода, когда по Яжелбицкимъ договорамъ 1456 и 1471 годовъ онъ почти совершенно подпалъ не только подъ вліяніе, но и подъ власть Москвы. Извѣстно, что въ періодъ времени между 1483 и 1504 годами Іоаннъ III перевелъ массу Москвичей въ Новгородскія области, отошедшія къ нему. Грозный заключилъ начатое его дѣдомъ и, окончательно разгромивъ Новгородъ, увелъ оттуда еще большее количество Новгородцевъ, раздавъ ихъ вотчины Москвичамъ. Приблизительно то же было и съ Псковомъ, съ 1510 года перешедшимъ во власть Москвы. Въ эти эпохи роды, происходящіе отъ Андрея Кобылы, въ частности Кошкины, Захарьины, Лятскіе, Юрьевы, Романовы, Шереметевы и др., были уже близки къ Московскому двору, занимали мѣста воеводъ, окольничихъ и т. п., были боярами, а нѣкоторые представители ихъ и намѣстниками въ Новгородѣ, какъ, напримѣръ, братья Яковъ и Юрій Захарьевичи Лятскіе, бывшіе тамъ въ этой должности съ 1485—1489 гг. Ничего нѣтъ удивительнаго, если они также получили свою долю при замѣнѣ Новгородцевъ Москвичами или въ видѣ жалованья или путемъ купли. Получали они эти исконныя Новгородскія вотчины въ готовомъ видѣ, устроенныя, съ ихъ названіями и съ разными, приписанными къ нимъ, деревнями и пустошами, какъ тѣ же Тургиново и Хабоцкое. Всѣ эти новыя владѣнія, оставаясь за новыми владѣльцами, сохраняли свои наименованія и въ дальнѣйшихъ переписныхъ и иныхъ подобныхъ книгахъ, числились за тѣми же, напримѣръ, Романовыми или ихъ родственными фамиліями [1]).

Затѣмъ, къ этимъ же XV и XVI столѣтіямъ относятся сохранившіяся указанія на родство Московскихъ родовъ съ Новгородскими, что такъ обстоятельно и интересно отмѣчено Н. В. Мятлевымъ въ его уже упомянутой выше статьѣ «Родство Московскихъ Родовъ съ Новгородскими [2])», а также и Н. П. Лихачевымъ [3]). Въ этихъ трудахъ мы видимъ, между прочимъ,

---

[1]) Правда, еще Василій Дмитріевичъ взялъ у Новгородцевъ Бѣжецкій Верхъ, Волокъ Ламскій, Вологду, Торжокъ, но первый изъ нихъ—Бѣжецкій Верхъ вернулъ очень скоро обратно.

[2]) Изв. Русск. Генеалог. О-ва. Вып. 2.

[3]) Ibidem. Вып. I, Н. П. Лихачевъ. «О родствѣ Колычевыхъ съ Новгородцами».

какъ разъ потомковъ Андрея Кобылы роднящихся съ Новгородцами—Колычевыхъ и Лятскихъ и эти указанія датируются какъ разъ 1471—1477 годами, 1491 г., 1583 и др. Даты эти, совпадающія со временемъ послѣ Яжелбицкихъ договоровъ, едва ли могутъ быть названы случайными. Въ этихъ указаніяхъ отмѣчаются «приданныя вотчины», что брались Москвичами за женами въ Новгородскихъ областяхъ. Такимъ образомъ получается еще другой и весьма важный источникъ полученія родомъ Андрея Кобылы земельныхъ владѣній въ Новгородской землѣ.

Принимая во вниманіе эти два обстоятельства, можно будетъ съ увѣренностью сказать, что именно ими и объясняется хотя бы, напримѣръ, тотъ фактъ, что въ описи селъ Тургиново и Хабоцкое только одна деревенька—Юрьицово—носитъ имя ея владѣльца, а названія Кобылино и Кошкино пріурочены къ двумъ пустошамъ, т.-е. даже незаселеннымъ мѣстамъ. Остальныя же названія не имѣютъ ничего общаго ни съ именами ни съ прозвищами рода Андрея Ивановича.

Если бы нашелся какой-нибудь документъ, который съ непреложной очевидностью указывалъ бы на какое-нибудь владѣніе Андрея Кобылы или одного изъ его сыновей въ Новгородской области, еще можно было бы какъ-нибудь базироваться на этомъ въ пользу его новгородскаго происхожденія, но на это нѣтъ никакихъ даже намековъ ни въ лѣтописяхъ ни въ другихъ памятникахъ и поэтому всѣ подходящія по своимъ названіямъ къ прозвищамъ Андрея Кобылы и его сыновей земельныя владѣнія рода Кобылы въ XV—XVI вѣкахъ надо отнести за счетъ исконныхъ Новгородцевъ, такъ или иначе лишившихся этихъ владѣній послѣ Яжелбицкихъ договоровъ, каковыя, быть можетъ, частью переименовывались новыми владѣльцами.

Въ заключеніе остается только повторить слова П. Г. Васенко: «Во всякомъ случаѣ, говоритъ онъ, новгородское происхожденіе Андрея Ивановича Кобылы доказать сколько-нибудь твердо нельзя. Это осталось до сихъ поръ въ области предположеній [1]).

Правда, въ другомъ изданіи, посвященномъ также исторіи Романовыхъ и въ которомъ онъ участвовалъ совмѣстно съ проф. С. Ѳ. Платоновымъ и Е. Ф. Тураевой-Церетелли,—«Начало династіи Романовыхъ», П. Г. Васенко какъ-будто высказывается въ пользу Новгородской теоріи. «Притомъ, пишетъ онъ [2]), не лишено нѣкотораго вѣроятія и то предположеніе, что предки Романовыхъ происходили изъ Новгорода и подъ «Прусами» разумѣли или сохранили смутное воспоминаніе о Прусской улицѣ этого города». Но это замѣчаніе, несомнѣнно, навѣянное трудомъ Петрова, было высказано въ популярномъ изданіи, появившемся въ свѣтъ еще за годъ до юбилейнаго 1913 года и раньше, чѣмъ авторомъ былъ окончательно разработанъ тотъ же вопросъ въ вышеупомянутомъ капитальномъ трудѣ его. Очевидно, вникнувъ глубже въ теорію о Прусской улицѣ, онъ самъ увидалъ всю несостоятельность такой теоріи и отказался отъ нея.

Таковы мнѣнія о чисто новгородскомъ родѣ Андрея Кобылы. Слѣдующія за ними какъ-будто считаютъ Новгородъ лишь второй родиной его, но не первой, какъ бы промежуточной станціей между выѣздомъ изъ иноземныхъ странъ, въ частности «изъ Прусъ» и Москвой и въ доказательствахъ пребыванія Андрея Ивановича въ Новгородѣ стремятся найти собственно доказательства этого выѣзда, но не чисто новгородскаго его происхожденія.

Изъ статей въ этомъ направленіи, какъ очень остроумная и въ то же время осторожная, наиболѣе интересна уже упомянутая выше статья

---

[1]) «Бояре Романовы», стр. 11.

[2]) П. Г. Васенко, проф. С. Ѳ. Платоновъ, Е. Ф. Тураева-Церетелли. «Начало династіи Романовыхъ». Историческіе очерки. СПБ. 1912, ч. I. стр. 8.

Г. С. Ш. о князѣ Аѳанасіи Даниловичѣ. Пользуясь рядомъ документовъ XIII и XIV вѣковъ, тщательно анализируя ихъ, авторъ дѣлаетъ изъ нихъ подходящія подъ вопросъ выборки и ставитъ ихъ рядомъ, избѣгая, однако, со свойственной ему осторожностью, дѣлать какіе-либо опредѣленные выводы, считая это преждевременнымъ и предоставляя развивать эти намеки въ дальнѣйшемъ другимъ изслѣдователямъ. Подведеніе итоговъ этихъ намековъ приводитъ къ слѣдующему. Въ XIII вѣкѣ жилъ въ Новгородѣ знатный мужъ, нѣкій Иванъ или Ивонъ, однако не изъ коренныхъ Новгородцевъ, а, повидимому, выходецъ изъ той же Пруссіи. По мнѣнію автора, этому «Иванкѣ» Новгородцы отдали въ 1265 году цѣлый рядъ волостей—Торжокъ, Бѣжецкъ, Городецъ, Палицъ, Волокъ и другія. У этого-то Ивана и были тѣ дѣти, о которыхъ уже упоминалось выше, т.-е. Андрей Кобыла и дочь Анна, жена князя Аѳанасія Даниловича. Однако П. Г. Васенко указалъ на то, что не все въ этой статьѣ можно считать совсѣмъ обоснованнымъ и кое-что остается недоказаннымъ. Въ примѣчаніи 40, въ первой главѣ своего уже цитированнаго труда «Бояре Романовы», онъ такъ говоритъ по этому вопросу «...неясно, почему «Иванка» новгородскихъ грамотъ называется авторомъ также «Ивоней». Затѣмъ въ вопросѣ о владѣніяхъ, данныхъ «Иванкѣ», мы рѣшительно не можемъ согласиться съ уважаемымъ Г. С. Ш. Дѣло въ томъ, что въ грамотахъ... на которыя ссылается Г. С. Ш. и которыя говорятъ объ одномъ и томъ же пожалованіи «Иванкови» земли Новгородской, такъ какъ обѣ написаны въ одно время, читается объ этомъ фактѣ слѣдующимъ образомъ. Въ первой грамотѣ стоитъ[1]): «А се княже, волости Новгородьскые: Волокъ съ всеми волостьми; Тържькъ, Бежичь, городьцъ Палиць, а то есме дали Иванкови; потомъ Мелѣча...» Если изъ приведеннаго мѣста можно было бы заключить, что Иванка получилъ Волокъ, Торжокъ и т. д., то вторая грамота разъясняетъ въ чемъ дѣло. Тамъ находимъ: «А се волости Новгородьскые: Волокъ съ всеми волостьми. А держати ти свой тивунъ на половинѣ, а Новгородецъ на половинѣ въ всей волости Волоцькой, а в Торжку, княже, держати тивунъ на своей части, а Новгородецъ на своей части. А Городецъ (здѣсь пропущено Палиць) княже, далъ Дмитрии съ Новгородци Иванкоу; а того, ти, княже, не отьяти...» Ясно, что Иванкѣ данъ былъ одинъ «Городецъ Палиць» притомъ не въ потомственное владѣніе (см. (ibid., т.-е. Гос. Гр. и Дог., стр. 3)[2]); въ грамотѣ, написанной въ 1270 году о дареніи Иванку уже не упоминается»[3]).

Съ этими замѣчаніями П. Г. Васенко нельзя не согласиться, но, къ сожалѣнію, они касаются уже подробностей, не главнаго вопроса, насколько можно считать возможнымъ этого «Иванка»—«Ивоню» отцомъ Андрея Ивановича Кобылы? Отсутствіе въ древнихъ документахъ болѣе характерныхъ подробностей дѣлаетъ пользованіе ими очень затруднительнымъ. Вѣдь Андреевъ Ивановичей существовало, вѣроятно, немало и въ XIII и въ XIV ст., какъ и вообще одинаковыхъ именъ и отчествъ. Достаточно указать на двухъ бояръ Ѳедоровъ Андреевичей, одного Кошки, другого Свибла, обоихъ служившихъ при дворѣ великаго князя Димитрія Донского и обоихъ подписавшихся на второй духовной князя Димитрія Ивановича Донского, но не отмѣтившихъ своихъ прозвищъ. Предполагаемый зять князя Аѳанасія Даниловича прозвища Кобылы не носилъ, по крайней мѣрѣ яснаго указанія на это нѣтъ въ приводимыхъ данныхъ, такъ что такой выводъ является пока только предположеніемъ, правда очень заманчивымъ, какъ и другое предположеніе, что Анна была сестрой Андрея Кобылы. Однако, думается,

---

[1]) Собр. Государ. Грам. и Догов. I, стр. 1. См. факсимиле грамоты стр. 44; текстъ въ приложени.
[2]) Факсимиле грамоты стр. 48; текстъ въ приложеніи.
[3]) Собр. Госуд. Грам. и Догов. I, стр. 3; факсимиле стр. 52; текстъ въ приложеніи.

„Договорная Грамота Новагорода съ Великимъ Княземъ Тверскимъ Ярославомъ Ярославичемъ (первая), учинённая при Посадникѣ Михаилѣ: на какихъ условіяхъ владѣть ему Князю Новымъ Городомъ“.—Писана въ началѣ 1265 года.

„Текстъ сей Грамоты дословно приведёнъ въ Отдѣлѣ: Приложенія (Приложеніе II, стр. VII)“.

Государственный архивный
фонд «Архив

что это преданіе о такомъ родствѣ съ Московскимъ Великокняжескимъ Родомъ не могло бы исчезнуть изъ памяти потомковъ, тѣмъ болѣе что, начиная съ Андрея Ивановича, какъ не разъ уже было отмѣчено выше, весь его родъ, со всѣми вѣтвями, остался навсегда въ Москвѣ, въ Московскомъ Великомъ княженіи. Будь это такъ, какъ намекаетъ Г. С. Ш., то, принимая во вниманіе значеніе и положеніе въ Москвѣ только однихъ Андрея Ивановича и его сына Ѳедора Кошки и родство послѣдняго съ Тверскимъ Великокняжескимъ Домомъ, для памяти потомковъ въ XVI столѣтіи оставалось упомнить или хотя бы только сохранить преданія о родствѣ съ княземъ Аѳанасіемъ Даниловичемъ всего какія-нибудь 100—150 лѣтъ. Срокъ этотъ для памяти родовой того времени нельзя считать большимъ и сглаживающимъ факты такіе крупные, какъ это родство, и росписи XVI вѣка если не Романовыхъ, то хотя бы какихъ-нибудь родственныхъ имъ фамилій сохранили бы непремѣнно эти преданія или вспомнили бы о нихъ и при бракѣ Царя Іоанна Грознаго съ Анастасіей Романовой и при избраніи Царя Михаила Ѳеодоровича Романова. Тѣмъ не менѣе, при скудости древнихъ документовъ и частомъ умолчаніи, въ существующихъ, различныхъ подробностей, эти предположенія вдумчиваго Г. С. Ш. нельзя не признать очень цѣнными и на самомъ дѣлѣ могущими оказаться, до извѣстной степени, близкими къ истинѣ при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ въ этомъ направленіи.

Не менѣе интересна и знаменательна и другая сторона статьи Г. С. Ш.— это намеки, къ признанію которыхъ за безусловно достовѣрные, повидимому, склоняется авторъ, на происхожденіе «Иванки» «изъ Прусъ». Въ легендѣ о выѣздѣ прародителя Романовыхъ изъ чужеземныхъ странъ, какъ видно будетъ дальше, фигурируютъ оба эти обстоятельства. Родоначальникъ этотъ выводится «изъ Прусъ» и въ св. крещеніи ему придается имя Іоанна, почему сынъ его Андрей Кобыла и братъ послѣдняго Ѳедоръ Шевляга именуются по отчеству «Ивановичами». Но объ этомъ въ другомъ мѣстѣ.

Гораздо опредѣленнѣе и рѣзче и въ то же время съ крайне слабыми доказательствами и соображеніями высказался въ пользу выѣзда Андрея Ивановича «изъ Прусъ» въ Москву черезъ Новгородъ покойный новгородскій любитель древностей и владѣлецъ извѣстнаго музея В. С. Передольскій. Въ своей книгѣ «Новгородскія древности»[1]) онъ кромѣ извѣстной уже раньше «Кобыльей улицы»[2]) указываетъ еще на существованіе въ Новгородѣ, въ Дѣтинцѣ, «Кобыльяго проѣзда» и пытается установить не только мѣстонахожденіе этихъ двухъ пунктовъ и зависимость ихъ названій отъ прозвища Андрея Ивановича, но даже и мѣсто, гдѣ стоялъ будто бы домъ его. Предполагая, что Кобылья улица была недалеко отъ Кукуевской башни, онъ говоритъ: «Судя по порядку перечисленія погорѣвшихъ мѣстъ, позволительно указать для нея пространство на юго-западъ отъ Дѣтинца; тамъ, близъ Волховскаго берега, около откоса рва, охватывающаго Дѣтинецъ... стояла церковь Нерукотвореннаго Образа, часто называемаго въ народѣ Спасомъ Нерукотвореннымъ. Церковь Нерукотвореннаго Образа, говоритъ онъ далѣе, была недалеко отъ Кукуевской башни». Въ другомъ мѣстѣ своей книги онъ отмѣчаетъ, что занимаемое этой улицей пространство было «невдалекѣ отъ Дѣтинца, гдѣ башня Кукуй и Образова церковь», и, считая Андрея Кобылу выходцемъ «изъ Прусъ», предполагаетъ, что «богатому и, вѣроятно, родовитому выходцу, пожелавшему поселиться среди своихъ земляковъ, поближе къ дворамъ Прусскихъ и Чудскихъ и въ ихъ числѣ Литовскихъ уроженцевъ, или ихъ потомковъ, пришлось устроиться на краю ближайшаго

---

[1]) В. С. Передольскій. «Новгородскія древности». Записка для мѣстныхъ изысканій. Новгородъ. 1898 г. В. I.
[2]) Д. Прозоровскій. op. cit.

къ землякамъ поселка, небольшимъ гнѣздомъ. Малый ровъ и ровъ около него уже существовалъ въ XIII вѣкѣ. Если пожаръ, вспыхнувшій на Кобыльей улицѣ [1]), началъ свои опустошенія съ Дѣтинца, значитъ эта улица лежала невдалекѣ отъ него... до сноса построекъ здѣсь (на площади между Дѣтинцемъ и земляным городомъ, называемой Новинкой) лежала улица Добрынина, предположительно Кобылья».

Далѣе, онъ предполагаетъ, что «Андрей Кобыла устроился на пространствѣ между рвомъ Малаго вала и Ярышкинымъ поселкомъ, въ лѣтописномъ «полѣ», часть котораго и получила названіе Кобыльей улицы». Отъѣздъ же его изъ Новгорода въ Москву В. С. Передольскій, признающій мнѣніе Колычева о происхожденіи Андрея Ивановича изъ рода Видевута, объясняетъ тѣмъ, что онъ оставилъ Новгородъ «должно быть, отъ того, что здѣсь онъ не добился положенія, соотвѣтствующаго своей родовитости, а также и потому, что будто бы его «не пустили для селитьбы въ Загородье».

Взгляды и выводы В. С. Передольскаго, въ общемъ все же подкупающіе своей кажущейся правдоподобностью, послужили основаніемъ для гр. П. Шереметева, который въ интереснѣйшей статьѣ своей «Дворы Грознаго въ Новгородѣ» [2]) сдѣлалъ попытку установить связь между выборомъ Грознымъ Царемъ пунктовъ своихъ остановокъ въ Новгородѣ и происхожденіемъ предка своей первой жены Анастасіи Романовны «изъ Прусъ», черезъ Новгородъ. «Итакъ всѣ мѣста, говоритъ онъ въ концѣ статьи, въ Новгородѣ, гдѣ останавливался во время своихъ пріѣздовъ Царь Иванъ Васильевичъ Грозный: Прусская улица, Буяна и Никитина, суть мѣста, гдѣ селились пріѣзжавшіе въ Новгородъ иноземцы. Оба собственные дворца, выстроенные имъ, находились въ мѣстности, связанной съ иноземными выходцами, и въ этомъ подборѣ мѣстъ, быть можетъ, можно видѣть желаніе подчеркнуть Новгородцамъ, что ему близка память тѣхъ, которые, въ силу недоразумѣній, покинули много лѣтъ передъ тѣмъ Новгородъ и перешли на службу Москвѣ и были предками страстно любимой имъ Анастасіи Романовны. Одинъ дворецъ, на мѣстѣ нѣкогда существовавшей Кобыльей улицы, другой близъ церкви Ѳедора Стратилата, на Ѳедоровскомъ ручьѣ, выстроенный какъ-будто женой Андрея Кобылы и его сыномъ.... Едва ли выборъ этихъ двухъ мѣстъ былъ случаемъ».

Такой выводъ и его доказательства зиждятся у гр. П. Шереметева, главнымъ образомъ, на объясненіяхъ В. С. Передольскаго происхожденія и различнаго назначенія отдѣльныхъ пунктовъ Новгорода, на сопоставленіи нѣкоторыхъ новгородскихъ событій между собою и на убѣжденіи о выѣздѣ предка Андрея Кобылы «изъ Прусъ» и приходитъ онъ къ нему слѣдующимъ путемъ.

Первый пріѣздъ Грознаго въ Новгородъ былъ въ 1546 году и Царь тогда остановился на Прусской улицѣ: «а самъ князь велики стоялъ на Прусской улицѣ, въ Казариновѣ двори Дубровскаго» [3]). Въ этой же мѣстности была, по предположенію Передольскаго, и Кобылья улица. Основываясь на этомъ гр. Шереметевъ замѣчаетъ: «Какъ бы то ни было, но у государя былъ, слѣдовательно, въ той мѣстности свой домъ и домъ этотъ находился въ той именно мѣстности, гдѣ предположительно была Кобылья улица. Гдѣ жилъ въ Новгородѣ Андрей Кобыла не сохранилось точныхъ извѣстій; но само сохранившееся названіе Кобыльей улицы свидѣтельствуетъ, что оно произошло отъ Андрея Кобылы». Такимъ путемъ сближаются авторомъ Прусская и Кобылья улица и Андрей Ивановичъ Кобыла; а отмѣткой, что Казариновъ, въ домѣ котораго остановился Грозный, былъ «долгое время дьякомъ

---

[1]) Въ 1394 году.
[2]) Извѣстія Русск. Генеалогич. О-ва. Вып. 4, стр. 109—119.
[3]) Вторая Новгородская Лѣтопись, 151.

новгородскимъ» и что онъ былъ «у воды» во время бракосочетанія Іоанна съ Анастасіей Романовной, три мѣсяца спустя послѣ этого посѣщенія, именно, въ февралѣ 1547 года, сюда же присоединяется и звено, связующее выборъ мѣста остановки съ памятью объ Андреѣ Ивановичѣ, воскресшей по случаю женитьбы на дѣвушкѣ изъ его рода.

Во второй пріѣздъ въ 1568 году Грозный «стоялъ на Торговой сторонѣ, на Буяновѣ улице». По мнѣнію Передольскаго Буянова улица входила въ составъ поселка Буевища, гдѣ «сѣли» иноземцы, огородивъ свои склады рогатками, откуда будто бы и произошло названіе этой мѣстности «Рогатъ», «Рогатина». Такимъ образомъ и во второй пріѣздъ Грозный выбралъ себѣ мѣстомъ жительства «иноземное» мѣсто.

Наконецъ, въ 1576 году Іоанну построили дворъ на Никитской улицѣ. Эта улица входила въ составъ Плотенскаго конца, куда принадлежала и Буяна улица. И это мѣсто, по мнѣнію Передольскаго, было «иноземное». По поводу этого конца гр. Шереметевъ отмѣчаетъ, что въ 1329 году «загорѣлся дворъ Ондрешковъ въ Плѣтникахъ и погорѣ до Ѳедора святого» и затѣмъ говоритъ: «Плотниковъ же ручей это впослѣдствіи «Ѳедоровскій ручей». Кто же этотъ Андрей и кто упоминаемыя въ актахъ «Андреевы дѣти»? Намекъ на то, что это былъ Андрей Кобыла и его дѣти, находимъ въ изслѣдованіи о князѣ Аѳанасіи Даниловичѣ, братѣ Калиты, высказанный въ рядѣ сопоставленій, равно какъ и то, что жена князя Аѳанасія княгиня Анна была сестра Андрея Кобылы. Не есть ли и далѣе упоминающійся въ лѣтописи Семенъ Андреевичъ строитель съ матерью церкви Ѳедора Стратилата, сынъ Кобылы, Семенъ Андреевичъ Жеребецъ»?

Въ общемъ гр. П. Шереметевъ склоняется къ мнѣнію, что Андрей Ивановичъ былъ потомокъ выѣзжаго «изъ Прусъ», что онъ жилъ въ Новгородѣ, что по его прозвищу названа Кобылья улица и даже что «Ондрешка» 1329 года и былъ онъ самъ, а сынъ его старшій Семенъ Жеребецъ строилъ въ Новгородѣ церковь, и присоединяется къ предположенію Г. С. Ш. о родствѣ Андрея Кобылы съ Московскимъ Дворомъ.

Такъ какъ въ концѣ-концовъ центръ тяжести лежитъ въ «Кобыльей улицѣ», то прежде всего приходится говорить о ней.

Въ лѣтописяхъ Кобылья улица упоминается всего одинъ лишь разъ въ 3-й Новгородской лѣтописи и притомъ въ самомъ концѣ XIV вѣка, подъ 1394 годомъ [1])—«Въ лѣто 6902 бысть въ Великомъ Новгородѣ на Софійской сторонѣ загорѣлся у святого Спаса въ Кобыльи улицы», но въ 1-й Новгородской лѣтописи тотъ же самый пожаръ показанъ на Козьмодемьянской улицѣ и никакого упоминанія о Кобыльей улицѣ вообще въ другихъ лѣтописяхъ и памятникахъ Новгорода не встрѣчается, какъ нѣтъ ея и въ описи Новгорода 1623 года [2]). Такимъ образомъ съ самаго начала является сомнѣніе въ томъ, была ли на самомъ дѣлѣ въ Новгородѣ такая улица вообще, какъ и Кобылій проѣздъ, указанный Передольскимъ, но ничѣмъ не подтвержденный имъ. Затѣмъ, если отмѣтка 3-й Новгородской лѣтописи вѣрна, то вѣдь она относится къ 1394 году, т.-е. къ тому времени, когда и послѣдній сынъ Андрея Кобылы, Ѳедоръ Кошка уже, повидимому, приближался къ концу жизни. Если допустить, что эта улица уже была въ началѣ XIV в. и дѣйствительно получила свое названіе отъ прозвища Андрея Ивановича, то отчего же «Ондрешка» не только не имѣетъ этого прозвища, но и живетъ-то «въ Плѣтникахъ» и прозывается такъ непочтительно? Чѣмъ можно подтвердить, что Андрей Ивановичъ создалъ своимъ прозвищемъ цѣлую улицу? Вѣдь

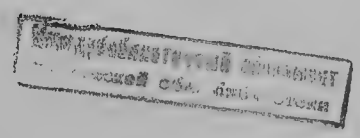
---

[1]) «Новгор. лѣтописи». Изд. Археогр. ком. СПБ. 1879 г., стр. 147.
[2]) Д. Прозоровскій. Op. cit. стр. 33.

Прусская улица существовала до 1610 года, разныя церкви, построенныя на Прусской улицѣ и вблизи ея, въ томъ числѣ и Ѳедора Стратилата, также упоминаются очень долго спустя, а Кобылья улица не имѣетъ ни одной церкви и какъ-то случайно упоминается одинъ только разъ! Если допустить все же, что Андрей Кобыла далъ свое имя цѣлой улицѣ въ началѣ XIV вѣка, когда Новгородъ уже давно представлялъ изъ себя крупнѣйшій установившійся торговый центръ сѣверо-западной Руси, съ давно установившейся администраціей и торговой, и княжеской, и вѣчевой, то значитъ онъ былъ особо-выдающійся дѣятель города, сдѣлавшій такъ много или бывшій такимъ крупнымъ купцомъ, что могъ своимъ прозвищемъ окрестить новую улицу— и гдѣ же? у самаго Дѣтинца, на Софійской сторонѣ, въ самомъ центрѣ и безъ того густо заселенной его административной половины. Однако, какъ купецъ русскій, онъ долженъ былъ бы быть на Торговой сторонѣ, какъ иноземецъ—онъ едва ли могъ бы дать свое имя Новгородской улицѣ, а если бы далъ, то нѣмецкое или какое иностранное, но не отъ русскаго прозвища. Какъ посадника или вообще дѣятеля администраціи Новгорода мы его не знаемъ. Мало того, если онъ былъ гордъ своей родовитостью и ушелъ изъ Новгорода оскорбленный, не получивъ соотвѣтствующаго положенія и разрѣшенія селиться въ Загородьи, то какимъ образомъ могъ бы онъ создать улицу? Да, наконецъ, изъ названій улицъ и концовъ Новгородскихъ мы видимъ, что названія эти шли или отъ именъ, а не прозвищъ, или отъ мѣстоположенія, или отъ профессій ихъ обитателей, или отъ церквей. Прозвищъ совсѣмъ въ нихъ не видно. Правда, неизвѣстно кто были давшіе свои имена Добрыниной, Рядятиной, Иворовой улицамъ, напримѣръ, но всѣ эти названія «именныя и исконныя», сохранявшіяся все время существованія Новгорода, и кромѣ Кобыльей улицы нѣтъ въ исторіи Новгорода ни одной улицы, изъ существовавшихъ до XVI—XVII ст., которыя упоминались бы одинъ лишь разъ и такъ неустойчиво, какъ Кобылья улица. Если и есть такія, то лишь появившіяся послѣ паденія Новгорода, въ XVI и XVII вѣкахъ. Старыя же держались крѣпко.

Разъ не находится никакихъ другихъ доказательствъ, кромѣ предположеній В. С. Передольскаго, высказываемыхъ имъ очень авторитетно, но со слабыми обоснованіями не только о происхожденіи Кобыльей улицы отъ прозвища Андрея Ивановича, но и о существованіи такой улицы, принять его положенія никакъ нельзя. А если такъ, то приходится очень пожалѣть, что пока нѣтъ иныхъ доказательствъ интересной теоріи гр. П. Шереметева. Какъ въ статьѣ Г. С. Ш., такъ и въ «Дворахъ Грознаго въ Новгородѣ» нѣтъ положительныхъ увѣреній ни въ родствѣ Андрея Кобылы съ Московскимъ Великокняжескимъ Домомъ, ни въ существованіи у Кобылы дочери Анны, ни въ тождествѣ «Ондрешки» съ Андреемъ Кобылой. Что же касается до «Семена Андреевича», то онъ могъ быть, конечно, сыномъ и «Ондрешки», хотя опять-таки неизвѣстно, была ли у этого Ондрешки жена Наталія, мать Семена Андреевича. Но совпаденіе имени отца и сына далеко еще не можетъ служить въ пользу отождествленія этихъ Новгородцевъ съ Андреемъ Кобылой и Семеномъ Жеребцомъ. Кромѣ того, «Ондрешка» указываетъ на нѣчто рядовое, Наталія и Семенъ Андреевичъ—на нѣчто высокое. Если бы это дѣйствительно были прародители Романовыхъ, то непремѣнно слѣдовало бы ожидать, хотя бы при одномъ изъ нихъ, его прозвища, въ особенности у «Ондрешки». Человѣкъ знатный, родовитый иноземецъ, отъ своего прозвища создаетъ цѣлую улицу, а лѣтописи зовутъ его просто «Ондрешкой»!

Въ только что законченномъ разсужденіи къ имени Андрея Кобылы нѣсколько разъ приложенъ эпитетъ «купецъ», ибо дѣло шло о Прусской и близкой (?) къ ней Кобыльей улицѣ, гдѣ селились иностранные купцы, торговые люди-«гости». Этотъ эпитетъ наводитъ на вопросъ, весьма въ данномъ случаѣ существенный: въ качествѣ кого могъ проживать въ



„Договорная Грамота Новагорода съ Великимъ Княземъ Тверскимъ Ярославомъ Ярославичемъ (вторая), при Посадникѣ Михаилѣ—съ нѣкоторыми противъ первой Грамоты прибавленіями“.—Писана 1265 года.

„Текстъ сей Грамоты дословно приведёнъ въ Отдѣлѣ: Приложенія (Приложеніе II, стр. VII и VIII)“.

Новгородѣ Андрей Ивановичъ или его ближайшій предокъ? Въ качествѣ торговаго человѣка? Едва ли. Тогда всѣ разсужденія объ его родовитости по рожденію, объ его родствѣ съ Московскимъ Великокняжескимъ Дворомъ и т. п. должны были бы совершенно отпасть. Въ качествѣ потомка владѣтельнаго лица, или просто знатнаго выходца, рыцаря, такъ сказать? Тогда онъ могъ бы желать и имѣть цѣлью устроиться близъ князя. Но если бы это было такъ, то лѣтопись сохранила бы объ этомъ хоть какое-нибудь указаніе. Однако стремиться на службу къ не вполнѣ самостоятельному князю въ Новгородѣ, къ номинальному главѣ новгородской администраціи или охраны, не игравшему въ это время никакой почти роли въ богатомъ и исключительно торговомъ городѣ, не было никакого смысла, тѣмъ болѣе для родовитаго иностранца. Для чего же и въ качествѣ кого могъ онъ стремиться въ Новгородъ? На это положительнаго отвѣта никакъ нельзя дать, принимая во вниманіе все, что предполагается и о происхожденіи рода Андрея Кобылы и о немъ самомъ. Поэтому и самая теорія о Новгородѣ, какъ этапѣ на пути рода Кобылы въ Москву «изъ Прусъ», остается подъ сильнымъ сомнѣніемъ.

Затѣмъ, почему Іоаннъ Грозный вдругъ такъ проникся любовью не только къ своей невѣстѣ, а вслѣдъ затѣмъ къ женѣ Анастасіи Романовнѣ, но и къ ея предкамъ, что, пріѣхавъ въ Новгородъ въ первый разъ еще женихомъ (если только онъ былъ имъ въ это время—это еще вопросъ!), уже ищетъ себѣ дворъ на Прусской улицѣ? Значитъ, онъ зналъ, что Романовы тогда еще Юрьевы-Захарьины, ведутъ свой родъ «изъ Прусъ», и вѣрилъ въ это и потому и выбралъ Прусскую улицу, а впослѣдствіи и другія мѣста, также связанныя съ иноземными поселеніями въ Новгородѣ, если повѣрить на слово В. С. Передольскому? Едва ли такія соображенія и мысли могли прійти въ голову 17-лѣтняго, гордаго, избалованнаго и уже далеко не мягкаго, несмотря на свою молодость, царя.

Ужъ если, съ одной стороны, вѣрить Передольскому, что и Буянова улица и Никитина, такъ же, какъ Прусская, были мѣстами сельбища иноземцевъ, а съ другой—видѣть въ выборѣ пунктовъ остановокъ Грознаго въ Новгородѣ нѣчто предумышленное и послѣдовательное, то скорѣе можно было бы уже допустить въ этомъ выборѣ какъ бы отраженіе Пахоміевой легенды о Прусѣ. Но и такое предположеніе возможно было бы лишь по отношенію къ двумъ послѣднимъ пріѣздамъ Іоанна въ Новгородъ въ 1568 и 1571 годахъ, когда Грозный былъ вполнѣ уже установившимся человѣкомъ и правителемъ, постоянно опасавшимся за свою жизнь, всѣхъ и вездѣ подозрѣвавшимъ въ заговорахъ и покушеніяхъ на него и уже усвоившимъ себѣ горделивую родословную отъ Кесаря-Августа. Для перваго же пріѣзда въ 1546 году все это для 17-лѣтняго царя было бы фактически невозможно. Думается, скорѣе можно было бы предположить, что сперва его ближайшіе совѣтники, а затѣмъ и онъ самъ умышленно избѣгали Дѣтинца, какъ укрѣпленнаго, огражденнаго и ограниченнаго мѣста, опасаясь и властей Новгородскихъ и самихъ Новгородцевъ. Внѣ Дѣтинца, на волѣ, а не въ крѣпости, быть можетъ, въ мѣстахъ жительствъ вѣрныхъ ему Новгородцевъ, они чувствовали себя безопаснѣе, имѣя подъ рукой и всю свою охрану и возможность свободнаго отступленія. Домъ же Казаринова былъ выбранъ, вѣроятно, потому, что Казариновъ, какъ это отмѣчаетъ гр. Шереметевъ былъ дьякомъ новгородскимъ, т.-е. Москвичемъ, и видимо, пользовался бо́льшимъ довѣріемъ Іоанна и его окружающихъ. Впослѣдствіи же и Казариновъ подвергся обвиненію въ измѣнѣ и былъ казненъ со всей своей семьей.

Все вышеизложенное, взятое вмѣстѣ, приводитъ, такимъ образомъ, къ сожалѣнію, къ необходимости уклониться въ настоящее время и отъ остроумныхъ сближеній гр. П. Шереметева и отъ ихъ подкупающей заманчивости.

Въ результатѣ же приходится, во всякомъ случаѣ, пока отложить всѣ теоріи и предположенія о Тверскомъ, Псковскомъ и Новгородскомъ выѣздахъ и о происхожденіи изъ этихъ мѣстъ Андрея Ивановича Кобылы и даже вообще отъ признанія за нимъ исконнаго, чисто русскаго, происхожденія и искать и то и другое по отношенію къ инымъ странамъ, къ инымъ государствамъ, въ частности въ Пруссіи, ибо къ этому явно склоняются и результаты предыдущаго разбора и наиболѣе вдумчивыя и талантливыя изслѣдованія Г. С. Ш. и гр. П. Шереметева.

II.

Всѣ предположенія и намеки о тверскомъ, новгородскомъ, псковскомъ и вообще о чисто русскомъ происхожденіи Андрея Ивановича Кобылы и его предковъ, какъ это вытекаетъ изъ предыдущаго ихъ разбора, принадлежатъ исключительно ко второй половинѣ XIX вѣка и къ первой, нынѣ уже текущей, четверти XX-го вѣка. Всѣ они основаны, главнымъ образомъ, на недовѣріи къ термину «выѣхалъ изъ Прусъ», на сомнѣніи въ имени и существованіи предполагаемаго отца Андрея Ивановича—Гланды Камбилы Дивоновича, на безусловномъ отрицаніи указываемыхъ сторонниками противоположнаго мнѣнія предковъ и рода этого Гланды и на желаніи во что бы то ни стало вывести Родъ Романовыхъ изъ Древней Руси. Всѣ они являются результатами собственныхъ догадокъ и домысловъ, не имѣющихъ никакихъ подтвержденій или какихъ-либо серьезныхъ точекъ отправленія въ документальныхъ данныхъ, такъ какъ ни лѣтописи, ни родословныя, ни исторія не даютъ ничего такого, что могло бы служить хоть малѣйшимъ указаніемъ на чисто русское происхожденіе Андрея Кобылы, исключая умолчанія въ одномъ—двухъ случаяхъ отмѣтки объ иноземномъ выѣздѣ. Другое дѣло—предположенія и догадки опредѣленныхъ сторонниковъ выѣзда «изъ Прусъ». Несмотря на многое, трудно допустимое и даже баснословное, что встрѣчается въ ихъ разсужденіяхъ, на бездоказательность нѣкоторыхъ ихъ домысловъ или утвержденій, все же точка отправленія ихъ взглядовъ базируется на старыхъ документахъ, на преданіяхъ, сохранившихся въ средѣ нѣкоторыхъ родовъ, также ведущихъ свое происхожденіе отъ Андрея Ивановича Кобылы, и на историческихъ соображеніяхъ, кажущихся не менѣе логичными и послѣдовательными, чѣмъ приводимыя сторонниками его русскаго происхожденія. Поэтому ихъ взглядъ заслуживаетъ еще болѣе тщательнаго и подробнаго безпристрастнаго разбора, и только сопоставленіе результатовъ изученія обѣихъ теорій одно можетъ дать перевѣсъ въ ту или другую сторону. Если послѣдователи русскаго происхожденія рода Андрея Кобылы позволяютъ себѣ бросать подчасъ очень рѣзкіе упреки по адресу и составителей родословныхъ XVI и XVII вѣковъ и изслѣдователей, держащихся взгляда объ иноземномъ выѣздѣ родоначальника, за ихъ «фантазіи, сочиненія и баснословія», то предыдущій разборъ ихъ утвержденій достаточно показалъ и не меньшую слабость обоснованности однихъ и такую же фантастичность другихъ. Поэтому слѣдовать за ними нельзя не разсмотрѣвъ внимательно доводы и положенія взгляда объ иноземномъ «выѣздѣ».

Переходя къ указаніямъ на старинныя родословныя, необходимо сдѣлать одну оговорку. Не всѣ фамиліи, родственныя по своему происхожденію Романовымъ, ведутъ свой родъ отъ Андрея Ивановича Кобылы; нѣкоторыя считаютъ своимъ родоначальникомъ брата его—Ѳедора Ивановича Шевлягу. Поэтому, приводя ниже показанія родословныхъ росписей XVI—XVII вѣковъ

необходимо упомянуть указывающія не только на Андрея Ивановича, но и на его брата Ѳедора.

Самымъ старымъ спискомъ, въ которомъ можно уже видѣть намекъ на «выѣздъ» Кобылиныхъ, является экземпляръ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, лит. Б., изданный во «Временникѣ Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ» и пріурочиваемый издателями къ царствованію Іоанна IV Грознаго, ибо въ заглавіи списка сказано: «Сей книги начало великія Россія, Русскія земли, до Рождества, прежнихъ Государей нашихъ великія Россія, отъ великихъ князя Рюрика и до Государя Царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Руссіи, самодержца Русскія земли и до его дѣтей Царевича Ивана, Царевича Ѳедора» [1]). Правда, заглавіе его «Родъ Андрея Ивановича Кобылина да брата его родного Ѳедора Ивановича Шевляги» не содержитъ въ себѣ прямыхъ указаній на «выѣздъ», но тотъ фактъ, что Андрей Ивановичъ названъ здѣсь уже не «Кобыла», а «Кобылинъ», указываетъ косвенно, что «Кобылой» какъ будто назывался его отецъ, или другой ближній родственникъ въ восходящей степени, слѣдовательно, Андрей Ивановичъ уже принадлежалъ ко второму, по крайней мѣрѣ, поколѣнію, къ русскому уже роду и могъ быть сыномъ «выѣзжаго». Кромѣ того, упоминаніе Ѳедора Шевляги, вездѣ въ остальныхъ упоминаніяхъ показываемаго выѣхавшимъ «изъ Прусъ», какъ брата Андрея Ивановича, тоже приводитъ къ мысли, что и это обстоятельство какъ бы молчаливо согласуется съ иноземнымъ происхожденіемъ ихъ отца. Да, наконецъ, слѣдующее по времени упоминаніе, уже ясно говорящее о «выѣздѣ», такъ недалеко отстоитъ отъ этого, что даже и оставленіе перваго въ сторонѣ нисколько не противорѣчило бы дальнѣйшему и не измѣнило бы существа дѣла. Однородный съ этимъ списокъ хранится въ Синодальной библіотекѣ, изданъ тамъ же [2]) и относится къ ближайшей эпохѣ избранія Романовыхъ, къ царствованію царя Василія Ивановича Шуйскаго.

Второй, по древности, списокъ также находится въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Москвѣ [3]) и датируется эпохой царя Ѳеодора Ивановича, «ибо въ немъ списокъ московскихъ Государей оканчивается Ѳеодоромъ Ивановичемъ, а Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ названъ только конюшимъ бояриномъ и слугою, каковыя званія онъ имѣлъ при царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ» [4]). Заглавіе его ужъ очень опредѣленно: «Родъ Андрея Ивановича Кобылы выѣхалъ изъ Прусскія земли изъ Нѣмецъ, а отъ него пошли Лодыгины, Захарьевы, Шереметевы, Колычевы, Беззубцовы».

Затѣмъ въ родословной книгѣ Русскихъ великихъ и удѣльныхъ князей и дворянскихъ родовъ, писаной полууставомъ XVII вѣка и хранящейся въ ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной библіотекѣ [5]), прародитель Шереметевыхъ названъ такъ:

«Выѣхалъ изъ Нѣмецъ мужъ честенъ, именемъ Андрей Ивановичъ Кобыла»[6]).

Въ одномъ изъ столбцовъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи находится челобитная 1643 года нѣкоего Козьмы Трусова, ведущаго свой родъ отъ Ѳедора Ивановича Шевляги, написанная имъ по случаю «счетнаго», т.-е. мѣстническаго, столкновенія съ сокольничимъ кн. Ѳ. Ѳ. Волконскимъ.

---

[1]) «Временникъ», X, стр. 86—89.
[2]) «Временникъ». Кн. X. 1851 г. Предисловіе, стр. I—IV.
[3]) «Временникъ», т. X, стр. 159—162.
[4]) Ibidem. Предисловіе.
[5]) Собраніе И. П. Сахарова. Ч. IV. 171 л. 165, на оборотѣ А. Б.
[6]) Въ другихъ мѣстахъ родословной онъ названъ Михайловичемъ.

Указывая на преимущества своего рода, какъ болѣе древняго и знатнаго, чѣмъ родъ его соперника, Трусовъ, между прочимъ, пишетъ: «...а нашъ, государь, холопей твоихъ родъ, пошелъ отъ прародителя нашего отъ Ѳедора Ивановича отъ Шевляги. Какъ онъ выѣхалъ изъ Прус...» [1])

Наконецъ, въ 1686 году бояринъ Петръ Васильевичъ Большой Шереметевъ въ поданной имъ въ Разрядъ за собственноручною подписью поколѣнной росписи Шереметевыхъ начинаетъ эту роспись такъ:

«Родъ Прусскаго княженія владѣтеля Андрея Ивановича, а прозваніе ему было Кобыла. Пріѣхалъ изъ Прусъ отъ своихъ предѣловъ владѣтель Андрей Ивановичъ, а у него былъ сынъ Ѳедоръ Андреевичъ...»

Таковы данныя родословныхъ XVI и XVII вѣковъ, упоминающія объ Андреѣ Ивановичѣ Кобылѣ. Но есть еще нѣсколько подобныхъ документовъ того же времени, относящихся къ Шереметевымъ и нѣкоторымъ другимъ фамиліямъ, также причисляемымъ къ родственнымъ Романовымъ по общему прародителю, но въ которыхъ имя этого родоначальника иное—Михаилъ, а не Иванъ, почему въ нѣкоторыхъ спискахъ родословій тѣхъ же Шереметевыхъ Андрей Кобыла называется по отчеству попеременно то Ивановичемъ, то Михайловичемъ. Такъ какъ сейчасъ центръ тяжести лежитъ въ терминѣ «выѣзжій изъ Прусъ», а этотъ Михаилъ отмѣченъ таковымъ, то и эти данныя небезынтересно привести тутъ же.

Самымъ старымъ изъ такихъ указаній и единственно опредѣленнымъ являются слова князя Курбскаго въ его извѣстномъ сочиненіи объ Іоаннѣ IV Грозномъ, носящемъ характеръ памфлета: «Потомъ погубилъ родъ Колычевыхъ», говоритъ онъ про Іоанна, «также мужей свѣтлыхъ и нарочитыхъ въ родѣ, единопленныхъ сущихъ Шереметевымъ; бо прародитель ихъ, мужъ свѣтлый и знаменитый, отъ Нѣмецкія земли выѣхалъ, ему же имя было Михаилъ, глаголятъ его быти съ роду княжатъ Решскихъ».

Остальныя упоминанія Михаила и Андрея Михайловича всѣ въ разныхъ спискахъ Шереметевыхъ XVII вѣка, при чемъ, какъ это было отмѣчено, это отчество «Михайловичъ» нигдѣ не стоитъ самостоятельно и послѣдовательно, но въ одномъ и томъ же спискѣ чередуется попеременно съ «Ивановичемъ».

За этими документальными матеріалами уже слѣдуютъ литературныя произведенія и работы генеалоговъ, историковъ и т. п. Повторяя указанія XVI и XVII вѣковъ, они считаютъ «выѣздъ изъ Прусъ» или, какъ онъ варьируется въ разныхъ спискахъ,—«изъ Нѣмецъ», «изъ Варягъ» и др., непреложнымъ фактомъ и потому на вопросѣ о возможности и правдоподобности этого указанія совсѣмъ не останавливаются, но зато нѣкоторые изъ нихъ очень много даютъ мѣста генеалогическимъ и историческимъ соображеніямъ о личности Гланды Камбилы, во св. крещеніи Іоанна, и объ его происхожденіи. Въ виду этого, мнѣнія ихъ сейчасъ здѣсь не приводятся, а будутъ разбираться въ дальнѣйшемъ изложеніи. Теперь же предстоитъ разсмотрѣть вопросъ о пріемлемости термина «изъ Прусъ» какъ по отношенію къ данному случаю, такъ и вообще.

Отрицательное отношеніе противниковъ выѣздовъ «изъ Прусъ», «изъ Нѣмецъ», «изъ Литвы» и т. п. основывается, главнымъ образомъ, на слѣдующихъ положеніяхъ: 1) на томъ, что въ XIII вѣкѣ, эпохѣ, къ которой пріурочивается въѣздъ отца Андрея Ивановича въ Россію, Пруссіи не существовало; 2) на стремленіи представителей русскихъ нетитулованныхъ родовъ путемъ указаній на свое давнее происхожденіе отъ именитыхъ и знатныхъ иностранцевъ сравнять себя съ титулованными потомками удѣльныхъ князей,

---

[1]) Н. П. Лихачевъ. «Разрядные дьяки XVI вѣка». Стр. 312, пр. 2,

ПРИБЫТІЕ КНЯЗЯ МИХАИЛА ГЛАНДЫ КАМБИЛЫ НА РУСЬ, ВЪ ВЕЛИКІЙ НОВГОРОДЪ.

ΠΟΡΤΟΔΟΥΡ
ΚΑΜΒΑΝΔΡΙ ΝΑ ΥΑΣΡ' ΕΡ ΒΕΝΙΚΙΙ
ΠΗΝΔΡΠΙΙΕ ΚΙΡΙΣΡ ΜΗΧΑΝΑΑ ΙΑΝΑΝΔΡΙ

.....Прародитель ихъ, мужъ свѣтлый и знаменитый ѿ Нѣмецкія земли выѣхалъ, ему же имя было Михаилъ, глаголаху его быти съ роду княжатъ Решскихъ.

Князь А. Курбский

[illegible]

«заѣзжавшихъ» представителей стараго боярства, «старыхъ слугъ», старшинствомъ своихъ родовъ и оттѣснявшихъ ихъ на задній планъ послѣ того, какъ удѣлы были уничтожены и бывшіе удѣльные князья очутились на службѣ Московскаго великаго князя; 3) на увлеченіи представленіемъ о Москвѣ, какъ о «третьемъ Римѣ», вселявшемъ въ нихъ горделивыя мысли, и 4) на желаніи какъ бы приравнять себя къ княжескому и царскому корню выѣздомъ «изъ Прусъ», въ виду фантастической родословной этого корня, производящей его отъ Пруса, брата Кесаря-Августа, отъ котораго будто бы произошелъ Рюрикъ и все его потомство.

Интересно разсмотрѣть всѣ эти 4 положенія, насколько всѣ они пріемлемы, насколько можно ихъ оспаривать въ цѣломъ и въ частностяхъ.

Какъ всегда энергичнѣе всѣхъ выступилъ П. Н. Петровъ. На стр. 3-й своей «Исторіи Родовъ Русскаго Дворянства», въ главѣ названной «Вмѣсто вступленія» онъ, подъ заголовкомъ «Басни въ родословіяхъ и Новгородцы въ Москвѣ», говоритъ слѣдующее: «Таковы, напримѣръ, легенды о родоначальникахъ-основателяхъ фамилій въ Москвѣ «выѣзжихъ изъ Прусъ» или «изъ Литвы», а туда «изъ Нѣмецъ», или «отъ Итальянскія страны ветхаго Рима». Легендарная основа обыкновенно прикрываетъ въ первомъ случаѣ «выѣзжихъ изъ Прусъ» Новгородцевъ въ Москвѣ, порвавшихъ всякія связи съ родиною. Время происхожденія рода—XIII вѣкъ; напримѣръ была пора, когда не существовала Пруссія въ смыслѣ самостоятельнаго государства и въ позднѣйшіе вѣка, оказываясь владѣніемъ курфюрста Бранденбургскаго, до 1700 года. Откуда же могли быть въ XIII вѣкѣ прусскіе подданные или прусская народность? Въ переработкѣ московскихъ книжниковъ со временъ Грознаго терминъ «выѣзжій изъ Прусъ» прямо замѣненъ яко бы подходящимъ выраженіемъ «выѣзжій изъ Нѣмецъ». А эти послѣднія слова относительно людей нѣмецкой расы, попадавшихся русскимъ въ плѣнъ во время войны Грознаго царя съ орденомъ Ливонскимъ, были, конечно, святою истиною. Только такихъ выходцевъ-плѣнныхъ можемъ мы насчитать меньше десятка, а родовъ «выѣзжихъ изъ Нѣмецъ»—цѣлыя сотни. Да и пріуроченіе выѣзда изъ Германіи въ Москву при великомъ князѣ Василіи Дмитріевичѣ, сынѣ Донского по меньшей мѣрѣ крайне подозрительно, если даже основательность нашего подозрѣнія не поддерживалась бы нахожденіемъ термина «изъ Прусъ» въ другихъ сказаніяхъ о тѣхъ же самыхъ лицахъ». За этими словами автора слѣдуетъ категорическое, но бездоказательное положеніе о происхожденіи выраженія «изъ Прусъ» отъ названія улицы въ Новгородѣ—Прусской, жители которой, будто бы, «постоянно называются Прусами». Объ этомъ домыслѣ покойнаго генеалога уже сказано выше.

Послѣдующіе ученые и историки, касаясь этого вопроса о выѣздѣ «изъ Прусъ», высказались болѣе серьезно и научно и пытались найти иныя соображенія въ пользу своего мнѣнія о недостовѣрности такихъ выѣздовъ. Можно считать слова уважаемаго историка П. Г. Васенко, позднѣйшаго ученаго, высказавшагося по этому вопросу, какъ бы резюме и мнѣній его предшественниковъ, почему здѣсь лучше всего привести наиболѣе обстоятельную выписку изъ его труда.

Приступая къ изложенію своего мнѣнія, онъ немного раньше посвящаетъ нѣсколько строкъ словамъ Курбскаго о Колычевыхъ и Шереметевыхъ, которыя имѣютъ близкое отношеніе къ этому вопросу.

«Слова Курбскаго, говоритъ онъ, очень любопытны. Они, какъ отмѣчено выше, показываютъ, что уже въ XVI вѣкѣ преданіе о властительномъ происхожденіи Андрея Ивановича Кобылы существовало. Однако, имя Михаилъ указываетъ или на болѣе отдаленнаго предка Рода Романовыхъ, или на то, что преданіе о его высокомъ званіи явилось поздно и искажаетъ факты. Кромѣ того, Курбскій говоритъ, что Михаилъ былъ «съ роду княжатъ Решскихъ». По справедливому объясненію Устрялова, Решскій значитъ

имперскій. А такъ какъ Пруссія въ XIII вѣкѣ не входила въ составъ имперскихъ земель, то и все преданіе надо отнести къ болѣе позднему времени...»

Затѣмъ идетъ уже изложеніе его общаго взгляда:

«Считая... преданія о властительскомъ и иноземномъ происхожденіи боярина Андрея Кобылы возникшимъ поздно и внушающимъ большія и основательныя сомнѣнія[1]), мы должны отвѣтить на два вопроса: 1) что было причиной возникновенія подобнаго преданія, 2) что дало поводъ вести родъ Андрея Ивановича изъ Пруссіи?

«Относительно перваго вопроса отвѣтъ подсказывается хотя бы только что приведеннымъ мѣстническимъ случаемъ[2]). Потомки удѣльныхъ и великихъ князей, ставши слугами Московскихъ государей, «заѣзжали» прежнихъ бояръ, служившихъ дому Калиты. Они несомнѣнно кололи имъ глаза своимъ знатнымъ происхожденіемъ и всячески старались ихъ оттѣснить на задній планъ. Трудно было держаться старымъ слугамъ Московскаго князя, и вотъ надо было опереться на какое-нибудь преданіе, которое могло бы ихъ возвысить въ глазахъ аристократически настроенныхъ новыхъ сотоварищей и соперниковъ и поставить нетитулованную знать на одинъ уровень съ титулованной. Воспоминанія о давней близости фамиліи къ Московскимъ князьямъ, постоянной знатности предковъ невольно наводили мысль на гордыя преданія[3]). Притомъ вести себя отъ туземныхъ князей не было возможности и приходилось прибѣгнуть къ предположенію о выѣздѣ предковъ изъ чужихъ земель; на это наталкивали дѣйствительные случаи выѣзда знатныхъ чужеземцевъ въ Москву въ XV и XVI вѣкахъ, не говоря уже о многихъ русскихъ людяхъ, являвшихся изъ другихъ княжествъ и земель служить великому князю Московскому. Поэтому легко было измыслить или добросовѣстно повѣрить въ существованіе какого-нибудь «свѣтлаго и нарочитаго» выѣзжаго предка. Въ результатѣ получилось любопытное явленіе: почти всѣ не княжескіе дворянскіе роды повели свое начало отъ заѣзжихъ выходцевъ[4]). При этомъ многія знатныя фамиліи вели себя отъ Нѣмцевъ, въ частности «изъ Прусъ»[5]).

«Такое предпочтеніе Пруссіи имѣло свое основаніе. Познакомимся съ нимъ. Для этого надо вспомнить, что послѣднія десятилѣтія XV вѣка были началомъ нашей политической самостоятельности и большого внѣшняго могущества. Московскій великій князь, благодаря усиліямъ своихъ предковъ и своимъ собственнымъ усиліямъ и послѣдовательнымъ дѣйствіямъ, освободилъ свою страну отъ нѣкогда грознаго татарскаго ига, соединивъ въ своихъ рукахъ обладаніе почти всей сѣверо-восточной Русью, и къ народной радости и гордости съ большимъ основаніемъ могъ назвать себя государемъ и самодержцемъ всея Руси. Впереди открывались еще болѣе широкія перспективы: окончательное объединеніе русской земли, покореніе татарскихъ ханствъ, стремленіе къ берегамъ Балтійскаго моря, принятіе царскаго титула. Но и къ концу 1400 годовъ русскій великій князь поднялся на головокружительную высоту. Паденіе Византіи дѣлало его политическимъ главою и покровителемъ православія. Естественно поэтому получила большую распространенность и извѣстность горделивая теорія о Москвѣ—

---

[1]) При этомъ онъ дѣлалъ очень интересное и важное примѣчаніе: «Вотъ почему покойный С. М. Соловьевъ въ своей «Исторіи Россіи» ни разу не обмолвился о выѣздѣ Андрея Кобылы изъ Прусъ. Впрочемъ, Ключевскій вѣритъ, что изъ Пруссіи шли К о ш к и н ы съ отраслями своими З а х а р ь и н ы м и и Б е з з у б ц е в ы м и и съ родичами К о л ы ч е в ы м и». (Ключевскій, «Дума», стр. 168, курсивы въ подлинникѣ).

[2]) «Мѣстничая въ 1500 г. съ кн. Даніиломъ Щенятевымъ, бояринъ Юрій Захарьевичъ Кошкинъ не ссылался на свое происхожденіе отъ владѣтельнаго князя, что ему было бы очень выгодно сдѣлать». Примѣчаніе П. Г. Васенко въ предыдущемъ абзацѣ.

[3]) «Быть можетъ на такія предположенія наталкивали и выѣзжіе на Русь Греки и Славяне, среди которыхъ были мастера на выдумываніе пышныхъ генеалогій». Примѣчаніе П. Г. Васенко.

[4]) См. Бархатную книгу, ч. II, стр. 281—426. Прим. П. Васенко.

[5]) Ibidem стр. 415 и 419—420.

третьемъ и послѣднемъ Римѣ, выраженная въ краткой формулѣ: «два убо Рима падоша, а третій (Москва) стоитъ, а четвертому не быти».

«Гордыя притязанія государей и народа на міровую роль Руси, имѣвшія исторически-жизненное основаніе, хотѣлось подтвердить какими-нибудь историко-правовыми соображеніями. Бракъ Московскаго великаго князя и греческой царевны Софіи Палеологъ давалъ, правда, первому извѣстное право считать себя преемникомъ Византійскихъ или Восточно-Римскихъ императоровъ. Но хотѣлось большаго, хотѣлось, независимо отъ Грековъ, явиться законными наслѣдниками ихъ мірового значенія. Тогда, какъ справедливо отмѣтилъ покойный академикъ И. Н. Ждановъ, оставалось перенести вопросъ на почву генеалогическихъ отношеній и историческихъ связей, отыскать для перенесенія имперіи въ Москву какія-нибудь основанія въ быломъ. Нужно предъявить право на наслѣдство и представить при этомъ оправдательные документы. Тогда-то и возникла легенда о Прусѣ, братѣ «Кесаря Августа», который «разряди вселенную братіи своей...» При этомъ «сему Прусу» тогда поручено было «властодерство въ березехъ Вислы рѣки, городъ Мадборкъ и Торокъ и Хвойница и преславный Гданескъ и иныя многи грады и реку, глаголемую Нѣмонъ, впадшую въ море, иже и донынѣ зовется Прусская земля. Отъ сего Пруса сѣмени бяше Рюрикъ и братія его; и егда еще живяху за моремъ и тогда Варяги именовахуся и изъ заморія имяху дань на Чюди и на Словенахъ и на Кривичахъ» [1]. Нетрудно понять, почему Пруссія сочтена была родиной Рюрика. Лѣтопись говорила о племени Руси, жившемъ на берегахъ Балтійскаго моря и имѣвшемъ князьями Рюрика съ братіею. Созвучіе словъ Русь (Руссія) и Пруссія дѣлало для людей XV и XVI вѣковъ, плохихъ филологовъ, не знавшихъ, что подобная этимологія невозможна, отождествленіе ихъ вполнѣ правильнымъ и заманчивымъ. Представленіе о древнемъ Римѣ, какъ всемірной монархіи, позволило считать Августа властителемъ Пруссіи, а распространенный тогда взглядъ на государство, какъ на вотчину, дробившуюся между родственниками властителя-вотчинника, наводилъ на мысль о раздѣлѣ Римской имперіи Кесаремъ-Августомъ въ пользу императорской родни. О томъ, что названіе страны дало имя и миѳическому родоначальнику Пруссіи Прусу, можно было бы не упоминать.

«Легенда о Прусѣ, измышленная, по предположенію Жданова, знаменитымъ писателемъ XV вѣка Пахоміемъ, выходцемъ изъ юго-славянскихъ земель, а, быть можетъ, скажемъ мы, и другимъ досужимъ книжникомъ, отвѣчала помысламъ русскихъ великихъ людей и горделивымъ чаяніямъ русскаго народа. Поэтому она пользовалась большимъ почетомъ въ нашей древней письменности и заслужила полное признаніе и довѣріе со стороны государей и ихъ подданныхъ. Царь Иванъ вполнѣ ей довѣрялъ, вѣрили и другіе русскіе люди XVI—XVII вѣковъ. Какъ соблазнительно и заманчиво, какъ просто и естественно было вывести изъ Пруссіи и себя помощникамъ и слугамъ Московскихъ великихъ князей! Какъ легко повѣрить тому, чему хочется вѣрить!»

Таковы основанія и соображенія противниковъ иноземныхъ выѣздовъ въ родословныхъ XVI и XVII вѣковъ и не только «изъ Прусъ», но и изъ другихъ странъ. На первый взглядъ нельзя не соблазниться ихъ кажущейся стройностью, послѣдовательностью и логичностью, въ особенности въ изложеніи П. Г. Васенко, но чѣмъ ближе начнемъ въ нихъ всматриваться и вдумываться, тѣмъ больше приходитъ сомнѣній и несогласій и, въ концѣ-концовъ, приходится признать, что, быть можетъ, иной взглядъ, въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ, на эти выѣзды, болѣе терпимый и снисходительный, окажется и ближе къ истинѣ, и естественнѣе, и справедливѣе.

---

[1] П. С. Р. Л. XXI, т. I, стр. 10.

Прежде всего легенда о Прусѣ. Могла ли она, дѣйствительно, имѣть такое практическое значеніе, что не только отвѣчала «горделивымъ чаяніямъ русскаго народа», но и отразилась на нашихъ родословныхъ, и чуть ли не всѣ бросились поэтому только выводить свой родъ изъ чужихъ земель, въ частности «изъ Прусъ»? Едва ли. Сочиненная или «измышленная», по предположенію академика Жданова, выходцемъ изъ юго-славянскихъ племенъ въ XV вѣкѣ, извѣстнымъ Пахоміемъ, она, дѣйствительно, быть можетъ, и льстила самолюбію князей Московскихъ, такъ какъ такимъ образомъ какъ бы пріобщала ихъ къ сонму европейскихъ государей, недвусмысленно ставившихъ себя гораздо выше правителей «Московіи» и доходившихъ до предложенія Максимиліана Австрійскаго, Римскаго императора, дать Іоанну III титулъ императора. Могла она понравиться Іоанну Грозному, человѣку великой гордости, самомнѣнія и честолюбія. Могла заинтересовать и нѣкоторыхъ письменныхъ людей тѣхъ временъ и полюбиться имъ. Могли согласиться съ ней и лица, близкія къ Грозному, но все это далеко не то вліяніе, которое хотѣлось бы видѣть въ ней сторонникамъ сочинительства выѣздовъ изъ чужихъ земель. Для болѣе рядового, служилаго, даже и придворнаго человѣка, она, пожалуй, могла льстить національному самолюбію, но и только. Слишкомъ далекъ былъ вообще русскій человѣкъ, какъ читавшій лишь Священное Писаніе, да и то очень рѣдко, ибо громадное большинство было безграмотно, отъ внесенія такихъ отвлеченныхъ представленій въ жизнь, въ практическую ея сторону. Вѣдь, если даже онъ допускалъ, что Пруссія получила свое названіе отъ Пруса, брата Кесаря-Августа, то все же онъ не могъ не понимать, что Прусъ—это человѣкъ, давшій родъ человѣческій, а Пруссія—страна, земля, гдѣ жили совсѣмъ другіе люди, другой народъ, имѣвшій съ Прусомъ только то общее, что названіе ихъ з е м л и происходитъ отъ его имени. Если бы выѣздъ «изъ Прусъ» какъ бы приблизалъ родъ къ роду великаго князя, то неужели же это было бы опущено и родоначальники не выводились бы хотя бы отъ IX—XI вѣковъ, а не XIII, ибо раньше мы не знаемъ прародителей родовъ «изъ Прусъ». Если бы этотъ терминъ «изъ Прусъ» былъ такъ важенъ, то несомнѣнно громадное число родовъ поспѣшили бы приписаться къ нему, но на повѣрку онъ далеко не такъ распространенъ, да и является, главнымъ образомъ, лишь въ концѣ XVII ст., въ эпоху составленія Бархатной книги. Вѣдь, если цѣлый рядъ родовъ указываетъ на одного общаго родоначальника, «выѣхавшаго изъ Прусъ», то это еще далеко не значитъ, что столько же было и «выѣзжихъ изъ Прусъ». Громадное большинство этихъ родовъ идутъ, въ сущности, отъ потомковъ этихъ выходцевъ, всецѣло обрусѣвшихъ, слившихся окончательно съ новой родиной ихъ прародителя, и, строго судя, ихъ родоначальникомъ надо считать именно этого обрусѣвшаго потомка. А такіе родоначальники нерѣдко относятся только къ 3-му, 5-му, а то и къ 6-му колѣну. Но память о главѣ старшей линіи сохранилась, и каждый родъ, подавая отдѣльно свою родословную, поневолѣ долженъ былъ упоминать и общаго родоначальника. Если подвести такой подсчетъ, то такихъ выѣзжихъ окажется далеко не такое большое количество. Отъ Андрея Ивановича Кобылы производятъ свой родъ 28 фамилій, и въ своихъ родословныхъ они указываютъ на него, какъ на родоначальника, а сами свои фамиліи начинаютъ съ разныхъ его потомковъ вплоть до VII колѣна. Но вѣдь это не значитъ же, что было 28 «выѣзжихъ изъ Прусъ», что всѣ эти роды сочинили себѣ такихъ родоначальниковъ. Въ концѣ-концовъ, при такомъ подсчетѣ дѣйствительно «выѣхавшихъ» изъ чужеземныхъ странъ, въ томъ числѣ и «изъ Прусъ», окажется очень мало, настолько мало, что пугаться этого числа и видѣть въ немъ исключительно результатъ умышленнаго стремленія старыхъ русскихъ родовъ произвести себя непремѣнно отъ пришлыхъ «свѣтлыхъ, знаменитыхъ, нарочитыхъ людей», пришлыхъ иностранцевъ, не будетъ ника-

кихъ основаній. А если отсюда вычесть только родоначальниковъ «изъ Прусъ», то таковыхъ выйдетъ такъ мало, что и говорить объ этомъ нечего, и вліяніе, будто бы, на выѣздъ «изъ Прусъ» легенды Пахомія буквально ничѣмъ не подтвердится. Да, наконецъ, эта легенда и среди великихъ князей и царей Московскихъ и среди лѣтописцевъ успѣха имѣла очень мало. Собственно говоря, одинъ лишь Іоаннъ Грозный придавалъ ей какъ-будто значеніе, если вѣритъ словамъ Флетчера о томъ, что самъ царь пресерьезно увѣрялъ одного иноземца въ своемъ нѣмецкомъ происхожденіи, но и тогда для этого надо было имѣть такой характеръ, каковъ былъ у него. Да еще разъ встрѣчаемся мы съ этой легендой, однако, безъ упоминанія о Прусѣ, въ грамотѣ объ избраніи Царя Михаила Ѳеодоровича. Но для успокоенія всѣхъ умовъ и для всенароднаго, дѣйствительно, признанія правъ Романовыхъ нужны были всякаго рода доказательства, удовлетворяющія всевозможные требованія и взгляды. Вѣдь, Романовы были близки къ престолу Русскому благодаря Анастасіи Романовнѣ, первой супругѣ Грознаго, вотъ и вспомнили объ его признаваніи этой легенды и помѣстили ее въ актѣ. А потомъ она уже безслѣдно исчезаетъ, если не считать еще одного такого же упоминанія, опять-таки объ одномъ Кесарѣ-Августѣ, при Царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ [1]).

Не очень благоволила къ этой легендѣ и лѣтописная литература. Изъ всѣхъ лѣтописныхъ и иныхъ сказаній мы ее встрѣчаемъ только въ Сказаніяхъ о князьяхъ Владимірскихъ и въ посланіи Спиридона Саввы, откуда она и перешла въ Московскую офиціальную лѣтопись и въ Степенную книгу, гдѣ, кстати сказать, Прусъ и превратился изъ родственника Кесаря-Августа, какъ онъ названъ въ первоначальной редакціи, въ его брата, но и то, какъ выше отмѣчено, онъ очень быстро исключается изъ дальнѣйшихъ официальныхъ ссылокъ на легенду.

Скорѣе можно допустить иное вліяніе этой легенды на наши родословныя—на ихъ техническое построеніе. Изъ этой легенды русскіе люди впервые узнали что такое родословіе, какъ располагаются колѣна и насколько важно и обязательно указывать родоначальника какъ точку отправленія. А родословія или подходящій порядокъ нужны были русскимъ людямъ въ ихъ мѣстническихъ спорахъ. Раньше этой формы они не знали, почему и споры шли безъ родословныхъ въ истинномъ смыслѣ этого слова и указывались сравнительно недавніе предки въ восходящей степени. Поэтому-то и нѣтъ такого родословія и упоминанія о своемъ происхожденіи отъ владѣтельнаго князя въ «счетѣ» боярина Юрія Захарьевича Кошкина въ 1500 г. съ княземъ Даніиломъ Щенятевымъ, какъ нѣтъ и у другихъ. Поэтому-то и родословныя нашихъ старинныхъ фамилій появляются лишь во второй половинѣ XVI в. и раньше списковъ ихъ нѣтъ.

Самая старая родословная книга, такъ называемый «Государевъ Родословецъ», а иногда «Елизаровская книга», относится къ 1555—1556 г., когда думскимъ разряднымъ дьякомъ былъ Иванъ Елизаровъ, но ссылки на этотъ Родословецъ появляются значительно позже. Такъ, одна изъ первыхъ, если не первая ссылка оказывается въ «счетномъ» дѣлѣ Ѳомы Аѳанасьевича Бутурлина съ княземъ Василіемъ Васильевичемъ Тюфякинымъ 1579 г. въ слѣдующемъ видѣ. «И бояре спросили князь Василья ты на государевы разряды и на родословцы шлешься ли? И князь Василій на государевы разряды и на родословецъ слался же ся, да въ томъ оба ша слалися на государевы разряды... На завтрее государь сидѣлъ съ бояры, а то дѣло велѣлъ передъ собой чести и разряды велѣлъ съискати и по Ѳоминымъ памятемъ и по ссылкамъ

---

[1]) Въ «Проектѣ Устава о служебномъ старшинствѣ бояръ» и т. д. Сообщ. кн. М. Оболенскимъ. Архивъ истор.-юрид. свѣдѣній, относящ. до Россіи, издав. Н. Калачевымъ. СПБ. 1876. Кн. I, отд. II, стр. 21—44.

и по родословцу сошлося...»; въ 1589 г. въ судномъ дѣлѣ Романа Алферьева съ кн. Григоріемъ Засѣкинымъ послѣдній говоритъ: «Чюлокъ мнѣ не далекъ въ роду:—дѣдъ, и мнѣ почему имъ не считатца, а сколь мнѣ это блиско въ томъ шлюсь на Государевъ Родословецъ» [1]).

Въ Родословцѣ нѣтъ ни одного выѣзда «изъ Прусъ», а только одинъ «изъ Нѣмецъ»—знаменитаго Радши [2]). Если бы легенда о Прусѣ имѣла бы такое вліяніе, какое ей приписываютъ, то слѣдовало бы ожидать всѣ эти выѣзды именно въ Государевомъ Родословцѣ. А разъ онъ молчитъ, то нечего и говорить о такомъ вліяніи. Всѣ эти выѣзды какъ, сказано выше, являются только въ Бархатной книгѣ, т.-е. болѣе ста лѣтъ спустя, когда могли уже докапываться до первоначальныхъ источниковъ, знакомились съ иностранной литературой и вспоминали семейныя преданія, подгоняя родословныя подъ иностранные образцы. Вѣдь и гербы частныхъ фамилій въ Россіи появляются лишь при Царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ.

Упоминанія о какихъ-либо болѣе раннихъ Родословцахъ нѣтъ, и сомнительно чтобы они были. Но что было несомнѣнно, это «памети», т.-е. записи въ разныхъ мѣстническихъ дѣлахъ и ближайшія семейныя свѣдѣнія; на нихъ и основались родословныя [3]).

Почему Юрію Захарьевичу Кошкину выгодно было въ спорѣ его съ княземъ Щенятевымъ сослаться на свое происхожденіе отъ знатнаго выѣзжаго «изъ Прусъ»? [4]) Потому ли опять, что миѳическій Прусъ далъ свое имя этой странѣ выѣзда его прародителя, или потому, что родъ его становился знатнѣе отъ знатнаго чужеземца? Этого г. Васенко не объясняетъ. Скорѣе послѣднее, какъ это можно вывести изъ того, что онъ при этомъ дѣлаетъ ссылку на «Боярскую Думу» В. Ключевскаго, который говоритъ такъ: «Извѣстенъ мѣстническій случай, когда самъ Иванъ III выразилъ мысль о служебномъ преимуществѣ служилаго князя передъ простымъ, хотя бы и родовитымъ московскимъ бояриномъ... Великій князь напомнилъ ему одинъ служебный случай изъ первыхъ лѣтъ своего княженія: боярин Ѳ. Д. Хромой, одного корня съ старинными московскими фамиліями Бутурлиныхъ и Челяднинныхъ, командовалъ сторожевымъ полкомъ, когда главнымъ воеводой былъ послѣдній великій князь Ярославскій... Великій князь хотѣлъ сказать Захарьичу этимъ служебнымъ напоминаніемъ, что прежде бояринъ изъ фамиліи родовитой не менѣе Кошкиныхъ не обижался, отступая на низшее мѣсто передъ княземъ Ярославскимъ... Такъ генеалогической знатности стали жертвовать (?) давностью службы».

Вопреки заключенію проф. Ключевскаго, изъ словъ Іоанна III и сравненія случая Хромого съ кн. Ярославскимъ со случаемъ Ю. З. Кошкина съ кн. Щенятевымъ можно вывести, во-первыхъ, что великій князь отдавалъ преимущество служебнымъ заслугамъ, а не родовитости, и, во-вторыхъ, что заслуги кн. Щенятева онъ ставилъ выше заслугъ Кошкина, какъ и заслуги кн. Ярославскаго выше таковыхъ же Хромого. Слѣдовательно, упоминаніе о происхожденіи своемъ отъ знатнаго предка, да еще чужеземца, никакъ не могло бы помочь Кошкину. Кн. Щенятевъ былъ изъ рода Полоцко-Литовскихъ князей, и болѣе древнихъ, и болѣе знатныхъ, и болѣе близкихъ Руси, чѣмъ выѣзжіе «изъ Прусъ», а все же на первый планъ стали его заслуги, а не происхожденіе.

Трудно согласиться и съ тѣмъ, что производство своихъ родовъ отъ пріѣзжихъ знатныхъ иностранцевъ, или «изъ Прусъ», вызвано было также

---

[1]) Л. М. Савеловъ. «Лекціи по русской генеалогіи», 2-ое полугодіе. М. 1909, стр. 4. Оба случая полнымъ текстомъ взяты оттуда.

[2]) Н. П. Лихачевъ. «Разрядные дьяки», стр. 376.

[3]) Въ «Мѣстническомъ справочникѣ XVII вѣка» изд. Ю. В. Татищевымъ, Вильна, 1910, отмѣчено лишь одно происхожденіе фамиліи Сукиныхъ, остальное же—указанія на службу ближайшихъ предковъ и только.

[4]) См. примѣч. 2, на стр. 54.

се приѣхаша посли. ѿ тенгоутемера цр҃я.
сажатъ ꙗрослава съграмотою. тѧкі. ѹ. иба
ниши.

„Договорная Грамота Новагорода съ Великимъ Княземъ Тверскимъ Ярославомъ Ярославичемъ (третья) учиненная при посадникѣ Павше, и при Крымскихъ Послахъ: на какихъ условіяхъ владѣть ему Князю Новымъ-Городомъ“. — Писана 1270 года.

„Текстъ сей Грамоты дословно приведёнъ въ Отдѣлѣ: Приложенія (Приложеніе II, стр. VIII и IX)“.

Библиотека Академии наук СССР

и тѣмъ обстоятельствомъ, что потомки великихъ и удѣльныхъ князей «заѣзжали» на московской службѣ «прежнихъ бояръ, служившихъ дому Калиты», и «кололи имъ въ глаза своимъ знатнымъ происхожденіемъ». Конечно, нѣтъ сомнѣнія, что такіе потомки нерѣдко занимали лучшія и высшія мѣста при дворѣ и въ администраціи. Но тутъ играли немалую роль и родственныя связи съ Московскими великими князьями, и извѣстный опытъ ихъ въ своихъ княжествахъ, и политическія соображенія, а быть можетъ, и желаніе придать Московскому двору бо́льшую пышность привлеченіемъ въ качествѣ «слугъ» прирожденныхъ русскихъ князей. Однако изъ словъ Іоанна III видно, что первое мѣсто занимали служебныя заслуги, и вотъ на этой-то почвѣ, на счетѣ «мѣстами» и основывались главныя жалобы на «заѣзды». При «потерькахъ», при обидѣ въ «отчествѣ» обида наносилась не только «пострадавшему», но и всему его роду, и поэтому-то такъ строго слѣдили всѣ родичи о служебномъ движеніи своихъ сочленовъ. Тягались или «считались» не однѣ родовитыя московскія фамиліи съ нововъѣзжими великими и удѣльными князьями и съ ихъ родичами, но и между собою, тягались и титулованные, и нетитулованные, и тѣ и другіе между собою, тягались и старые московскіе роды съ таковыми же, и новые также, считались даже члены одной семьи между собой. И когда ссылались они въ спорахъ своихъ на своихъ прародителей, то гораздо больше для указанія на служилую древность рода, на то, что онъ по служебнымъ заслугамъ своихъ членовъ, по «мѣстамъ», не ниже другихъ и что члены этого рода занимали высшія мѣста противъ членовъ соперничествующаго рода, чѣмъ на происхожденіе. Чужеземное происхожденіе не играло здѣсь роли, разъ шли противъ прирожденныхъ русскихъ князей, къ тому же родовъ болѣе древнихъ, чѣмъ XIII вѣкъ.

«Такъ какъ отъ извѣстнаго положенія даннаго лица,—говоритъ Л. М. Савеловъ [1]),—зависѣло и положеніе его родичей, то, конечно, эти родичи зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы кто-нибудь изъ ихъ семьи не позволялъ себѣ заѣхать, почему бывали примѣры, когда родичи обойденнаго лица, помимо его, выступали въ защиту родовой чести. Такъ, въ 1598 г. князь Репнинъ-Оболенскій по росписи занималъ въ походѣ мѣсто ниже кн. Сицкаго, чего ему не слѣдовало дѣлать по служебному положенію своего рода и не билъ челомъ царю объ обидѣ на Сицкаго, потому что они съ Сицкимъ были «свояки и великіе други». Тогда на выручку поруганнаго рода выступили всѣ родичи Репнина-Оболенскаго, отъ имени которыхъ кн. Ноготковъ-Оболенскій «во всѣхъ Оболенскихъ князей мѣсто» билъ челомъ, что кн. Репнинъ «то сдѣлалъ, дружась съ кн. Иваномъ, чтобъ тѣмъ его воровскимъ нечелобитьемъ поруху и укоръ учинить всему ихъ роду Оболенскихъ князей отъ всѣхъ чужихъ родовъ». Царь рѣшилъ такъ: «разъ кн. Репнинъ не билъ челомъ по дружбѣ, то виноватъ онъ одинъ лично, а всему роду кн. Оболенскихъ въ томъ порухи отечеству нѣтъ». Изъ этого спора ясно, что все основывалось на служебномъ положеніи кн. Оболенскихъ, большемъ, чѣмъ у кн. Сицкихъ, а не на родословныхъ. Если припомнить теперь то опустошеніе, которое Іоаннъ Грозный произвелъ, главнымъ образомъ, среди титулованныхъ родовъ, потомковъ удѣльныхъ и великихъ князей, то еще очевиднѣе станетъ, что «засилье» было не на почвѣ происхожденія. Мало того, многія фамиліи, титулованныя, не причислялись даже къ московской знати и потому считались «неродословными». Таковъ былъ случай со счетомъ кн. Волконскаго съ бояриномъ Головинымъ. Кн. Волконскій «билъ челомъ, что ему по своей службѣ не вмѣстно быть меньше боярина Головина». Головинъ подалъ жалобу, что кн. Волконскій обезчестилъ и опозорилъ

---

[1]) Op. cit., стр. 8.

его и его родичей и просилъ «дать ему оборонь». Бояре разобрали споръ Головина и Волконскаго, объявивши послѣднему, что онъ «человѣкъ не родословный», а по государеву указу неродословнымъ людямъ съ родословными суда и счета въ отечествѣ не бываетъ, а относительно же его службы, то «за службу жалуетъ государь помѣстьемъ и деньгами, а не отечествомъ». Это было въ 1619 году, при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, когда Царь началъ уже сильную борьбу съ мѣстничествомъ и на первый планъ стало выдвигаться положеніе о преимуществахъ московскихъ родовъ и ихъ прежнихъ заслугъ передъ заслугами и знатностью немосковскихъ. Скорѣе на «засилье» могли жаловаться фамиліи бывшихъ удѣльныхъ князей [1]), но никакъ не московская знать, не московскіе старые роды.

Представленіе о Москвѣ, какъ третьемъ Римѣ, «а четвертому не быти», еще меньше могло имѣть вліянія на измышленіе родоначальниковъ изъ иноземной знати. Создано оно было искусственно Греками и, главнымъ образомъ, греческимъ духовенствомъ конца XV вѣка, подъ вліяніемъ паденія Византіи и опасности утратить все свое положеніе и значеніе подъ натискомъ, съ одной стороны, ислама, а съ другой—католической пропаганды. Бракъ Зои Палеологъ съ Іоанномъ III, православнымъ, членомъ греческой каѳолической церкви, давалъ защиту и деньги. Надо было только сильнѣе закрѣпить отношенія съ Россіей. И въ результатѣ получилась тѣснѣйшая связь греческой и русской церкви и греческіе вселенскіе патріархи получили въ свои руки новую громадную паству. Они стали духовными судьями русской церкви и даже по учрежденіи патріаршества въ Россіи сохраняли эту власть, такъ что судить патріарха Никона долженъ былъ пріѣхать Макарій, патріархъ Антіохійскій. Отсюда ясно, что вся эта горделивая теорія имѣла значеніе исключительно религіозно-политическое и, быть можетъ, и очень даже практическое, но только для одного греческаго духовенства. Наши предки XV вѣка, да и слѣдующаго за нимъ, будучи людьми очень религіозными, конечно, ничего не имѣли противъ такой теоріи, но въ то же время едва ли могли проникнуться ею до отраженія этого убѣжденія на своихъ родословныхъ, да еще «выѣзжихъ изъ Прусъ» или «изъ Нѣмецъ». Слишкомъ глубоко чтили они свою церковь, чтобы мѣшать ее въ свои споры о «мѣстахъ» и «счеты въ отечествѣ», и слишкомъ далеки были отъ такихъ выспреннихъ сочиненій и мыслей хитроумныхъ Грековъ, чтобы помнить для своихъ родословій легенду о «третьемъ Римѣ», ни съ какой стороны своимъ созданіемъ не помогавшей имъ въ ихъ практической жизни и службѣ.

И эта теорія, и засилье, и легенда о Прусѣ лишь косвенно относятся къ коренному вопросу о Пруссіи и о выѣздѣ «изъ Прусъ». Теперь важно разсмотрѣть эти вопросы по существу.

П. Н. Петровъ, какъ это выше было отмѣчено, говоритъ рѣзко и опредѣленно: «Время происхожденія рода—XIII вѣкъ, напримѣръ, была пора, когда не существовала Пруссія въ смыслѣ самостоятельнаго государства... Откуда же могли быть въ XIII вѣкѣ прусскіе подданные и прусская народность?» П. Г. Васенко выражается осторожнѣе. Указывая, что, по объясненію Устрялова, слово «Рѣшскій» въ памфлетѣ Курбскаго значитъ «имперскій» (отъ Reich) онъ говоритъ: «А такъ какъ Пруссія въ XIII вѣкѣ не входила въ составъ имперскихъ земель, то и все преданіе надо относить къ позднѣйшему времени». Такимъ образомъ, Петровъ отрицаетъ даже существованіе прусской народности въ XIII вѣкѣ, а г. Васенко какъ-будто и признаетъ Пруссію для этой эпохи, но не такой страной, откуда могли бы пріѣхать въ Россію выходцы. Въ обоихъ взглядахъ видно ясно смѣшеніе

---

[1]) Стародубскіе князья—Пожарскіе служатъ при Іоаннѣ IV городничими, Одоевскіе при Іоаннѣ III уже были безъ вотчинъ и служили по разнымъ городамъ, Бѣлосельскіе-Бѣлозерскіе нанимаются въ попы и т. д.

понятій о Пруссіи современной съ Пруссіей или прусской землей XIII вѣка. Да, въ XIII в. самостоятельнаго государства Пруссіи въ нынѣшнемъ смыслѣ не было, но Прусскій народъ былъ и говорилъ на Прусскомъ языкѣ [1]). Судины (Судавія) были извѣстны уже Птоломею, который указываетъ ихъ по Балтійскому побережью. Занимали они ближайшую часть къ Литвѣ со стороны нынѣшней Германіи, между Вислой и Прегелемъ, въ близкомъ сосѣдствѣ и родствѣ съ славянскимъ поморьемъ и съ другими славянскими племенами, жившими далѣе на западъ, отъ которыхъ уцѣлѣли только Лужичане, и говорили на языкѣ, который причислялся къ Литовскому, какъ одно изъ его нарѣчій [2]). Прусовъ, кромѣ того, ставитъ наука въ связь съ Ятвягами, Жмудью, а Эстіи Вульфстона отождествляются съ Прусами. Состояла эта Пруссія изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ областей, носившихъ особыя названія. Таковы, напримѣръ, Погезанія, Помезанія, Самляндія, Натангія, Судавія, Бортеве и другія. Ломейеръ въ своей исторіи Восточной и Западной Пруссіи [3]) говоритъ, что срединное ядро Пруссіи XIII вѣка составляла земля Погезанія, мѣстонахожденіе которой опредѣляется приблизительно городами Лабштадтъ, Вормдитъ, Гуштадтъ и Гейльбергъ. Граница Погезаніи по отношенію къ Варміи была рѣка Пасаре или Серія. Въ XIII вѣкѣ входятъ въ эту область населенныя мѣста Парсукъ, Погезанія, Лаксанія, Прейсишъ-Голландъ, Замброхъ, затѣмъ Очекъ при устьѣ рѣкъ Веска и Веклица, близъ рѣки Роговы. Часть этой области называлась Hackerland-Горной, въ противоположность приморскимъ низинамъ близъ Эльбинга. Въ этой же области была мѣстность Толкемитъ, мѣсто рожденія монаха Симона Грунау, извѣстнаго фальсификатора исторіи Пруссіи. Находки арабскихъ монетъ IX—X вв. указываютъ на сношенія Прусовъ съ Поволжьемъ при посредствѣ Руси.

Знали ли наши предки о существованіи этой Пруссіи? Да, они знали, и очень хорошо. Напримѣръ, въ Уставѣ о мостовыхъ XI в., приписываемомъ Ярославу I, упоминаются не только Готы и Нѣмцы, но и Прусы [4]). Затѣмъ, Ипатьевская лѣтопись такъ говоритъ подъ 1276 годомъ: «Придоша Проуси ко Тройденеви изъ своей земли неволею передъ Нѣмци. Онъ же прия ѣ къ себѣ и посади часть и в Городнѣ а часть ихъ в Вслонимѣ». Второй разъ она уже упоминаетъ о нихъ подъ 1278 годомъ, какъ о защитникахъ Городна отъ татаръ и нашихъ князей, въ особенности отъ Юрія Львовича: «Проуси же и Бортеве выѣхавше изъ города удариша на нѣ ночь и избиша ѣ всѣ, а другихъ изоймаша и в город ведоша, а Тюима на санех везоша, бѣ бо раненъ велми». Эти двѣ выдержки ясно показываютъ, что наши предки не только знали и имя Прусовъ и фактъ ихъ спасенія отъ рыцарей Тевтонскаго Ордена въ Литвѣ, у Тройдена, но и сами приходили съ ними въ близкое соприкосновеніе и даже терпѣли отъ нихъ пораженія.

Вотъ каковы были Прусы и прусская народность въ XIII в. и привлеченіе къ нимъ позднѣйшей Пруссіи, курфюршества Бранденбургскаго и имперскихъ земель совершенно ни на чемъ не основано. Показаніе кн. Курбскаго не можетъ нисколько дискредитировать вопросъ. Онъ, во-первыхъ, не утверждаетъ, что Михаилъ былъ Решскимъ княземъ, а говоритъ осторожно: «Глаголятъ его быти съ роду княжатъ Решскихъ», а во-вторыхъ, и это «княжество Решское», т.-е. имперское, быть можетъ было раньше одной изъ областей въ землѣ Прусовъ, съ присоединеніемъ ея къ владѣніямъ

---

[1]) Всѣ дальнѣйшія указанія и свѣдѣнія взяты у Э. А. Вольтеръ. Слѣды древнихъ Прусовъ и ихъ языка въ Гродненской губ. Изв. Импер. Акад. Наукъ. Отд. русск. яз. и слов. 1911, кн. 4, у Э. Лависса, М. К. Любавскаго и др.

[2]) Новѣйшіе изслѣдователи причисляютъ Литовцевъ безусловно къ славянскому племени, а съ ними и Прусовъ. См. А. А. Погодинъ. Сборникъ статей по археологіи и этнографіи. СПБ. 1902. Гл. IX. Изъ древнѣйшей исторіи Литовскаго племени.

[3]) Lohmeyer. Geschichte von West-Preussen. 1908.

[4]) «Собраніе памятниковъ» Утина и Лазаревскаго, стр. 37—38.

Тевтонскаго Ордена уже потерявшей свое древнее названіе, какъ потеряли его всѣ прусскія области и даже города, переименованные на нѣмецкій ладъ завоевателями. Къ XVI же вѣку древняя Прусская земля уже давно входила въ составъ тогдашнихъ германскихъ земель, имѣвшихъ главою германскаго императора, почему и разныя маркграфства, герцогства, области и т. п. именовались «имперскими землями».

Наконецъ, о «плохихъ филологахъ» XVI и XVII вѣковъ. Дѣйствительно ли они смѣшивали два названія «Прусія» и «Русія» и, на основаніи созвучія ихъ, не дѣлали различія между ними? Указаній на такіе факты что-то не встрѣчалось, иначе они Русь повели бы отъ Пруса. Поэтому, думается, что такая посылка не вѣрна. Изъ предыдущаго ясно, кажется, что о Пруссіи и Прусахъ эти люди имѣли очень хорошее и точное понятіе, а рискнуть на такое сближеніе не рѣшился бы и Пахомій, выдумавшій Пруса.

При переходѣ теперь къ вопросу вообще о выѣзжихъ «изъ Нѣмецъ», «изъ Прусъ» и «изъ Варягъ», изъ «Свеи» и «изъ Литвы» и другихъ, невольно является и желаніе и необходимость выяснить, насколько русскіе люди могли знать всѣ эти страны и различіе между ними и насколько могли бы они быть правдивы какъ въ каждомъ отдѣльномъ такомъ показаніи, такъ и въ смѣшеніи ихъ. Равнымъ образомъ приходится остановиться и на томъ, были ли эти смѣшенія слѣдствіемъ незнанія, безграмотности, или же въ основѣ ихъ лежитъ, наоборотъ, извѣстное знаніе исторіи, хотя бы и не совсѣмъ ясное и затушеванное временемъ.

Не углубляясь слишкомъ далеко, можно указать уже на время, ближайшее послѣ IV вѣка, когда населеніе древней Руси познакомилось ужъ съ «Нѣмцами», какъ ихъ позже называли, а на самомъ дѣлѣ съ Готами. Знакомство это стало очень близкимъ послѣ поселенія Готовъ на Западѣ, о чемъ можно судить уже потому, что и археологическіе памятники свидѣтельствуютъ о томъ и памятники языка. Теперь уже ясно, что, напримѣръ, такое, казалось бы, русское слово, какъ «скотъ», не славянскаго происхожденія, а готское Skatts [1]), ибо у Готовъ наши отдаленнѣйшіе предки впервые познакомились со скотомъ. И это знакомство съ Готами продолжалось долго, и уже въ вполнѣ историческую эпоху Новгородъ отлично продолжалъ торговлю съ Визби, главнымъ городомъ Готланда и зналъ «Готскій берегъ», откуда и получалъ многіе товары и продавалъ свои. Сравнительно скоро послѣ перваго знакомства съ Готами, Русь приходитъ въ столкновеніе съ Скандинавами, съ Варягами, ѣздившими сперва черезъ нее въ Византію, потомъ грабившими ее и ведшими торговлю черезъ ея территорію съ Волжскими Булгарами и съ Арабами и, наконецъ, вошедшими въ нее въ качествѣ военной охраны. Это послѣднее обстоятельство дало нашимъ предкамъ IX вѣка, мирнымъ купцамъ и звѣроловамъ, не только охрану, но и извѣстную власть, положившую начало нашей первой династіи—Рюриковичей. Въ XI—XII вѣкахъ нерѣдко уже «русскіе» князья нанимали себѣ, въ случаѣ нужды, отряды Варяговъ въ 1000 и болѣе человѣкъ. Съ X и вплоть до половины XII вѣка по всей Руси обращаются, за отсутствіемъ своей монеты, монеты нѣмецкихъ городовъ, графовъ, епископовъ, герцогскія, королевскія, императорскія [2]) и др., равно какъ и англосаксонскія [3]), что несомнѣнно указываетъ на тѣсныя, хотя бы только торговыя, сношенія. Но мы знаемъ за это время и браки дочерей кіевскихъ князей съ иностранными принцами и королями [4]). Въ началѣ XIII вѣка югъ и востокъ Руси былъ захваченъ Татарами,

---

[1]) Акад. Ѳ. Е. Коршъ. О нѣк. бытов. слов., заимств. древн. славян. изъ такъ назыв. урало-алтайскихъ языковъ (Зап. И. Р. Г. О. по Отд. Этногр. т. XXXIV).

[2]) Въ X по XII в. Послѣднія, по времени чеканки, нѣмецкія монеты, найденныя въ Россіи, не заходятъ за 1125 годъ.

[3]) Послѣднія около 1100 г.

[4]) Напримѣръ, дочерей Ярослава I.

сѣверъ былъ еще пустъ и начавшее выдвигаться Московское великое княженіе осталось при знакомствѣ главнымъ образомъ съ Прусами и Нѣмцами и непосредственно, благодаря Новгороду и Пскову, и черезъ Литву и Польшу. Съ XII вѣка въ Новгородѣ уже становится извѣстной «Прусская» улица, а позже, въ 1270 году въ Новгородѣ уже появляются «скры»—акты, регулирующіе торговлю Новгорода съ Ганзой. Съ Скандинавіей, уже ставшей Швеціей, съ Балтійскимъ побережьемъ, съ Ригой, Ревелемъ и др. сношенія эти и не прекращались. Въ дальнѣйшемъ это сближеніе съ Нѣмцами шло все тѣснѣе и тѣснѣе и если былъ какъ-будто перерывъ въ пользу грекоитальянскаго вліянія при Іоаннѣ III, то почти исключительно въ религіозномъ отношеніи и въ области искусства. Но это продолжалось недолго. А съ XVI вѣка и въ этой области, а также и въ области промышленной, хозяйственной, металлургической, горной, военной и т. д. ясно берутъ верхъ во всемъ Нѣмцы и тѣснѣйшія сношенія съ ними съ тѣхъ поръ не прерываются и до сихъ поръ.

Это знакомство въ теченіе всей своей исторіи Руси съ «Нѣмцами» всѣхъ типовъ и племенныхъ различій не могло, конечно, не отразиться и на пріѣздахъ представителей этихъ странъ и племенъ въ Россію. Но кто могъ, направляясь въ Русь, въ эту страну снѣга и медвѣдей, разсчитывать на успѣхъ и удачу? Не простые рядовые чужеземцы, нищіе, являвшіеся за мелкой службой, безъ авторитета и безъ внѣшности. Выѣзжали на Русь или гонимые Нѣмцами Славяне и Полуславяне, или люди болѣе или менѣе «знатные, нарочитые». Только такіе и могли разсчитывать на благосклонный пріемъ и успѣхъ въ своемъ новомъ отечествѣ. Обмануть своимъ званіемъ и происхожденіемъ имъ было трудно: слишкомъ много и часто было точекъ соприкосновенія древней Руси съ ихъ земляками и ложность ихъ показаній не замедлила бы открыться. Вѣдь пріѣзжали они не на время, а совсѣмъ, принимали св. крещеніе, стремились занять лучшую службу. А при дворахъ нашихъ великихъ и удѣльныхъ князей не такъ-то легко было устроиться неизвѣстному пріѣзжему иновѣрцу. И коренные русскіе люди, и приближенные, и такіе же выѣзжіе, ихъ соперники, и духовенство—всѣ не очень-то ласково приняли бы безвѣстнаго выходца и всячески старались бы провѣрить его показанія.

Принимая все только что сказанное въ соображеніе, невольно приходится утвердительно сказать, что наши предки не могли не разбираться въ терминахъ «выѣзжій изъ Прусъ, изъ Нѣмецъ, изъ Варягъ, изъ Свеи» и т. д. И не могли они также не знать про печальный конецъ Прусовъ, бѣгство части ихъ въ Литву, почему, вѣроятно, и оказался въ одной изъ рукописей выѣздъ Андрея Кобылы «изъ Литвы» и про порабощеніе ихъ Тевтонскимъ Орденомъ, «Нѣмцами», какъ говоритъ объ этомъ Ипатьевская лѣтопись. Мало того, запись въ родословной XVI вѣка по списку А. Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ рода Андрея Ивановича Кобылы: «Родъ Андрея Ивановича Кобылы выѣхалъ изъ Прусскія земли изъ Нѣмецъ»—ясно указываетъ, что они отлично знали, ибо выраженіе «изъ Прусскія земли, изъ Нѣмецъ» вполнѣ соотвѣтствуетъ исторіи: вѣдь земля Прусовъ была въ концѣ XIII вѣка окончательно завоевана Тевтонскимъ Орденомъ и съ тѣхъ поръ вошла въ составъ германскаго, «нѣмецкаго», обладанія.

III.

Выше уже сказано, что мнѣнія Колычева, встрѣтившія поддержку въ XVIII столѣтіи и особенно сильную по отношенію къ Гландѣ Камбилѣ въ началѣ XIX в. у барона Кампенгаузена, въ дальнѣйшемъ мало пользовались почетомъ, а новѣйшіе историки стали относиться къ нимъ исключительно отрицательно, считая все это баснословіемъ или миѳомъ. Тѣмъ не менѣе, основываясь на результатахъ, къ которымъ пришлось прійти при разсмотрѣніи вопроса о «выѣзжихъ изъ Прусъ», представляется далеко небезынтереснымъ познакомиться поближе какъ съ теоріями Колычева, барона Кампенгаузена и др., такъ и ихъ противниковъ. Поэтому здѣсь умѣстно будетъ привести подробнѣе и тѣ и другіе, начавъ съ вопроса о Гландѣ Камбилѣ.

Въ своей «Исторіографіи, вкратцѣ собранной отъ разныхъ хроникъ и лѣтописцевъ» [1]), Ст. Колычевъ утверждалъ, что одинъ изъ потомковъ сына Вейдевуда Недрона Гландосъ Камбила въ 1280 году принялъ у себя на родинѣ крещеніе по католическому обряду, а «въ 1283 году упомянутый Гландосъ Камбила Дивоновъ сынъ, изъ дому Недрона Ведевитовича поколѣніе свое линейно производящій, самъ пріиде къ Московскому князю Данилѣ Александровичу всея Россіи самодержцу и тотъ его крестилъ въ законъ греческаго исповѣданія, понеже онъ и прежде окрещенъ былъ въ Римскую, а изъ Римской въ Греческую, что и нынѣ всуе творятъ Латынники... А что того славнаго Камбилу или Гланда Камбиліона стали нарицать Кобыла и то мню учинено съ недозрѣнія особы его. Въ томъ вѣку нарещи иноземческихъ прозваній многіе не умѣли и съ истиною того прозванія знатно распознавать не умѣли или не хотѣли; а наипаче древніе писари Русскіе, недовольные въ грамматическихъ ученіяхъ, вельми иноземныя прозванья и имена отмѣняли, недописуя вѣрно, или съ прибавкою отъ незнанія писали. Мню, посему, что вмѣсто Камбилы или Камбиліона, написано просто Кабыла отъ древнихъ писцовъ, съ убавленіемъ литеры».

Мальгинъ въ своемъ «Зерцалѣ Русскихъ Государей въ 1794 г.» выражается кратко: «потомство его (Вейдевуда) разрослось до 9 колѣнъ, вплоть до князя Гланды, котораго признаютъ братомъ Прусскаго князя и который въ исходѣ XIII вѣка (а по другимъ въ половинѣ XIII вѣка) прибылъ въ Россію; крестился въ 1283 г. и во св. крещеніи нареченъ Іоанномъ».

Въ Общемъ Гербовникѣ 1797 года, издаваемомъ Департаментомъ Геральдіи, сказано: «Какъ видно изъ представленныхъ выписокъ изъ историковъ древней Пруссіи, изъ Прусскаго гербовника и изысканій въ Архивѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, основной Родъ Романовыхъ происходитъ отъ Андрея Ивановича Кобылы, потомка короля Прусовъ Вейдевуда... Одинъ изъ потомковъ его (Вейдевуда) четвертаго сына Недро, владѣтель Судавіи, Самогитіи и т. д. Гланда Камбила Дивоновичъ, обезсиленный борьбою съ крестоносцами и ими побѣжденный, удалился съ сыномъ и многими вассалами въ Россію и перешелъ въ подданство къ великому князю Александру Ярославовичу Невскому. Во святомъ крещеніи онъ получилъ имя Ивана, а сынъ его, обыкновенно называемый Кобылою,—имя Андрея».

Баронъ Кампенгаузенъ, предпославъ разсказъ о борьбѣ Прусовъ въ XIII вѣка съ Нѣмецкимъ Орденомъ и о торжествѣ послѣдняго, говоритъ такъ [2]): «По сохранившемуся преданію, многіе князья и полководцы, какъ древней Пруссіи, а такъ и прилегавшихъ къ ней Литовскихъ земель, черезъ кото-

---

[1]) Рукопись 1722 г. А. Барсуковъ. «Родъ Шереметевыхъ», кн. I.

[2]) Какъ этотъ, такъ и послѣдующіе переводы взяты у Н. Н. Селифонтова.

рыхъ размножались потомки прежнихъ державцевъ покоренной страны, частью были лишены свободы и взяты подъ стражу, а частью бѣжали въ сосѣднія государства. Однимъ изъ такихъ бѣглецовъ князей или державцевъ былъ Гланда, сдѣлавшійся потомъ родоначальникомъ Дома Романовыхъ». Въ главѣ, посвященной Гландѣ, онъ пишетъ: «Кто былъ этотъ Гланда до прибытія его въ Россію? Когда онъ прибылъ въ нее? Что его къ этому побудило? Обнаруженное новѣйшими изслѣдованіями по симъ вопросамъ сходство показаній, которыя мы находимъ какъ во многихъ достовѣрнѣйшихъ лѣтописяхъ, такъ и въ разныхъ историческихъ и семейныхъ матеріалахъ и актахъ, дозволяетъ съ увѣренностью установить, что Гланда (или Гландаль) Камбила Дивоновичъ былъ не только пращуромъ или основателемъ прародительскаго Рода Романовыхъ, но что онъ былъ выходцемъ изъ Самогитіи и сосѣдней съ нею Зюдъ-ауеръ-ландіи (Südauer-Lande), былъ въ этихъ странахъ державцемъ и, по преданію, принадлежалъ къ княжескому роду, съ древнихъ временъ вокняжившемуся надъ Прусско-Литовскими племенами... Указанное выше происхожденіе Гланды было отмѣчено его потомками занесеніемъ въ родовой гербъ такихъ эмблемъ, какъ корона, скипетръ, держава и священный дубъ, бывшій предметомъ особеннаго поклоненія Прусовъ, Самогитовъ, Куроновъ и ихъ князей... Составитель Общаго Гербовника дворянскихъ родовъ... и наши новые писатели возводятъ Гланду въ владѣтели странъ Зюдъ-ауенъ (Süd-auen), Самогитіи и т. д. и при разногласіи въ вопросѣ о томъ, въ которомъ году Гланда прибылъ въ Россію, сходятся между собою въ показаніи, что прибытіе это имѣло мѣсто въ XIII вѣкѣ. И вотъ почему должны обратиться къ Самогитско-Литовской исторіи XII вѣка, которая къ тому времени была бы для обѣихъ странъ общая...» Затѣмъ, разсказавъ исторію столкновенія Литвы и Самогитіи съ Орденами Тевтонскимъ и Меченосцевъ въ Лифляндіи и отмѣтивъ, что среди державцевъ Самогитіи ему не встрѣтилось ни одного съ именемъ Гланды, бар. Кампенгаузенъ высказываетъ предположеніе, что Гланда Камбила могъ быть или главнымъ или удѣльнымъ княземъ въ Самогитіи (или Шамонтіи) или же «владѣть цѣлою Судавской землицей». Затѣмъ онъ переходитъ къ вопросу о времени прибытія Гланды въ Россію и къ мнѣніямъ по этому вопросу и дѣлаетъ выводъ, что прибытіе Гланды скорѣе всего надо отнести «къ послѣдней четверти XIII вѣка, которое и могло послѣдовать или въ великое княженіе Василія Ярославича (съ 1272—1276 гг.) или въ великое княженіе сына Александра Невскаго—Дмитрія Александровича, продолжавшееся съ 1276 по 1294 г.». Что же касается до причины выѣзда Гланды въ Россію, бар. Кампенгаузенъ предполагаетъ, «что Гланду побудили къ удаленію изъ его отечества тѣ разныя набѣги, которыя рыцари Нѣмецкаго Ордена учиняли въ промежутокъ времени между обоими вышеуказанными событіями 1272—1294 гг. [1]). Если же годъ крещенія Гланды 1287—можетъ быть оспоренъ, то всеконечно покореніе Самогитіи въ 1294 г. было наивѣроятнѣйшею причиною выселенія Гланды, тѣмъ болѣе, что исторія намъ говоритъ, что въ это время покинули свое отечество многіе Самогитскіе знатные люди и властители».

Изъ послѣднихъ по времени изслѣдователей, склоняющихся къ теоріямъ Колычева и бар. Кампенгаузена о Гландѣ Камбилѣ, здѣсь слѣдуетъ упомянуть еще объ А. Барсуковѣ [2]), какъ объ одномъ изъ наиболѣе осторожныхъ писателей. Въ своемъ не разъ цитированномъ трудѣ онъ, приведя вкратцѣ разсказъ Колычева, говоритъ такъ: «Вотъ единственный цѣльный разсказъ

---

[1]) Разбитіе Судавіи въ 1271 г. и завоеваніе рыцарями Шамонтіи въ 1294 г.

[2]) Также и о Знаменскомъ архимандритѣ Сергіи, издавшемъ въ 1866 г. «Историч. описаніе Знам. мон., что на старомъ Государевомъ дворѣ». Стр. 6, гл. 5.

о выѣздѣ въ Россію родоначальника Шереметевыхъ, называемаго у насъ Андреемъ Кобылою. Въ нашихъ лѣтописяхъ это имя упоминается только одинъ разъ: «Въ лѣто 6855 (1347). Женился князь великій Семенъ Ивановичъ въ 3-іе, поя за ся княжну Марію Александровну Тверскаго князя, а ѣзди по нее Андрея Кобыла...» За 57 лѣтъ до указаннаго событія имя Кобылы встрѣчается въ Памятникахъ Ворминской (Эрмляндской) исторіи. Тамъ мы находимъ дарственную запись Эрмляндскаго капитула, данную 23 іюля 1290 года нѣкоему Кабилѣ (Cabilo) на владѣніе помѣстьемъ Нолабенъ (Nolaben), съ тѣмъ, чтобы онъ, Кабило, и его наслѣдники, по обычаю страны, служили капитулу однимъ конемъ и однимъ вооруженнымъ ратникомъ. По объясненію издателей «Памятниковъ», данное Кабилѣ помѣстье Нолабенъ—нынѣ Колмская деревня того же названія, въ приходѣ Петерсвальдъ, близъ Мельзака (Mehlsak). Сведя вмѣстѣ Колычевскаго Гланду Камбилу, упоминаемаго въ Варминскихъ Памятникахъ Cabilo, и нашего лѣтописнаго Андрея Кобылу, казалось бы возможнымъ допустить, что во всѣхъ трехъ случаяхъ рѣчь идетъ объ одномъ и томъ же лицѣ».

Противники Гланды Камбилы и его происхожденія высказывались далеко не такъ обстоятельно, не углублялись въ сущность увѣреній Колычева и его послѣдователей, а въ большинствѣ случаевъ ограничивались голословнымъ отрицаніемъ и увѣреній этихъ и попытокъ доказать ихъ. Въ этомъ ихъ поддерживало также отрицательное отношеніе вообще къ вопросу о выѣздѣ изъ иноземныхъ странъ прародителя Романовыхъ нашихъ историковъ. Такъ, С. М. Соловьевъ совсѣмъ не упоминалъ объ этомъ; маститый Д. И. Иловайскій высказался коротко, лишь для того только, что признать всѣ показанія о выѣздѣ басней и высказаться въ пользу русскаго происхожденія Романовыхъ, не останавливаясь подробно на этомъ; В. О. Ключевскій, какъ выше было уже отмѣчено [1]), какъ будто допускалъ выѣздъ «изъ Прусъ» родоначальника Захарьиныхъ-Кошкиныхъ, но опредѣленнаго ничего не сказалъ ни за ни противъ; проф. Д. В. Цвѣтаевъ, наоборотъ, очень лаконически заявилъ въ цитированной уже брошюрѣ, что «за повѣствованіемъ объ иноземномъ «изъ Прусъ», «Литвы» и т. п. происхожденіи достовѣрно извѣстнаго родоначальника бояръ Романовыхъ Андрея Ивановича Кобылы отъ князя Гланды или Камбиліона изъ прусско-самогито-литовскихъ державцевъ и т. п. все настойчивѣе признается въ наукѣ миѳическій характеръ» [2]); также отрицательно къ общему вопросу о выѣздахъ «изъ Прусъ» относится и Л. М. Савеловъ въ своихъ «Лекціяхъ по русской генеалогіи», не касаясь совсѣмъ Гланды, и т. д. П. Н. Петровъ, увлеченный своей теоріей о Прусской улицѣ, конечно, не сталъ вдаваться въ подробности и отозвался о Гландѣ очень коротко. «Къ числу... нелѣпостей, говоритъ онъ, одна изъ наиболѣе позднѣйшихъ—происхожденіе Романовыхъ отъ какого-то потомка Видвута, князя Литовскаго, переселившагося «изъ Прусъ» въ XIII вѣкѣ и по принятіи православія названнаго Іоанномъ. Не стоитъ и доказывать несообразность такой басни, когда и Видвута не знали Родословцы даже въ XVI вѣкѣ, связывая происхожденіе литовскихъ князей съ потомствомъ русскихъ князей отъ Святаго Владиміра и именно отъ сына Ростислава Рогволодовича, князя Полоцкаго». И въ такомъ родѣ всѣ сужденія остальныхъ противниковъ иноземнаго происхожденія Романовыхъ. Совершенно нѣтъ нигдѣ сколько-нибудь обстоятельнаго и подробнаго разбора этого мнѣнія. Не появилось его и къ 300-лѣтію Царствованія Дома Романовыхъ. Поэтому приходится ограничиться выдержками изъ современныхъ намъ историковъ, высказавшихся какъ разъ въ двухъ новыхъ юбилейныхъ изда-

---

[1]) Стр. 54, прим. 1.
[2]) Op. cit. прим. на стр. 38.

ніяхъ, изъ коихъ одно носитъ даже офиціальный характеръ. Это не разъ уже упомянутый трудъ П. Г. Васенко «Бояре Романовы», а другое—«Три вѣка. Россія отъ смуты до нашего времени» [1]), въ которомъ статья о первой половинѣ XVII вѣка принадлежитъ А. Е. Пѣснякову.

П. Г. Васенко, изложивъ содержаніе разсказа бар. Кампенгаузена о Гландѣ, говоритъ: «Если отъ этихъ утвержденій (бар. Кампенгаузена) обратиться къ доказательствамъ ихъ... то увидимъ, что и Кампенгаузенъ очень мѣтко критикуетъ заблужденія своихъ предшественниковъ... баснословящихъ о корольхъ Прутено и Войдеводѣ и т. д., но свои утвержденія о Гландалѣ Камбилѣ и его сынѣ основываетъ на довѣріи къ изысканіямъ критикуемыхъ имъ лицъ... Вслѣдъ затѣмъ Кампенгаузенъ распространяется на тему о томъ, что преданію «нельзя не придавать вѣры, особенно въ области генеалогическихъ данныхъ», и исключительно на преданіи, не подтверждаемомъ, а скорѣе опровергаемомъ изысканіями автора, приходитъ къ вышеприведеннымъ утвержденіямъ. При этомъ ему не приходитъ въ голову провѣрить показанія «достовѣрнѣйшихъ лѣтописей» и подлинность разныхъ историческихъ и семейныхъ матеріаловъ и актовъ, а безъ такой повѣрки нельзя дѣлать и никакихъ прочно обоснованныхъ заключеній. Благодаря такимъ свойствамъ изысканій бар. Кампенгаузена, мы не можемъ опереться на ихъ результаты относительно происхожденія Андрея Кобылы». Затѣмъ уважаемый историкъ переходитъ къ разсказу Колычева о Прутено и Вейдевутѣ и по поводу его дѣлаетъ такія замѣчанія: «Этотъ разсказъ, да и вообще все изслѣдованіе Колычева, основанное на показаніи писателей позднихъ и склонныхъ къ смѣлымъ догадкамъ, изобилуетъ явнымъ баснословіемъ. Поэтому и свѣдѣнія о Камбиліонѣ, въ немъ сообщаемыя, не внушаютъ къ себѣ довѣрія. Правда, случаи искаженія иностранныхъ названій и руссификаціи ихъ общеизвѣстны... Но не менѣе извѣстны и обратные примѣры творчества книжниками разныхъ миѳическихъ лицъ... Мы еще встрѣтимся съ подобной книжной легендой, когда будемъ говорить о пресловутомъ Прусѣ, братѣ Римскаго Кесаря-Августа. Поэтому ограничимся здѣсь указаніемъ, что слово «Кобыла» можно съ неменьшимъ правомъ счесть прозвищемъ, на какія такъ падокъ и до сихъ поръ русскій народъ. Прозвища многихъ членовъ рода Андрея Кобылы и цѣлый рядъ русскихъ фамилій даютъ намъ яркіе примѣры этой склонности, встрѣчаемой и у другихъ національностей. На основаніи приведенныхъ соображеній позволительно усомниться въ существованіи Гланды Камбиліона, Дивонова сына. Можетъ, впрочемъ, показаться, что нами не принято во вниманіе слѣдующее обстоятельство: Колычевъ принадлежалъ къ потомству Андрея Кобылы и могъ руководиться семейными преданіями. Однако, обратившись къ показаніямъ другого представителя этого же рода и притомъ жившаго въ болѣе раннее время, мы не находимъ уже имени Гланды Камбиліона. Мы разумѣемъ здѣсь начало поколѣнной росписи Шереметевымъ, составленной бояриномъ Петромъ Васильевичемъ Большимъ Шереметевымъ и за собственноручной подписью, представленной имъ 23 мая 1686 года въ Разрядъ... Въ интересахъ Шереметева было сообщить о своихъ предкахъ какъ можно болѣе полныя свѣдѣнія, при чемъ скорѣе можно было бы ожидать упоминанія о какомъ-нибудь миѳическомъ родоначальникѣ, чѣмъ пропускъ имени дѣйствительнаго пращура. Отсюда ясно, что названный бояринъ не зналъ никакого Гланды Камбилы, Дивонова сына. Зато и Шереметевъ сообщаетъ о владѣтельномъ происхожденіи Кобылы и о выѣздѣ его изъ «Прусъ».

А. Е. Пѣсняковъ высказывается гораздо короче и посвящаетъ этому вопросу всего нѣсколько фразъ. Но такъ какъ другія юбилейныя и не менѣе

---

[1]) Историческій сборникъ. Подъ редакціей В. В. Каллаша. XVII в. 1-ая половина. М. 1912.

серьезныя изданія и этого даже не сдѣлали, то взглядъ А. Е. Пѣснякова опустить нельзя. На страницѣ 31—32 I тома «Трехъ вѣковъ» онъ говоритъ слѣдующее: «Предковъ этой (Романовыхъ) семьи знаемъ съ XIV вѣка въ ближайшемъ окруженіи великихъ князей Московскихъ. Но происхожденіе ея мудрено прослѣдить по нашимъ источникамъ. Извѣстное преданіе, что первый изъ этого рода, кого мы знаемъ по имени Андрей Кобыла, былъ выходцемъ на московскую службу «изъ Прусъ», владѣтелемъ, далеко отъ достовѣрности. Позднѣе, одинъ изъ потомковъ Андрея Кобылы Ст. Ал. Колычевъ, составляя въ 1722 году свою «Исторіографію вкратцѣ», истолковалъ его прозвище, какъ искаженіе имени мнимаго литовскаго князя Камбилы... Сомнительной цѣнности преданіе объ иноземномъ происхожденіи Андрея Кобылы не исключаетъ возможности предположенія, что передъ нами старинная семья княжескихъ бояръ-дружинниковъ».

Таковы существующія въ научной литературѣ важнѣйшіе и наиболѣе обстоятельные взгляды и мнѣнія противниковъ Гланды Камбилы. Дѣйствительно, прямыхъ указаній на Гланду нѣтъ ни въ нашихъ лѣтописяхъ, ни въ родословныхъ фамиліяхъ, производящихъ себя отъ Андрея Кобылы, ни у Колычева или бар. Кампенгаузена и ихъ послѣдователей. Но если бы таковые были, то нечего было бы и спорить и опровергать. Однако, на чемъ-нибудь да основывались и Колычевъ и бар. Кампенгаузенъ? Они упоминаютъ и объ историческихъ памятникахъ и о семейныхъ преданіяхъ, не указывая ихъ точно. Послѣднія, т.-е. семейныя преданія, отыскать или провѣрить, конечно, трудно, почти невозможно. Но историческіе памятники слѣдуетъ просмотрѣть и лишь тогда окончательно высказаться по вопросу. Къ этимъ памятникамъ теперь и будетъ приступлено.

Раньше уже было указано вкратцѣ на исторію Прусовъ и ихъ отношенія къ Нѣмцамъ и Литвѣ и на знакомство древней Руси съ Прусами. Но что извѣстно о бытѣ этого народа, въ особенности по отношенію къ управленію и власти, существовавшей у нихъ? На это находится достаточно указаній въ цитированномъ уже трудѣ проф. М. К. Любавскаго. Такъ, напримѣръ, древнѣйшая польская хроника Мартина Галла, доводящая свой разсказъ до 1113 года, говоритъ, что «земля ихъ (Прусовъ) представляетъ какъ бы острова, окруженные болотами и озерами; эти острова и подѣлены между жителями селеній на наслѣдственные участки». Въ это время, въ XII—XIII вв., говоритъ проф. Любавскій, вся территорія литовскихъ племенъ является подѣленною на постоянные округа, носящіе свои названія. Эти округа остались и впослѣдствіи мелкими областными единицами, получившими въ верхней Литвѣ и Жмуди русское названіе волостей. Каждый изъ этихъ округовъ является территоріею самостоятельнаго общественнаго союза. Эти мелкіе общественные союзы, повидимому, развились изъ родственныхъ союзовъ... Что родственная организація предшествовала политической у Литовцевъ, какъ и у другихъ народовъ, на это прямое указаніе даетъ Петръ Дусбургскій, относя его къ Прусамъ. «Если случается у нихъ убійство,—говоритъ онъ,—то не можетъ быть никакой сдѣлки, пока родственники убитаго не убьютъ убійцу или его родственниковъ». Но эта организація... съ теченіемъ времени превратилась... въ организацію чисто политическую. Родичи размножились, утратили чувство родственной близости, подѣлили землю, приняли въ свою среду чужеродцевъ и въ такомъ видѣ продолжали жить подъ одною властью, дѣйствовать сообща и солидарно въ отношеніи къ сосѣднимъ общинамъ. Въ концѣ XII и началѣ XIII вѣка мелкіе общественные союзы Литовцевъ были въ большинствѣ, несомнѣнно, уже чисто политическими соединеніями. Въ литовскихъ волостяхъ мы замѣчаемъ раздѣленіе земель... Источники говорятъ, кромѣ того, о лучшихъ людяхъ, о благородныхъ, о знатныхъ, называютъ даже князей и королей въ волостныхъ общественныхъ груп-

пахъ. Петръ Дусбургскій говоритъ, что Жмудь управлялась 70 царьками (septuaginta reguli); въ другомъ мѣстѣ онъ уже говоритъ о «nobiles per quos Sammetia tunc regebatur»,—о знатныхъ, которыми тогда управлялась Саметія (Самогитія). Риѳмованная лифляндская хроника говоритъ о «kunige von Samaiten». Наши лѣтописи XIII вѣка полны извѣстіями о многочисленныхъ князьяхъ литовскихъ. Новгородская лѣтопись сообщаетъ, напримѣръ, что Александръ Невскій въ битвѣ подъ Торопцомъ убилъ 88 князей, а преслѣдуя ихъ далѣе побилъ и остальныхъ. Волынская лѣтопись, описывая битвы Даніила Романовича съ Ятвягами, говоритъ одинъ разъ: «и много князей ятвяжскихъ было избито»; въ другой разъ прямо указываетъ число—40. Петръ Дусбургскій, разсказывая о завоеваніи Пруссіи Нѣмцами, постоянно упоминаетъ о туземныхъ вождяхъ... которые дѣйствуютъ самостоятельно, не подчиняясь одинъ другому. Но кто же такое были эти вожди, къ которымъ Нѣмцы не умѣли примѣнить никакого титула западной феодальной іерархіи и называли ихъ безразлично именами: «rex, regulus, dux, nobilis, magistratus, castellanus, capitaneus» и т. д.? Кто такое были тѣ, кого наши лѣтописи называютъ князьями, а литовскіе источники рикасами (rikai) и кунигасами (kunigai)? Очень можетъ быть, что нѣкоторые изъ нихъ были потомками родовыхъ старѣйшинъ, происходившими изъ старшихъ линій разросшагося рода «nobiles die Edelsten». Но чаще всего, по всѣмъ признакамъ, это были вожди, избираемые народомъ... Такихъ именно «praepotentes, pociores dominos» изображаетъ постоянно Петръ Дусбургскій въ лицѣ Прусскихъ вождей. Они являются, такъ сказать, естественными предводителями, около которыхъ и подъ власть которыхъ должно было собираться населеніе волости въ случаѣ нападенія извнѣ».

Въ XIII вѣкѣ Нѣмцы, въ лицѣ рыцарей Ордена Меченосцевъ и Прусскаго (Тевтонскаго) Ордена вступили въ упорную и ожесточенную борьбу съ прусскими племенами. Эти послѣднія, будучи не въ силахъ сопротивляться могучему натиску прекрасно организованныхъ и превосходно вооруженныхъ воиновъ, закованныхъ въ латы, предъ которыми безсильны были луки и стрѣлы Прусовъ, невольно были побѣждаемы, завоеваны и изгоняемы изъ родныхъ предѣловъ. Куда имъ было спасаться какъ не въ родныя племена—въ Литву. И вотъ «придоша Проуси ко Тройденеви изъ своей земли неволею передъ Нѣмцы». Это было въ 1276 году. Орденскіе источники «Chronicon terrae Prussiae» Петра фонъ-Дусбурга (Peter von Dusburg) и «Die Kronike von Pruzin lant» Николая фонъ-Іерошина (Nicolaus von Ierochin) подтверждаютъ эти показанія слѣдующими разсказами объ отчаянномъ сопротивленіи Ордену Прусовъ изъ земли или области Погезаніи [1]). «Eodem anno, tempore autumni, fratres iterum armata manu intraverunt praedictam terram Pogesanie et vastata iterum incendio et rapina, captis et occisis omnibus, praeter paucos, qui cum familia sua versus Lithowiam ad territorium castri Garthe secesserunt, ipsam in solitudine redegerunt, т.-е. «въ томъ же году, осенью, братья снова вторглись вооруженною рукою въ вышеупомянутую землю Погезанію и снова, опустошивъ ее пожаромъ и грабежами, взявши въ плѣнъ и убивъ всѣхъ, кромѣ немногихъ, которые съ семьями своими убѣжали въ Литву, въ область Городни, ее (Погезанію) обратили въ пустыню». Почти слово въ слово говоритъ объ этомъ походѣ 1276—1277 гг. рыцарей и риѳмованная хроника Іерошина [2]):

In des selbin jâris vart,
dô dî herbistzit gewart,
di brûdir abir in vreise
stiftin eine reise

---

[1]) Scriptores rerums Prussiae. I. 136.
[2]) Ibid. I. 494.

zu Pogesenin in daz lant
und daz mis creftigir hant
hernde durchtreibitin
und ôt da nicht leibitin,
non habe noch gebuide;
ouch al des landis luide,
jung und alt, wib unde man
sach man si vil gar irslan
unde van gemeine;
doch genas ir cleine,
di vluchtig intwichin
und kegn Littouwin strichin
in daz gebit zu Gartin
da si sich bewartin
mit irm gesinde vor der nôt.
Sus wart worwust di gegenôt».

Какъ видно изъ Орденской хроники, этотъ походъ рыцарей противъ Прусовъ былъ второй (iterum); первымъ она считаетъ разгромъ возстанія Прусовъ противъ Нѣмцевъ, начавшагося въ 1260 году и закончившагося пораженіемъ возставшихъ въ 1273 году. Предводителемъ этого возстанія былъ въ Погезаніи кунгасъ Autume (отъ литовскаго «auctumas, attumas»—старшина, начальникъ, вождь), а послѣ его смерти Линко. Въ 1273 году возстаніе это кончилось, и всѣ начальники или полководцы Прусовъ были побѣждены. Среди нихъ были; вождь Самландіи—Гланде, вождь Бортеве—Дивоне-Клекинисъ (Divonis Klekinis), вождь Натангіи—Генрихъ Монте, вождь Варміи—Глаппе. Но спустя три года Прусы возстали снова, имѣя во главѣ Погезанцевъ и Бортеве, въ 1273 году ушедшихъ въ Литву «неволею передъ Нѣмци» чтобы сохраниться отъ нѣмецкихъ стѣсненій—da sie sich bewartin mit irm gesinde von der nôt.

Послѣ перваго возстанія часть Прусовъ, Самбиты, Натаганцы и Вармы такъ или иначе подчинились Ордену и приняли христіанство; непримиримыми остались Погезанцы и Бортеве, какъ это только что было указано. Но въ 1284 году, по Орденскимъ источникамъ, все же два Бортина—Дирске (Дерско) и Нумэ (Нумо) измѣнили Литовцамъ и ушли въ Погезанію «et habitaut ibi sicut prius». Перемиріе продолжалось недолго, и уже черезъ два года, въ 1286 году, Прусы снова возстаютъ противъ Ордена подъ общимъ предводительствомъ Руенскаго (Рюгенскаго) князя Вацлава II. И это возстаніе окончилось неудачей Прусовъ. «Хроника земли Пруской» такъ разсказываетъ объ этомъ «уже четвертомъ мятежѣ (apostata quarta)»:... quod verebar, accidit... Barthenses, qui nuper gracie fratrum fuerant restituti et Pogesani et ceteri di Prussia, volentes secundum solite malicie sue consuetudine iterum fratribus rebellare, confederationem fecerunt cum quibusdam de Prussia, quorum detestabile factum, bene hic meruit, quod eorum nomina in publicam redigentur formam; sed propter status ipsorum reverenciam est obmissum. Convenerunt itaque sub hiis pactis, ut principem Ruyanorum cum valido exercitu invitarunt, ex ejectis fratribus de terra Prussia, ipsum regem et dominum suum constituerunt. Quod factum detestabile in edificacione Roganite detectum fuit et quilibet de Barthe et Pogesania hujus nefande conspiracionis reus recepit mercedem debitam pro labore», т.-е. «чего я опасался, случилось... Борты, которые недавно были возстановлены милостью братьевъ (т.-е. рыцарей), и Погезанцы и другіе Прусы, желая по своей обычной злостности (коварности) снова возстать противъ братьевъ, заключили союзъ съ нѣкоторыми Прусами, отвратительный поступокъ коихъ очень заслуживалъ того, чтобы имена ихъ были публично обнародованы; но изъ уваженія къ нимъ самимъ это отлагается. Соединились они подъ тѣмъ условіемъ, чтобы пригласить князя Руенскаго съ солиднымъ войскомъ

(составленнымъ) изъ прусскихъ бѣглецовъ и провозгласить его царемъ и господиномъ. Этотъ отвратительный фактъ былъ объявленъ въ Роганитѣ, и виновникъ этого несчастнаго соглашенія принялъ отъ Бортовъ и Погезанцевъ условленную награду за трудъ».

Этихъ выдержекъ вполнѣ достаточно, чтобы прійти къ слѣдующимъ яснымъ выводамъ, а именно:

1. Прусы дѣлились на отдѣльныя области, носившія разныя названія—Погезанія, Бортеве, Варме, Самландія, Руенъ и др.

2. Эти области управлялись особыми главами, которыхъ источники называютъ князьями (kunigas), рикасами (rikai), королями (rex), царьками (regulus), вождями (dux), старѣйшинами, знатными, благородными (nobiles) и т. п.

3. Гонимые Тевтонскимъ Орденомъ, они, въ эпоху 1260—1284 гг., боролись съ Нѣмцами за независимость, въ концѣ-концовъ потеряли ее, и часть ихъ, примирившись съ этимъ, осталась подъ властью Ордена, часть же переселилась въ родственную Литву.

4. Среди переселившихся были: Самляндцы съ своимъ вождемъ Гландой, Бортеве—съ Дивоне-Клекине, Натанцы—съ Генрихомъ Монте, Вармійцы съ Глаппе и Погезанцы съ Липко и др. Изъ нихъ только Бортеве и Погезанцы остались навсегда въ Литвѣ; остальные изъ упомянутыхъ здѣсь племенъ вернулись на родину и приняли христіанство отъ Ордена.

5. Всѣ эти Прусы, какъ и ихъ вожди, переселялись съ своими семействами.

6. Среди вождей Прусовъ оказались имена Гланде и Дивоне, вполнѣ соотвѣтствующія именамъ Гланды и отца его Дивона, на которыхъ указываетъ Колычевъ по семейнымъ преданіямъ.

7. Бортеве поселились въ Литвѣ, какъ объ этомъ говоритъ Ипатьевская лѣтопись и прусскія хроники.

8. Семейныя преданія о времени выѣзда Гланды въ Москву соотвѣтствуютъ исторіи борьбы Прусовъ за независимость.

Итакъ, указанія на выѣздъ «изъ Прусскія земли», «изъ Нѣмецъ» и на имя «Гланды, Дивонова сына» находятъ себѣ въ исторіи: первое—полное подтвержденіе, второе—подтвержденіе существованія «державцевъ, владѣтелей, нарочитыхъ и знатныхъ» людей въ Пруссіи и этихъ именъ—Гланды и Дивона.

Но Колычевъ, а за нимъ бар. Кампенгаузенъ и другіе соединяютъ эти имена въ главное имя и отчество одного лица и придаютъ этому предполагаемому прародителю Романовыхъ еще третье—Камбила или Камбиліонъ, котораго въ указанныхъ источникахъ не оказалось.

Прежде о соединеніи этихъ именъ. Разъ оба эти имени существовали у Прусовъ, разъ ихъ носили ихъ вожди, разъ эти послѣдніе переселились въ Литву съ своими семействами, то ничего нѣтъ невѣроятнаго и невозможнаго въ томъ, что сынъ или одинъ изъ сыновей вождя племени Бортеве—Дивона носилъ имя Гланды. Когда такъ подтверждается исторіей рядъ важнѣйшихъ фактовъ семейнаго преданія, то вполнѣ позволительно сдѣлать это совершенно логическое предположеніе о сынѣ Дивона—Гландѣ. Теперь это уже не можетъ казаться ни сказкой, ни баснословіемъ.

Относительно Камбилы-Камбиліона, сохранившагося тоже только въ преданіи, можно высказать лишь одно, опять-таки вполнѣ возможное и логическое, заключеніе, что это было прозвище, которыми такъ богато было то время и которыя, внѣ христіанства, создавали имена, а въ христіанствѣ—фамиліи. А что это практиковалось и у Прусовъ, то на это ясно указываетъ имя вождя Бортеве—Дивоне-Клекине—Klekinis, изъ котораго первое, т.-е. Дивонъ, было именно имя, а второе—прозвище. По-литовски слово Klokis значитъ «медвѣдь», имя же Дивона имѣетъ корнемъ Dievas—Богъ. Что значитъ Камбила—сказать трудно. Указаніе на Cabilo въ Вар-

минскихъ памятникахъ интересно только въ томъ отношеніи, что имя это звучитъ довольно близко къ «Камбила», относится къ концу XIII вѣка и къ мѣстности несомнѣнно бывшей въ близкомъ соприкосновеніи съ Литвой. Для отождествленія же личности владѣльца Нолабена съ Гландой Камбилой или Андреемъ Кобылой нѣтъ никакихъ данныхъ, какъ на то уже указалъ П. Г. Васенко въ примѣчаніи 19-мъ: «Такая возможность, по нашему мнѣнію, мало вѣроятна. Во всякомъ случаѣ, разстояніе отъ князя, хотя бы и мелкаго, до ничтожнаго вассала, выставлявшаго на службу всего одного всадника (рыцарское «копье» состояло изъ нѣсколькихъ человѣкъ), слишкомъ велико, чтобы можно было сводить вмѣстѣ эти три показанія». Соблазнительнымъ является сопоставленіе прозвища «Камбила», какъ прозвища, съ названіемъ одной изъ древнѣйшихъ шотландскихъ фамилій Campbell. Шотландцы—смѣсь древнихъ Головъ, народа кельтическаго происхожденія, одинаковаго со Скотами (древними ирландцами), Пиктами, Бриттами и Англами, а также съ сильной примѣсью Саксовъ. Кэмпбелли ведутъ свое начало съ континента и родъ свой причисляютъ къ англо-саксонскимъ, удалившимся съ континента подъ натискомъ Норманновъ. Жители низменной части Шотландіи очень часто и сильно напоминаютъ жителей Сѣверной Германіи и, быть можетъ, въ нихъ течетъ и кровь Прусовъ. Это не значитъ еще, конечно, что они именно этого происхожденія, но что древнѣйшія прозвища восточной половины Европы могли перейти и въ древнюю Британію и сохраниться тамъ, это болѣе чѣмъ возможно. Однако, значеніе слова Campbell неизвѣстно. Его сопоставляли съ римскимъ Campus belli, но по смыслу это сочетаніе трудно допустимо, хотя вообще римское вліяніе могло, конечно, отразиться и на прозвищахъ древнихъ народовъ восточной части Европы. Нельзя еще не отмѣтить при этомъ, что дѣленіе Шотландіи на кланы, управлявшіеся отдѣльными вождями, очень походитъ и на дѣленіе Прусовъ на отдѣльныя области съ такимъ же верховнымъ управленіемъ. Во всякомъ случаѣ, сказать сейчасъ что-нибудь о корнѣ, значеніи и происхожденіи прозвища «Камбила» очень трудно. Что же касается до предположенія Колычева, что прозвище Андрея Ивановича—Кобыла—есть искаженіе въ русскомъ уже языкѣ «Камбилы» и что, вмѣсто Камбилы или Камбиліона, написано просто Кобыла, «отъ древнихъ писцовъ съ убавленіемъ литеры», то оно вполнѣ возможно, и противъ такого предположенія почти не протестуютъ и противники его. Къ этому можно прибавить еще слѣдующія соображенія.

Старинныя русскія прозвища или, какъ ихъ нѣкоторые называютъ, имена давались русскимъ народомъ не какъ попало, а вполнѣ сознательно, тонко подмѣчая особо характерные факты и оттѣнки и жизни, и дѣятельности какого-либо лица и внѣшняго вида его, и внутреннихъ качествъ и достоинствъ, и обстоятельствъ его жизни. Всѣ они, въ общемъ, дѣлятся на мужскія и женскія и общія тѣмъ и другимъ съ соотвѣтствующимъ измѣненіемъ окончанія въ мужскомъ и женскомъ родѣ, въ случаѣ надобности. Какъ на примѣръ можно указать на слѣдующія этого типа прозвища—Малюта (муж. и женск.), Досада (тоже), Томило—Томила, Смиренко—Смиренка, Жданъ—Ждана, Некрасъ—Некраса, Нелюбъ—Нелюба и другія. Характернымъ по отношенію къ первымъ двумъ категоріямъ этихъ именъ-прозвищъ является то, что характеризующія мужской родъ прозвища не давались въ качествѣ женскихъ именъ, ни наоборотъ. Такимъ образомъ, нѣтъ и нельзя ожидать встрѣтить, напримѣръ, женщину съ прозвищемъ Жеребецъ, Горланъ, Иноходецъ, Лихачъ, Окунь, Пѣтухъ и т. п. или мужчину—Лебединая Шея [1]), Перепелка, Чернявка и др. И только въ особыхъ случаяхъ,

---

[1]) Просто «Шея» конечно встрѣчается и у мужчинъ.

можно встрѣтить прозвища у мужчины чисто женскаго характера, или когда оно даетъ общее представленіе о характерѣ человѣка, независимо отъ его пола, какъ, напримѣръ, «Кошка», или же исключительно, какъ бранное, грубое, насмѣшливое прозвище, сохранившееся все же въ документальныхъ данныхъ, какъ «уличное», «базарное», прозвище, единственная отмѣтка даннаго лица. Этого послѣдняго типа прозвища всѣ относятся къ «черному» народу, къ «холопамъ» и «кабальнымъ» людямъ, но никогда никакого грубо-насмѣшливаго прозвища не встрѣчается ни въ одномъ родословіи, ни въ Бархатной книгѣ, ни внѣ ея, кромѣ рѣдкихъ случаевъ въ писцовыхъ книгахъ. Прозвище «Кобыла», примѣненное къ мужчинѣ, какъ разъ является такимъ насмѣшливымъ, и потому, видя его у нѣкоторыхъ новгородскихъ людей XVI вѣка, нельзя найти ни одной женщины съ таковымъ прозвищемъ. И до сихъ поръ въ низшихъ классахъ не рѣдкость слышать это слово, но всегда, какъ презрительное. Какимъ же образомъ оно могло оказаться у мужчины, у боярина, у особо довѣреннаго и приближеннаго лица, посла великаго князя Московскаго Симеона, недаромъ прозваннаго Гордымъ? Какъ оно могло войти и потомъ, въ XVI и XVII вв. въ родословныя такихъ родовъ, какъ Романовы, Шереметевы, Колычевы и др., когда представители его уже давно писались съ «вичемъ», когда такъ щепетильно и болѣзненно самолюбиво относились представители родовъ къ разнымъ прозвищамъ и уже установили свои фамильныя прозванія?

Единственное объясненіе этому можно видѣть только въ томъ, что это прозвище «Кобыла» было не чисто русское имя-прозвище, а искаженіе какого-либо иностраннаго. А русскій человѣкъ и до сихъ поръ мастеръ искажать иностранныя имена и слова, иной разъ даже до неузнаваемости. Вѣдь превратились же Гамильтоны въ Хомутовыхъ, Стокгольмъ въ Стокольный, герцогъ Зюдерманландскій XVIII в. въ Сидора Ермолаевича и т. д. Поэтому болѣе, чѣмъ возможно, даже навѣрное, что прозвище Андрея Ивановича, боярина Московскаго Двора XIV в., произошло отъ какого-нибудь иноземнаго имени. А разъ семейныя преданія указываютъ на Камбилу, то за принятіе такого объясненія оказывается настолько достаточныхъ основаній, что можно принять и это преданіе, какъ заслуживающее полнаго уваженія.

Въ статьѣ своей «Розысканія Кледена о Славянахъ въ нынѣшней (Бранденборской) Бранденбургской области» въ «Сборникѣ» Валуева [1]) А. Хомяковъ говоритъ, что Маріенбургъ, основанный Тевтонскимъ Орденомъ въ 1274 году, назывался по-славянски Kabelitz, и приравниваетъ это слово къ «кобылицѣ». Если это такъ, и kabelitz значило дѣйствительно кобылица, то это, быть можетъ, тоже давало бы путь къ объясненію «Кобылы», но подтвержденія этому нѣтъ, и здѣсь это упоминается лишь для полноты указаній на созвучныя прусско-славянскія и русскія слова XIII вѣка.

Во всякомъ случаѣ, въ конечномъ результатѣ и Гланда, и Камбила, и Дивонъ—всѣ эти имена, эпоха, выѣздъ «изъ Прусскія земли, изъ Нѣмецъ», находятъ себѣ всѣ данныя для ихъ утвержденія и признанія.

Какое же имя получилъ при крещеніи Гланда, Іоаннъ или Михаилъ? За первое говорятъ семейныя преданія Колычевыхъ и родословныя многихъ родовъ съ Романовыми во главѣ, ведущихъ себя отъ Андрея Ивановича Кобылы; въ пользу второго какъ-будто высказываются и кн. Курбскій и нѣкоторые списки родословныхъ Шереметевыхъ. Это разногласіе въ христіанскомъ имени прародителя Романовыхъ также служило поводомъ къ опорочиванію указаній на его иноземный выѣздъ. Отвѣтить на этотъ вопросъ категорически, такъ, чтобы оспаривать его было невозможно,

---

[1]) Историческій и статистическій сборникъ, изд. Д. Валуевымъ. М. 1846, стр. 229.

конечно, нельзя, и никто не можетъ этого сдѣлать ни за ни противъ. Но опять-таки возможны соображенія, опирающіяся на историческіе факты. Такъ, въ исторіи Прусовъ извѣстно, что Тевтонскій Орденъ принималъ не только военныя, но и всевозможныя мѣры къ покоренію Прусовъ и, въ особенности, къ обращенію ихъ въ христіанство, не отступая при этомъ ни передъ какими жестокостями. Петръ Дусбургскій передаетъ, напримѣръ, что, чувствуя приближеніе возстанія, одинъ изъ сановниковъ Ордена пригласилъ къ себѣ на обѣдъ большое общество знатныхъ Прусовъ, казавшихся ему подозрительными, напоилъ ихъ и, затѣмъ, уйдя и заперевъ всѣ выходы, поджегъ замокъ, который и сгорѣлъ до тла вмѣстѣ съ довѣрчивыми гостями. Дѣтей знатныхъ Прусовъ рыцари хватали, крестили и отдавали въ монастыри на воспитаніе. Однако эти невольные плѣнники при первыхъ же признакахъ возстанія бѣжали на родину и боролись противъ рыцарей еще съ бо́льшимъ ожесточеніемъ и упорствомъ. Отсюда очень вѣроятна возможность, что и Гланда могъ въ молодости оказаться такимъ плѣнникомъ, могъ быть окрещенъ по католическому обряду, получивъ при этомъ имя Михаила, а, быть можетъ, и оба—Михаилъ-Іоаннъ, что такъ распространено въ католическомъ мірѣ, затѣмъ бѣжалъ оттуда, боролся противъ Ордена и удалился съ отцомъ въ Литву. Изъ Литвы же онъ, уже самостоятельный глава рода, перешелъ на Русь, гдѣ и крестился по православному обряду, получивъ имя Іоанна, или же просто сохранилъ его и при этомъ второмъ крещеніи. Такимъ образомъ, и это семейное преданіе Колычева не противорѣчитъ эпохѣ и сопровождавшимъ ее обстоятельствамъ и объясняетъ кажущееся несогласіе въ показаніяхъ кн. Курбскаго и нѣкоторыхъ родословныхъ Шереметевыхъ, съ одной стороны, и всѣхъ остальныхъ родословій потомковъ Андрея Ивановича Кобылы—съ другой. Какъ выше уже было отмѣчено, и осторожный и вдумчивый изслѣдователь Г. С. Ш. въ статьѣ о князѣ Аѳанасіи Даниловичѣ дѣлаетъ весьма ясные намеки на то, что «Иванка» вышелъ изъ «Прусъ». И этотъ выводъ и показанія большинства родословныхъ и древнѣйшихъ упоминаній объ Андреѣ Кобылѣ, по отчеству «Ивановичъ», приводятъ къ вполнѣ естественному заключенію, что въ Россіи Гланда получилъ, несомнѣнно, имя «Ивана», а не Михаила, и это имя и должно остаться за нимъ въ родословныхъ фамиліи Романовыхъ.

IV.

Переходя къ послѣдней части указаній Колычева, къ происхожденію уже рода самого Гланды Камбилы, приходится согласиться съ мнѣніемъ о баснословности его родословной. Уже баронъ Кампенгаузенъ доказалъ ясно несостоятельность ея на основаніи соображеній хронологіи, а также и историческихъ. Разобравъ обстоятельно эту часть разсказа Колычева, онъ въ заключеніе говоритъ: «....я долженъ замѣтить, что если Мальгинъ и другіе русскіе писатели указываютъ на нѣкоего Войдеводу въ началѣ четвертаго столѣтія и производятъ въ 9-мъ отъ него колѣнѣ Гланду, жившаго въ концѣ тринадцатаго вѣка и, конечно, подразумѣвая подъ колѣномъ генеалогическую степень, то они утверждаютъ вещь немыслимую, ибо въ такомъ случаѣ слѣдовало бы допустить, что каждый изъ девяти предковъ Гланды достигалъ 110 лѣтъ, когда замѣнялъ своего предшественника». Эти соображенія несомнѣнно вѣски и серьезны, и единственно, что можно было бы возразить, это то, что такое преданіе быть можетъ основано не только на семейныхъ разсказахъ, но и на народномъ эпосѣ, который очень свободно обращается съ хронологіей и, сохраняя имена, нерѣдко выбираетъ изъ нихъ только почему-либо болѣе произведшія на него впечатлѣнія, или принадле-

жавшія особо памятнымъ людямъ. Какъ-будто въ пользу такого соображенія приводитъ Н. Н. Селифонтовъ на стр. 189—190 своего изданія въ примѣчаніи указаніе на Литовскій эпосъ. Въ виду интереса этого указанія и сравнительной малоизвѣстности его, оно заслуживаетъ быть здѣсь приведеннымъ цѣликомъ. Все примѣчаніе Селифонтова заключается въ слѣдующемъ:

«Здѣсь совершенно кстати легендарныя свѣдѣнія, сообщаемыя Кампенгаузеномъ и найденныя имъ въ древнѣйшей исторіи Пруссіи, дополнитъ Литовскимъ эпосомъ, трактующимъ о томъ же Виндеводѣ или Видевустѣ, которыій мы нашли въ недавно изданной въ Парижѣ книгѣ подъ заглавіемъ «Niedrischu Widevuts», epopée Latavienne en 24 chants. Extrait de la Revue des traditions populaires. H. Wissendorf de Wissukuok. Paris. 1897.

«Изъ Латышской эпопеи «Niedrischu Wudewuts» (въ 24 пѣсняхъ), изданной въ 1891 г. (на Латышскомъ языкѣ) приватъ-доцентомъ Юрьевскаго университета Лаутенбахомъ, видно, что герой эпопеи Латышскій царь и жрецъ Ніедришу Видевутсъ происходилъ отъ дѣда Виссукука и богини Кильды (подъ образомъ Сіевалки). Отца Видевутса звали Радагансомъ-Стипрансомъ, а мать Гіединою, которая была одной изъ дочерей бога Перкуна (пѣсни 1 и 2).

«По удаленіи Гіедины, Радагансъ-Стипрансъ, съ сыномъ своимъ Ніедришемъ Видевутсомъ и тремя великанами Кускуравейсомъ, Кальнустуменсомъ и Гарбарждисомъ (побѣжденными Ніедришемъ), предпринялъ походъ въ южныя страны (пѣснь 4).

«На возвратномъ пути около острова Рюгена съ Ніедришемъ Видевутсомъ приключается кораблекрушеніе; онъ, однако, спасается и получаетъ пріютъ у царя острова Рюгена-Одина и у жены послѣдняго, царицы Смасдины (пѣснь 5).

«Видевутсъ, гостивъ у царя Одина, разсказывалъ ему о своемъ походѣ съ отцомъ на югъ, сообщилъ, что они доходили до Рима, пробиваясь черезъ много народностей разныхъ характеровъ и обликовъ, съ которыми имъ постоянно приходилось воевать. Въ походѣ этомъ умеръ отецъ Ніедриша Видевутса, которому онъ и наслѣдовалъ, а затѣмъ онъ предпринялъ обратный походъ съ своею дружиною въ свое отечество Сакосъ-Лея (долина рѣки Сакосъ). На обратномъ пути они на седьмое лѣто добрались до береговъ р. Вислы; тамъ они построили морское судно и отправились въ свое отечество и у острова Рюгена потерпѣли вышеуказанное кораблекрушеніе (пѣснь 6).

«Отъ острова Рюгена Видевутсъ продолжалъ свое плаваніе къ своей родинѣ, но тутъ начинается цѣлый рядъ приключеній и задержекъ. Такъ, судно его выбросило въ царство вѣдьмъ и колдуновъ, но отсюда онъ выбрался на проходившемъ мимо суднѣ Семигальскаго князя Мешуотниса, везшаго похищенную имъ свою невѣсту. Посѣтивъ отца Мешуотниса, старика Семигальскаго царя и отпраздновавъ у него свадьбу сына, Видевутсъ влюбился въ сестру Мешуотниса—Скаиститу (пѣсни 7 и 10).

«Исчезновеніе Скаиститы вызвало Видевутса на рядъ поисковъ въ подземномъ царствѣ, въ аду, сопровождавшихся многими приключеніями (пѣсни 11—17).

«Наконецъ, Видевутсъ получилъ руку Скаиститы и отвезъ ее на родину свою въ Сакосъ-Лею, въ замокъ Саулесъ-Нильсъ, въ янтарной странѣ (пѣсни 18—19).

«Видя раздоры и неустройство разныхъ Латышскихъ родовъ, Видевутсъ объединилъ ихъ въ одно государство и былъ избранъ первымъ Латышскимъ царемъ. Онъ устроилъ порядокъ, установилъ религіозныя обряды, привелъ въ извѣстность границы Латышскаго государства и дожилъ до 116 лѣтъ отъ рожденія. Двѣнадцать сыновей его были: старшій Литвансъ, затѣмъ Замсъ, Содавсъ, Надравсъ и Залансъ, Нарденгсъ, Баргисъ, Вармисъ, Галиктсъ, Агронсъ, Памажъ и Кулумсъ. Все свое царство Видевутсъ раздѣлилъ между

сыновьями еще при своей жизни, а самъ сдѣлался верховнымъ жрецомъ Криваиту-Кривсъ. Старшему—Литвансу онъ отдалъ землю между рр. Нѣманомъ и Байка (впослѣдствіи вел. кн. Литовское). Литвансъ основалъ замокъ Гарте (Гродно). Второй сынъ Замсъ получилъ Замландію (Samland) до рѣки Скары (впослѣдствіи Пергола). Замсъ построилъ замокъ Гальдъ-Гарби. Содавсъ получилъ землю Венедовъ (впослѣдствіи Судавію). Четвертый сынъ Надравсъ получилъ земли между рр. Вайкою и Русскою съ замкомъ Стаидена; въ предѣлахъ сихъ земель находилось Латышское священное мѣсто Ромова, или Рамава, резиденція верховнаго жреца Криваиту-Кривса (пѣснь 23).

«У Видевутса былъ братъ Прутено, котораго онъ выбралъ себѣ въ преемники по званію верховнаго жреца и сжегъ самъ себя на кострѣ предъ священнымъ дубомъ. Пепелъ его былъ зарытъ на горѣ въ Перкуонѣ подъ камнемъ-великаномъ, посвященнымъ богу Перкуну (пѣснь 24)».

Это поэтическое произведеніе народнаго эпоса на первый взглядъ является какъ бы первоисточникомъ основныхъ свѣдѣній Колычева. Здѣсь и Прутено и Видевутсъ, сдѣлавшійся верховнымъ жрецомъ Криве-Кривейто (Криваиту-Кривсъ), и устройство Пруссіи, ея законодательство, ея организація, и сыновья, давшіе всѣ названія прусскимъ областямъ, и Ромове, и священный дубъ, и Перкунъ. И на основаніи его можно было бы подумать, что въ памяти потомковъ Прусовъ сохранились хотя и смутные, но основанные на дѣйствительности факты и преданія, по обыкновенію всякаго народнаго эпоса перепутавшіе и имена и въ особенности хронологію. Но изслѣдованія проф. А. Ѳ. Мѣржинскаго въ его статьяхъ, посвященныхъ выясненію древней литовской миѳологіи и религіозному культу—«Янъ Ласицкій и его сочиненіе «De diis Samagitorum» [1]), «Прусскій жрецъ Sicco» [2]), «О Надровскомъ жрецѣ огня Криве» [3]) и «Ромове» [4]), вполнѣ доказали, что извѣстія о Прутено и Вейдевутѣ, равно какъ многія подробности жреческаго и религіознаго культа Прусовъ измышлены фальсификаторомъ XVI вѣка монахомъ Грунау. Въ 1526 году Грунау написалъ свою хронику «Preussische Chronik», въ которой, воспользовавшись данными Петра Дугсбургскаго о Прусахъ, онъ ввелъ цѣлый рядъ дополненій и подробностей, яко бы дѣйствительно принадлежавшихъ исторіи Прусовъ, но на самомъ дѣлѣ сочиненныхъ имъ путемъ передѣлки для Прусовъ извѣстій Адама Бременскаго и Вульфстона о Скандинавахъ и заимствованій у другого фальсификатора исторіи Erasmus Stella. Выяснивъ вполнѣ въ статьѣ «О Надровскомъ жрецѣ огня Криве», что это имя Криве было лишь собственное имя прусскаго жреца огня эпохи Дугсбурга, а вовсе не нарицательное имя верховныхъ прусскихъ жрецовъ, которыхъ тамъ никогда не было, проф. Мѣржинскій, въ статьѣ «Ромове», такъ говоритъ относительно Прутено и Вейдевута: «При описаніи Скандинавскихъ божествъ Адамъ Бременскій сообщаетъ, что къ сонму боговъ причисляли также людей, пользовавшихся при жизни большимъ почетомъ: «Colunt et deos ex hominibus factos, quos pro ingenibus factis immortalitate donant—почитаютъ и боговъ, созданныхъ изъ людей, которыхъ одаряютъ безсмертіемъ за высокоумныя дѣянія». Равнымъ образомъ поступаетъ Грунау. Онъ также послѣ описанія трехъ прусскихъ божествъ имѣетъ своихъ знаменитыхъ людей, поставленныхъ за ихъ заслуги на ряду съ богами. Такими являются божества Wurschoyto или Warschayto или Barsskayto и Szwaybrotto или Iszwambrotto. Король Witewuto получилъ послѣ смерти первое имя, а братъ его Bruteno другое: «den Koningk sie nanten Warskayto und den Kirwayto (Bruteno) Iszwambroti». Между тѣмъ доста-

---

[1]) Труды II Археол. Съѣзда въ Кіевѣ, въ 1874 г., т. II. Кіевъ. 1878.
[2]) Труды VIII Арх. Съѣзда въ Москвѣ 1890 г., т. III. М. 1895.
[3]) Труды IX Арх. Съѣзда въ Вильнѣ, 1893 г., т. I. М. 1895.
[4]) Труды X Арх. Съѣзда въ Ригѣ, 1896 г. т. I. М. 1899.

точно извѣстно, что такихъ божествъ никогда не существовало. Virzaitis (такъ слѣдуетъ правильно писать, вмѣсто Wurschayto, Barsskayto и т. п.) назывался жрецъ, всякій разъ избираемый участвующими въ жертвоприношеніи. Szwambroto же и т. п. названія это—два произвольно соединенныя прусскія слова: swais свой и brote или bratis—братъ; слѣдовательно swais brote, swais bratis есть буквальный переводъ нѣмецкаго sein bruder. Названіе Widewutus Грунау заимствовалъ у Erasmus Stella, имя же Bruteno самъ придумалъ».

Въ обширномъ пояснительномъ къ этому примѣчаніи проф. Мѣржинскій говоритъ по поводу этихъ именъ еще слѣдующее: «Brutenus, Brudeno, и т. п., какъ собственное имя личности, первый разъ читается у Грунау. Witewutus, Vitovudus не произошло отъ польскаго Wojewoda, какъ я раньше полагалъ, но отъ имени вел. князя Литовскаго Vitaûtas, которое у писателей XV вѣка подвергалось многимъ видоизмѣненіямъ, напр., Vitoldus, Vitoldt, Wytaudus, Wytaut, Witowt, Witavt и др.» Оставивъ другія видоизмѣненія этого имени, обратимся къ болѣе для него важному. Въ рукописи XV вѣка, найденной профессоромъ Ранке въ библіотекѣ Chigi въ Римѣ и заключающей въ себѣ компиляцію, составляющей краткій очеркъ нѣмецкаго Ордена, читаемъ: «Vitoldum sive Alexandrum Vitovudum, magnum ducem Lytwaniae, fratrem Vladislai Iagellonis in gubernatorem». Въ другой рукописи также XV вѣка, и также компиляціи, и такого же содержанія, что и упомянутая, находящейся въ Геттингенской библіотекѣ, одна часть имѣетъ заглавіемъ «A. d. 1410 15 mensis Julii fer. III ipso die divisionis apostolorum rex Poloniae, dictus Jagello cum fratre Vittowudo, alias Vitolds, iniit certamen cum magistro Prussiae nomine Conrado Jugingen».

«Слѣдовательно, Vitevudus имя вел. кн. литовскаго Vitoldus.

«Сравнивъ же объ хроники между собой оказывается, что онѣ въ сообщеніи фактовъ XV вѣка пользовались между прочими однимъ общимъ источникомъ, вѣроятно, хроникой, изъ которой объ заимствовали также имя вел. кн. въ формѣ Vitovudus. Слѣдовательно, въ это время читалась форма Vitovudus, по крайней мѣрѣ, въ трехъ хроникахъ и могла быть извѣстной спеціалистамъ. Такимъ спеціалистомъ былъ извѣстный фальсификаторъ исторіи Erasmus Stella, писавшій прусскую исторію съ древнѣйшихъ временъ до призванія нѣмецкаго Ордена въ Пруссію Конрадомъ Мазовецкимъ... Стелла прочиталъ имя Vitovudus въ одной изъ упомянутыхъ хроникъ или въ какомъ-нибудь иномъ документѣ, сократилъ его въ Vidvutus и личности, носившей это имя, приписываетъ всевозможныя установленія, само собой разумѣется, всѣ вымышленныя. Онъ первый знаетъ, что Vitovudus по происхожденію Аланинъ (Alanus; срав. выдуманныхъ Lit-Alani), который, избранный королемъ соединенными съ Алланами Боруссами, издалъ новые законы и ввелъ порядки въ общественную и религіозную жизнь народовъ. Этими данными воспользовался другой не меньшій фальсификаторъ Грунау, который, перенявъ отъ Эразма имя короля Vidvutus въ формѣ Widowutus и т. п., дѣлаетъ его также королемъ и законодателемъ, но только Прусовъ (Bruteni). Не довольствуясь этимъ и желая знать еще больше Эразма, онъ сочиняетъ дальнѣйшія дѣянія Видовута на основаніи фактовъ, сообщенныхъ Св. Писаніемъ о законодательствѣ Моисея, что уже, впрочемъ, и у Эразма замѣтно. Какъ Моисей собираетъ еврейскій народъ и даетъ ему наставленія, точно такъ же дѣйствуетъ и Видевутсъ среди своихъ Брутеновъ... Какъ въ Св. Писаніи Ааронъ былъ братомъ Моисея и въ то же время высшимъ духовнымъ лицомъ евреевъ, точно такъ же придумалъ Грунау для своего Видевуда брата, Брудено, дѣлаетъ его высшимъ жрецомъ Брутеновъ, назвавъ эту должность Kirwaito, наподобіе имени мнимаго высшаго жреца въ Надровіи Criwe, вычитаннаго у Дусбурга. Этимъ и объясняется, почему Грунау, знающій немного Прусскій языкъ, брата Видевута, Брудено, назвалъ по-прусски—Szwambrotto», его (т.-е. Видевута) братъ.

«Изъ всего вышеприведеннаго оказывается: 1) что Vidovutus, Vidvutus, и пр.—изуродованное имя вел. князя Vitautas, 2) что Брудено, братъ Видевута, выдуманъ Грунау и 3) что преданіе о Видевутѣ и Брудено образовалось въ другой половинѣ XV в. и началѣ XVI в. на основаніи ложныхъ данныхъ, вымышленныхъ относительно Видевута отчасти Эразмомъ Стелла, а отчасти Грунау; между тѣмъ какъ Брудено принадлежитъ цѣликомъ къ выдумкамъ Грунау».

Къ этому надо еще прибавить, что Грунау для вящшей убѣдительности постоянно ссылается въ своей хроникѣ на хронику «епископа Христіана», имъ же самимъ и вымышленную, какъ и упоминаемая у этого Христіана «Хроника Ярослава плоцкаго» и «Дневникъ Дивониса».

Хроника Грунау написана была въ 1526 году и въ концѣ XVI столѣтія стала уже достояніемъ тогдашнихъ историковъ Пруссіи, не могшихъ еще разобраться въ этой фальсификаціи. На нее уже ссылаются Каспаръ Генненбергъ въ 1584 и 1595 гг., Каспаръ Schütz въ 1599 г. и M. Вайссель въ томъ же году и др. Сопоставляя теперь данныя Латышскаго эпическаго сказанія и Колычевскаго изслѣдованія, приходится сказать, что и то и другое всецѣло основаны на хроникѣ Грунау и его послѣдователей. Если бы еще имя Вейдевута-Видевутса позволяло бы предположить, что названіе вел. кн. Литовскаго Vitoldus sive Alexander Vitovudus наоборотъ было само заимствовано изъ пѣсней и преданій и явилось гораздо раньше XV вѣка, то фактъ упоминанія и въ эпосѣ и у Колычева имени Прутено-Брутено, всецѣло придуманнаго Грунау, вполнѣ убѣждаетъ въ заимствованіи Колычевымъ и Латышской пѣсней всего сказанія о древнѣйшихъ временахъ Прусовъ у Грунау или его послѣдователей. Равнымъ образомъ подтверждается это и другими подробностями у Колычева, какъ, напримѣръ, о верховномъ жрецѣ Прусовъ, о названіи этихъ верховныхъ жрецовъ именемъ Криве-Кривейто, о Ромове, о священномъ дубѣ и т. п. Всѣ эти подробности не оправдываются изслѣдованіями и показаніями современниковъ и находятся только у Грунау. На самомъ же дѣлѣ, у древнихъ Прусовъ главнымъ предметомъ поклоненія—божествомъ считался Огонь, неугасимый, постоянно поддерживаемый жрецами. Этотъ священный огонь назывался Zinice—Жиниче. Это слово въ первоначальномъ своемъ значеніи указываетъ на «мѣсто узнанія о воли боговъ, прорицалище, мѣсто узнанія воли боговъ при посредствѣ огня». Отсюда это названіе было перенесено и на самый огонь. Немалую роль игралъ здѣсь и дымъ, ибо по его направленію и движенію жрецы опредѣляли волю боговъ. Огонь разводился на жертвенникѣ изъ камней, нерѣдко поставленномъ подъ особымъ навѣсомъ или въ особой хижинѣ, для сохраненія его отъ дождя, снѣга и т. п. и для лучшаго поддержанія его во время зимы. Жрецы огня назывались Zincys, а Криве было собственное имя послѣдняго Надровскаго жреца. Эти жрецы были постояннымъ; для совершенія же жертвоприношеній всякій разъ избирался особый жрецъ, называемый Virsaitis. За огнемъ слѣдовало почитаніе священныхъ деревьевъ, главнымъ образомъ дуба. Въ областяхъ, занимавшихся древними Прусами, дубы достигаютъ иногда громаднѣйшихъ размѣровъ и являются, дѣйствительно исполинами, густо покрытыми зеленой листвой. При выборѣ такого дуба старались найти такой экземпляръ, который, прежде всего, представлялъ бы изъ себя нѣкоторое спеціальное уклоненіе отъ правильнаго роста. Именно искали дубъ, который, идя сперва прямо, затѣмъ развѣтвляется на двѣ главныя вѣтви, которыя выше снова бы срастались, образуя такимъ образомъ овальное отверстіе. Это отверстіе играло важную роль въ признаніи дуба священнымъ: оно было нужно для протаскиванія въ него больныхъ, въ цѣляхъ исцѣленія. Поэтому, извѣстны случаи, что, не найдя такого дуба, обращались къ другимъ деревьямъ, какъ, напримѣръ, къ кленамъ и даже вишнямъ и, не найдя и тамъ искомаго, искусственно развѣтвляли или даже

соединяли въ нужной формѣ два близко стоящихъ дерева и сращивали ихъ, или же въ особо экстренныхъ случаяхъ расщипляли дерево, протаскивали больного черезъ эту щель и снова его сращивали. Таковъ былъ дѣйствительный культъ огня и священнаго дерева. Названіе же священнаго мѣста въ Надровіи—Ромове, какъ единственнаго для всѣхъ Прусовъ, опять-таки оказывается неправильнымъ. Это мѣсто въ переводѣ обозначаетъ «мѣсто спокойствія или успокоенія, умилостивленія боговъ», а отсюда «мѣсто богослуженія, священное мѣсто». Разница со словомъ Zinice заключается въ томъ, что это названіе относилось спеціально къ мѣстамъ для служенія огню, а Romove—вообще къ мѣстамъ для служенія богамъ [1]).

Въ итогѣ вторая часть указаній Колычева и его послѣдователей, какъ основанная на фальшивой хроникѣ Грунау, должна быть отвергнута.

Въ заключеніе еще нѣсколько словъ о предположеніи Мещеринова о выѣздѣ прародителя Романовыхъ «изъ Литвы» и о мнѣніи Г. Миллера о происхожденіи Гланды изъ рыцарей-крестоносцевъ.

Первое мнѣніе можно принять вполнѣ, если считать выѣздъ Гланды не изъ родной земли, а изъ новаго своего, хотя и временнаго отечества въ послѣднее. Конечно, онъ не прямо изъ Пруссіи пріѣхалъ въ Москву, а ужъ изъ Литвы, и въ этомъ смыслѣ это мнѣніе, въ сущности, говоритъ то же, что и указанія на выѣздъ изъ Прусъ и лучше всего подтверждаетъ послѣднее, указывая правильный путь въ Москву. Что же касается до мнѣнія Миллера, то на немъ приходится нѣсколько остановиться.

Извѣстный ученый и историкъ конца XVIII столѣтія Гергардъ-Фридрихъ Миллеръ въ своемъ жизнеописаніи фельдмаршала Шереметева такъ высказался о прародителѣ этой фамиліи: «Родословныя книги, намъ извѣстныя, сыздавна и постепенно составлявшіяся и выяснявшія происхожденіе извѣстныхъ русскихъ родовъ, указываютъ для Романовыхъ и Шереметевыхъ одного общаго родоначальника, признавая въ немъ то Варяга, то Пруса, то Нѣмца (въ старину этими названіями обозначалось одно и то же родовое племя). Выходъ въ Россію этого общаго родоначальника Родословныя книги пріурочиваютъ къ правленію великаго князя Іоанна Даниловича Калиты или ко времени сына его великаго князя Симеона Іоанновича Гордаго и, такимъ образомъ, мало расходятся въ хронологіи, такъ какъ первый вступилъ на престолъ въ 1341 г. [2]), а послѣдній умеръ въ 1353 г. Въ то время, говорятъ Родословныя книги, прибылъ въ Москву на службу великаго князя знатный мужъ Андрей Ивановичъ, по прозвищу Кобыла...

«Тогда же крестоносцы, въ заботахъ о распространеніи христіанства и своего благополучія, вели войны въ Лифляндіи, а Россія, угнетенная Татарами, привлекала къ себѣ храбрыхъ воиновъ, обѣщая значительное за это вознагражденіе; отсюда можно предположить, что предокъ Романовыхъ и Шереметевыхъ былъ не кто иной какъ рыцарь-крестоносецъ (Kreuzbruder), который изъ Германіи пришелъ въ землю Прусовъ, потомъ въ Россію, имѣя въ виду вновь сраженія съ невѣрными». Эта версія въ свое время нашла многихъ послѣдователей, впрочемъ, исключительно за границей.

Уже баронъ Кампенгаузенъ высказалъ сильныя сомнѣнія по поводу предположеній Миллера, указавъ на странность прихода рыцаря Тевтонскаго Ордена въ Россію кружнымъ путемъ, черезъ Лифляндію, на невѣроятность того, чтобы «Нѣмецкій рыцарь тогдашняго времени въ стремленіи своемъ

---

[1]) Древне-русскіе Славяне также почитали огонь и священный дубъ, изъ котораго дѣлали статуи своихъ боговъ—Перуна и др. Храмовъ также не имѣли, а дѣлали «капища», повидимому, такой же навѣсъ, какъ и у Литовцевъ и Прусовъ. «Огнище» звучитъ близко къ «зиниче»—мѣсту служенія огню.

[2]) Явный анахронизмъ: вел. кн. Иванъ Даниловичъ Калита скончался уже въ 1340 году.

распространить христіанскую вѣру и улучшить свой бытъ рѣшился бы промѣнять Пруссію и Лифляндію на Россію и подъ русскими знаменами бился съ невѣрными... На родинѣ онъ былъ господиномъ, въ Россіи—наемникомъ или служилымъ человѣкомъ; тамъ ему подражали, здѣсь онъ долженъ былъ примѣняться къ чуждымъ ему нравамъ, обычаямъ, языку и т. д. Наконецъ, онъ стремился къ распространенію католицизма, а никакъ не греческой церкви. Единственно еще почему онъ могъ бы прійти въ Россію, это если бы онъ былъ изгнанъ изъ Ордена или вслѣдствіе полнаго разрыва съ товарищами». Наконецъ, Миллеръ считаетъ, что именно Андрей Кобыла выѣхалъ «изъ Нѣмецъ», что бар. Кампенгаузенъ также отвергаетъ за отсутствіемъ для того данныхъ.

Къ этому можно еще прибавить, что около 1400 г., въ эпоху наибольшаго могущества Ордена, рыцарей насчитывалось лишь 1000 человѣкъ. Раньше же, въ XIII ст., ихъ было еще меньше. Извѣстно, напримѣръ, что въ 1240 году, рыцари изъ Кульма три раза посылали въ Реденъ просить одного рыцаря прійти къ нимъ на помощь. Затѣмъ они послали пословъ въ Германію, Чехію и Австрію все съ просьбой о помощи, и имъ насилу могли собрать 10 рыцарей. Этого, впрочемъ, оказалось достаточно для спасенія Кульма [1]). При такихъ обстоятельствахъ трудно вообще допустить уходъ рыцарей изъ своихъ Орденовъ въ чужеземную страну на службу. Кромѣ того, всѣ рыцари принадлежали къ благороднымъ или знатнымъ фамиліямъ, родились, выросли и дѣйствовали въ совершенно иной культурной обстановкѣ, имѣли всюду родственныя связи съ лучшими семьями, пользовались вездѣ большимъ почетомъ и уваженіемъ и глубоко были проникнуты и задачами, и дѣломъ, и уставомъ Ордена, и культурными привычками, и вѣяніями своего времени. Скорѣе еще можно было допустить переходъ такого рыцаря изъ Германіи въ родственную ей и по языку и по происхожденію Лифляндію, или, въ крайнемъ случаѣ, въ Литву, уже сильно приблизившуюся въ культурномъ и вѣроисповѣдномъ отношеніяхъ къ Европѣ, чѣмъ въ Россію. Россія, а въ особенности далекая Москва была для рыцарей страной не менѣе варварской, чѣмъ Прусы, да и греческая ея церковь казалась убѣжденнымъ послѣдователямъ римскаго исповѣданія не лучше язычества.

Чтобы совсѣмъ закончить вопросъ о Гландѣ Камбилѣ, сынѣ Дивона Клекиниса, остается рѣшить вопросъ о времени появленія его на Руси. Бар. Кампенгаузенъ считаетъ, что онъ переселился въ Россію или въ княженіе Василія Ярославовича, т.-е. между 1272—1276 годами или же при вел. кн. Дмитріи Александровичѣ въ 1276—1294 годахъ, но скорѣе склоняется, повидимому, къ послѣднему, ибо уже положительно утверждаетъ, что «Гланда съ сыномъ своимъ крестился въ послѣднее княженіе, т.-е. Дмитрія Александровича, въ 1287 году». Колычевъ отмѣчаетъ иныя даты. «Гландосъ Камбила, говоритъ онъ, въ 1289 году принялъ у себя на родинѣ крещеніе по католическому обряду, а «въ 1283 году упомянутый Гландосъ Камбила Дивоновъ сынъ, изъ дома Нодрона Ведевитовича поколѣніе свое линейно производящій, самъ пріиде къ Московскому великому князю Данилу Александровичу всея Россіи самодержцу, и тотъ его крестилъ въ законъ греческаго исповѣданія...» Конечно, отмѣтить или вывести какъ-нибудь точно годъ крещенія Гланды, какъ то дѣлаетъ баронъ Кампенгаузенъ, немыслимо. Можно только пытаться установить лишь приблизительную дату, т.-е. строго судя дату его прибытія въ Москву, и въ этомъ отношеніи Колычевъ осторожнѣе своего энергичнаго послѣдователя, хотя и указываетъ на 1283 годъ, какъ на первое крещеніе Гланды еще на родинѣ. Если теперь припомнить, что было раньше

---

[1]) Эрнестъ Лависсъ. «Очерки по исторіи Пруссіи». М. 1897.

сказано о появленіи вождя Бортеве съ своими подданнымъ въ Литвѣ, то получится такая картина. Бортеве, имѣя во главѣ своего князя Дивона Клекиниса ушли въ Литву въ 1273 году. Три года спустя, въ 1276 г., они изъ Литвы принимаютъ участіе въ возстаніи Прусовъ противъ рыцарей, но вынуждены снова уйти въ Литву. Въ 1278 г. они упоминаются Ипатьевской лѣтописью, какъ защитники, вмѣстѣ съ другими «Проусями», Городни отъ Татаръ и Русскихъ. Въ 1284 г. было четвертое возстаніе подъ предводительствомъ Рюгенскаго князя Вацлава II, и послѣ этого Прусы были окончательно завоеваны Орденомъ. Принимая теперь во вниманіе страстную и неустанную борьбу Прусовъ вообще и въ частности Бортеве за родину и окончательное пораженіе ихъ въ 1286 году, надо думать, что Гланда могъ появиться на Руси только въ эпоху великаго княженія Даніила Александровича и, во всякомъ случаѣ, послѣ этого 1286 года. Имѣлъ ли бар. Кампенгаузенъ какія-либо точныя основанія указывать на 1287 годъ, сказать нельзя, ибо онъ ихъ не указываетъ, но датированіе имъ времени крещенія Гланды болѣе соотвѣтствуетъ обстоятельствамъ, чѣмъ предложенное Колычевымъ. Съ другой же стороны, болѣе правъ Колычевъ, пріурочивая появленіе Гланды въ Россіи къ эпохѣ великаго князя Даніила Александровича.

Еще одно замѣчаніе. Почему бояринъ Петръ Большой Шереметевъ въ росписи своей 1686 г. не упоминаетъ имени отца Андрея Кобылы, а Колычевъ въ 1722 г. называетъ его? Да потому, что Шереметевъ представилъ лишь обычную «роспись», а Колычевъ написалъ «Исторіографію»; Шереметевъ жилъ въ концѣ XVII в., когда съ западной литературой, да еще такой спеціальной наши предки почти не были знакомы и не занимались историческими изысканіями, а Колычевъ работалъ въ концѣ первой четверти XVIII ст.—въ эпоху уже сильнаго увлеченія Западомъ, такъ рѣзко ворвавшимся на Русь въ «окно», пробитое въ Европу Петромъ I. Шереметевъ держался «памятей», да «разрядовъ», а Колычевъ—кромѣ того семейныхъ преданій и искалъ подтвержденій ихъ въ западныхъ историческихъ изслѣдованіяхъ. Наконецъ Шереметевы могли не сохранить семейнаго преданія или не придавать ему значенія, а Колычевы его сохранили и Степанъ Колычевъ не только придалъ ему значеніе, но и задумалъ исторически разработать, будучи человѣкомъ уже иного склада, воспитанія, образованія и взглядовъ, чѣмъ его почтенный родичъ 1686 года.

Подводя итоги всему вышесказанному и допуская не только полную возможность, но и полную вѣроятность результатовъ разбора мнѣній и предположеній о происхожденіи и именахъ предковъ Дома Романовыхъ можно будетъ представить исторію ихъ въ слѣдующемъ видѣ.

Первымъ болѣе или менѣе историческимъ ихъ предкомъ, ихъ прародителемъ является вождь или глава прусской, иначе говоря, одной изъ древнѣйшихъ славянскихъ народностей—Бортеве, по имени Дивонъ (Divone), носившій прозвище Медвѣдь (Klekinis) [1]. Въ послѣдней четверти XIII ст., точнѣе въ 1273 году, подъ натискомъ рыцарей Тевтонскаго Ордена, завоевывавшихъ его страну, онъ прибылъ со всѣмъ своимъ семействомъ въ Литву, къ Тройдену. Не сдаваясь ни на какія предложенія и соблазны Ордена, онъ отсюда продолжалъ энергично бороться за независимость и своей области и вообще Прусской земли и, быть можетъ, палъ въ послѣднемъ кровопролитномъ возстаніи Прусовъ 1286 года, рѣшившемъ окончательно судьбу прусскихъ областей въ пользу Ордена.

Его сынъ, по имени Гланда, также имѣвшій прозвище, но уже иное и доселѣ необъяснимое Камбила, надо думать родился еще въ Пруссіи, въ эпоху независимости Бортеве. По предположенію, былъ въ малолѣтствѣ

---

[1] Scriptores rerum Prussiae. v. I.

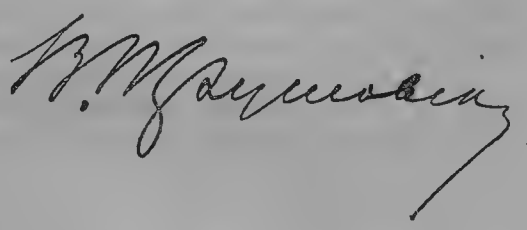
крещенъ рыцарями по римско-католическому обряду подъ именемъ Михаила и у нихъ же получилъ воспитаніе и образованіе. Живя въ Литвѣ съ отцомъ боролся вмѣстѣ съ нимъ за независимость, а послѣ его смерти и разгрома Пруссіи покинулъ Литву, направляясь въ Русь. Если онъ прошелъ прямо въ Москву, то здѣсь онъ появился, повидимому, еще при великомъ князѣ Даніилѣ Александровичѣ, но во всякомъ случаѣ послѣ 1286 года. Здѣсь получилъ второе крещеніе, уже по греко-православному обряду подъ именемъ Іоанна.

Если слѣдовать указаніямъ всѣхъ вообще родословныхъ фамилій родственныхъ Дому Романовыхъ по происхожденію отъ одного и того же корня, то у Гланды Камбилы было два сына—Андрей, прозвищемъ Кобыла, и Ѳедоръ, прозванный Шевляга. О послѣднемъ, кромѣ упоминаній въ нѣкоторыхъ родословныхъ, какъ, напримѣръ, Трусовыхъ, не сохранилось никакихъ другихъ извѣстій, ни прямыхъ ни косвенныхъ. Зато Андрей Ивановичъ Кобыла является лицомъ уже вполнѣ историческимъ.

Свое прозвище Андрей Ивановичъ, бояринъ при дворѣ великаго князя Московскаго Симеона Гордаго, получилъ отъ прозвища отца Камбила, передѣланнаго въ Россіи въ Кобылу, и во многихъ родословныхъ, наиболѣе древнихъ называется потому Кобылинъ. О немъ сохранилось хотя и одно единственное, но уже лѣтописное слѣдующее указаніе: «Въ лѣто 6855... князь великій Семенъ Ивановичъ, внукъ Даниловъ, женился втретьи; взялъ за себя княжну Марью, дщерь великаго князя Александра Михайловича Тверскаго, а ѣздилъ по неѣ, во Тверь Андрей Кобыла да Алексѣй Босоволковъ» [1]).

Кромѣ этого краткаго лѣтописнаго извѣстія есть еще только отмѣтки въ разныхъ родословіяхъ объ его иностранномъ выѣздѣ: «...выѣхалъ изъ Прусскія земли изъ Нѣмецъ (XVI ст.)»; «родъ Прусскаго княженія владѣтеля Андрея Ивановича, а прозваніе ему было Кобыла». «Пріѣхалъ изъ Пруссъ отъ своихъ предѣловъ владѣтель... (XVII ст.)» и т. п., уже не разъ упомянутыя выше. Такимъ образомъ, свѣдѣнія о немъ вообще должны считаться очень скудными, и изъ нихъ можно лишь вывести заключеніе, что въ 1347 г., когда онъ ѣздилъ за великокняжеской невѣстой въ сосѣднее великое же княженіе, не послали бы молодого боярина и незаслуженнаго, а потому можно думать, что въ 1347 г. ему было, во всякомъ случаѣ, отъ 50 до 60 лѣтъ. Если принять эти цифры, то годъ его рожденія надо было бы отнести къ эпохѣ 1287-го—1297-го годовъ. Во всякомъ случаѣ, этотъ десятилѣтній періодъ вполнѣ соотвѣтствуетъ предположенію о прибытіи его отца въ Россію не ранѣе 1286 года. Если онъ родился, когда отецъ его не принималъ еще православной вѣры, то можно предположить, что католическое имя его было Генрихъ. Одинъ изъ равноправныхъ его дѣду Дивону прусскихъ вождей—вождь Натангіи, былъ Монте, по имени Генрихъ. А это имя всегда въ Россіи при крещеніи замѣняется Андреемъ. А можетъ быть онъ родился уже въ Москвѣ и былъ названъ имъ во имя Св. Андрея Первозваннаго, или же въ честь великаго князя Владимірскаго, или всея Руси, Андрея Александровича, вступившаго на престолъ въ 1294 году и скончавшагося въ 1304 году. Въ послѣднемъ случаѣ пріобрѣтаетъ бо́льшую вѣроятность предположеніе о рожденіи Андрея Ивановича въ девяностыхъ годахъ XIII ст.

Съ Андрея Ивановича начинается уже періодъ вполнѣ историческій дальнѣйшихъ предковъ Рода Романовыхъ.



---

[1]) П. С. Р. Л. т. X. стр. 218.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ:

Стр. 32, строка 16 снизу напечатано Ѳеодора «Ивановича», слѣдуетъ «Андреевича».

Стр. 52, строка 26 сверху напечатано «единопленныхъ», слѣдуетъ «единоплеменныхъ»...

Стр. 59, строка 23 снизу напечатано «себѣ», слѣдуетъ «себя».

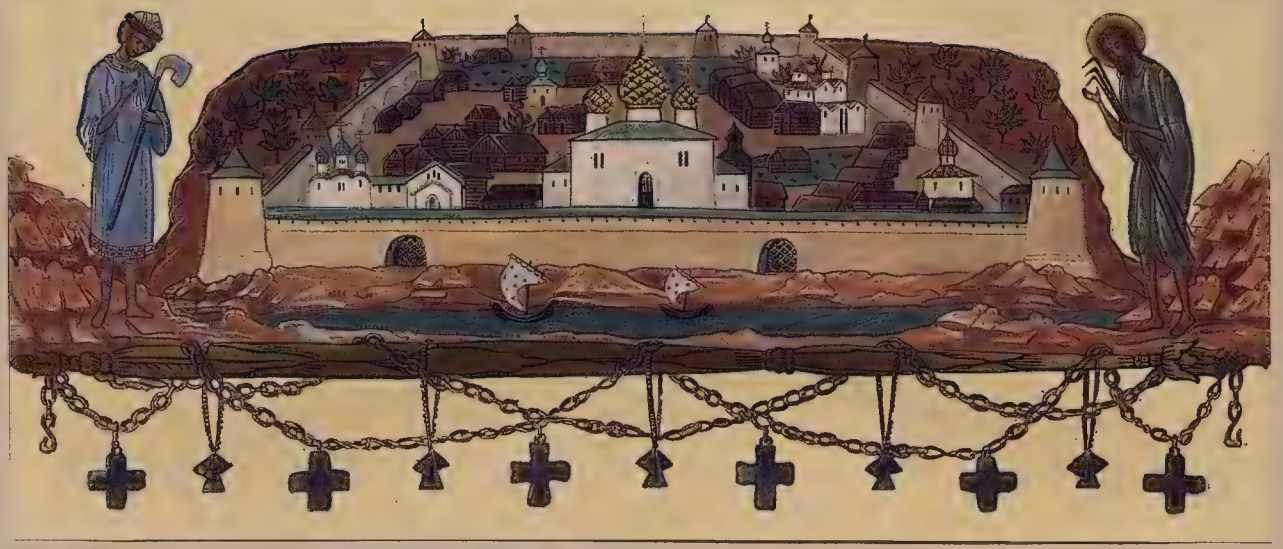
Стр. 66, строка 24 сверху напечатано «что», слѣдуетъ «чтобы».

Лѣто *ѕѿне / *атмз, того же лѣта князь великій Семенъ Ивановичъ внукъ Даниловъ женился в трети; взялъ за себя княжну Марью дщерь великаго князя Александра Михайловича Тверскаго, а ѣздилъ по нее во Тверь Андрей Кобыла, да Алексѣй Босоволоковъ"

[illegible]

СВАТЫЙ ПРОКОПІЙ ПРАВЕДНЫЙ
УСТЮЖСКІЙ ЧУДОТВОРЕЦЪ

ОПЫТЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯ ЖИТІЯ



ъ свое время профессоръ Русской Исторіи В. О. Ключевскій, работая на соисканіе ученой степени магистра, избралъ темою своей диссертаціи: «Древне-Русскія Житія Святыхъ какъ историческій источникъ».

Хотя въ предисловіи къ этому труду авторъ и сѣтуетъ на литературное однообразіе Житій и на недоступность пользованія тѣми изъ нихъ, которыя еще не изданы, а лежатъ въ рукописяхъ по монастырскимъ и инымъ библіотекамъ, тѣмъ не менѣе самое наличіе такого труда В. О. Ключевскаго обязываетъ насъ на ряду съ извѣстіями лѣтописей и иныхъ памятниковъ гражданской исторіи изучать также и Житія Святыхъ, современныхъ изслѣдуемой эпохѣ.

Основываясь на указанномъ профессоромъ Ключевскимъ значеніи Житій, какъ историческаго источника, и въ этомъ направленіи слѣдуя по вѣхамъ, проставленнымъ Г. С. Ш., авторомъ брошюры: «Князь Аѳанасій Даниловичъ, сынъ Князя Даніила Александровича Московскаго», редакція собирая настоящій выпускъ, посвященный отдаленнѣйшимъ временамъ исторіи Рода, сдѣлала попытку сопоставленія изслѣдованія о происхожденіи Предковъ Рода Романовыхъ съ изслѣдованіемъ о Житіи современнаго той эпохѣ Святаго Прокопія Устюжскаго.

Чѣмъ больше проходитъ вѣковъ, тѣмъ болѣе изглаживаются изъ памяти преданія старины, но зато съ теченіемъ времени наука въ области археологіи и архивовѣдѣнія дѣлаетъ такія завоеванія, которыя даютъ возможность послѣдующимъ поколѣніямъ освѣтить историческія событія,

извѣстія о которыхъ были совершенно недоступны поколѣніямъ предшествовавшимъ.

Окончательное рѣшеніе занимающей насъ задачи, по всѣмъ вѣроятіямъ, принадлежитъ не намъ, а грядущимъ изслѣдователямъ; мы же будемъ почитать себя счастливыми, если намъ удастся хотя бы намѣтить путь приближенія къ правильной разгадкѣ.

Кн. М. Платонъ.

Лѣтъ 15—18 тому назадъ, когда я работалъ надъ своей историко-агіографической монографіей: «Святые блаженные Василій и Іоаннъ, Христа ради юродивые, Московскіе чудотворцы» и, въ силу этого, попутно изучалъ Житія другихъ Святыхъ юродивыхъ русскихъ, мое вниманіе невольно тогда останавливалось на двухъ изъ нихъ: Св. Исидорѣ Твердисловѣ Ростовскомъ и Св. Прокопіи Устюжскомъ: оба—иноземцы-пришельцы съ иновѣрнаго Запада, оба—знатнаго происхожденія, очень богатые—приходятъ на Русь и принимаютъ на себя подвигъ, можно сказать, органически чуждый Западу—юродство Христа ради. Что-то необычайное, неожиданное, таинственное! Въ особенности Св. Прокопій: если не считать Св. Исаакія, затворника Печерскаго, юродствовавшаго въ монастырѣ, то первымъ Св. юродивымъ въ Россіи, юродивымъ въ строгомъ смыслѣ этого слова, подвизавшимся въ міру—надо признать именно Св. Прокопія. Такимъ образомъ, начало русскому, если можно такъ выразиться, народному подвигу кладетъ у насъ иноземецъ съ Запада, обладавшій великимъ богатствомъ и притомъ не купецъ, какимъ его считаетъ наша агіографія (въ Ч.-М. Св. Димитрія Ростовскаго, въ Прологѣ, Житіяхъ), а лицо, насколько можно заключить изъ нѣкоторыхъ особенностей при описаніи чудесъ Св. Прокопія, гораздо болѣе высокаго происхожденія! Но такъ какъ подробное изученіе біографіи бл. Прокопія не входило тогда въ прямыя задачи моего изслѣдованія, то я и оставилъ этотъ вопросъ въ то время въ сторонѣ, теперь же нахожу нужнымъ возвратиться къ нему и попытаться

выяснить, насколько возможно, кто былъ до принятія на себя юродства бл. Прокопій, этотъ «первый,—какъ называетъ его въ своей «Исторіи Русской Церкви» (пер. II, стр. 178) архіепископъ Филаретъ,—образецъ юродства о Христѣ въ Россіи».

Въ рукописномъ Житіи бл. Прокопія (№ 362, XVII в., Собр. Ундольскаго, Рум. Музея)[1] говорится: Сей оубо блаженный и присно помнимый прокопій: якоже о немъ исперва повѣдаютъ, нѣкоторіи ѿ члкъ жителіе великагѡ нова града быти ему ѿ западныхъ странъ ѿ латинска языка ѿ немецкія земли. Рожденіе же и воспитаніе егѡ бысть в велико богатствѣ. родитель же і оужикъ и вѣры никтоже вѣсть. (л. 12) но токмо единому бгу свѣдущу сія. и пришедшу ему в совершенный возрастъ. и по томъ времени наполни корабль ѿ имѣній своихъ во ѡтечествіи своемъ, и ѿиде ѿ дому и ѿ земли своея. И не по мнозѣ же времени бжіимъ произволеніемъ пріиде кораблемъ съ ѡнѣмъ, ѡбремененны многимъ богатствомъ ѕѣлѡ, въ великіи новградъ, с прочею дружиною съ латинники. и якоже ѡни имѣяху ѡбычай ту по вся лѣта приходити купецкимъ ѡбычаемъ, ту же и сей стыи прокопій. По прибытіи въ Новгородъ, Св. Прокопій... видя... (л. 12 об.) истинную православную вѣру хртіянскую.... и поклоняніе стымъ иконамъ, и звонъ велій, и слышитъ стое пѣніе и чтеніе, стыхъ кнгъ и множество монастырей ѡколо нова града сограждено. и мнишескимъ чиномъ велми оукрашено.... (л. 13) ѡтеческую вѣру возненавидѣ, въ ней же воспитанъ бысть ѿ родитель своихъ. посемже ѿиде ѿ дружины своея оутаився и сохранися ѿ нихъ таже начатъ ходити по граду и по мнтремъ, и нача искати себѣ оучителя мудра.... въ вѣре хртове и... пріиде

---

[1] По этому №—наиболѣе полному изъ списковъ Житія бл. Прокопія—издано Общ. Любителей Древней Письменности въ 1893 г. «Житіе Св. Прокопія Устюжскаго» (№ CIII), при чемъ списокъ № 362 сличенъ былъ съ рукописнымъ же Житіемъ блаженнаго XVIII в. № 39 Велико-Устюжскаго Прокопіевскаго собора. Для настоящей своей статьи я пользовался еще: рукописными Житіями бл. Прокопія: №№ 104 и 232—XVII в., Большак. Собр. Рум. Музея, № 133—Пискарев. Собр. того же Музея, №№ 320, 600—XVIII в. Собр. Ундольск., № 636—нач. XVI в. Моск. Син. Библіотеки, № 477—XVII в. той же Библіотеки, Милют. Ч.-Минеей М. Іюнь, той же Библіотеки, №№ CCCLXI—XVI в. и CCCXCVII—XVI в. Рум. Собр., № XXXII того же собр. (Лѣтописецъ Устюжскій, соч. въ 1765 г. священникомъ Успенскаго Устюжскаго собора Львомъ Вологдинымъ.

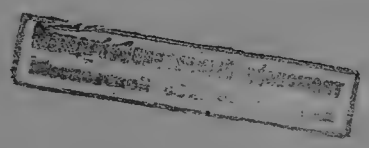
Изъ печатнаго матеріала въ моемъ пользованіи были: «Отъ Вологды до Устюга». Дорожныя записки П. Савваитова («Москвитянинъ» 1842 г. № 11); «Устюгъ Великій». Матеріалы для исторіи города XVII—XVIII вв. М. 1883 г.; «Велико-Устюжскій Прокопіевскій соборъ», протоіерея Арс. Попова («Волог. Епарх. Вѣдомости» 1874 г. №№ 19, 20). Описаніе Устюга («Сѣв. Архивъ» 1822 г. № 11); Св. Димитрія Ростовскаго. Книга Житія Святыхъ; «Исторія Русской Церкви» архіеп. Филарета, «Русскіе Святые» его же, «Историческій Словарь о Святыхъ, прославленныхъ въ Россійской Церкви», «Книга глаголемая: описаніе о Россійскихъ Святыхъ», гр. М. В. Толстаго М. 1888 г.; «Святая Русь» архіеп. Леонида, «Мѣсяцесловъ Востока» архіеп. Сергія; Карамзина: «Исторія Государства Россійскаго», «Исторія Канонизаціи Святыхъ Русской Церкви» Е. Е. Голубинскаго; «Исторія Русской Церкви» его же, «Древнерусскія Житія Святыхъ какъ источникъ исторіи» В. О. Ключевскаго; «Источники русской агіографіи», Барсукова, СПБ. 1882 г.; А. А. Титова: «Лѣтопись Великоустюжская» (Изд. А. К. Трапезникова) М. 1889 г. и «Лѣтопись Великоустюжская—по Брагинскому списку»; Н. Коноплева: «Святые Вологодскаго края» (Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс., 1895 г., кн. IV) и др.

во єди́нъ ѿ монастыре́и и҆менꙋ́емы" на хꙋ́тыню, тогда́ же въ не́мъ и҆гꙋ́менство и҆мѣ́ѧ прⷣпбный ѻ҆ц҃ъ нш҃ъ варлаа́мъ.... припадѐ (л. 13 об.). повѣ́да себѐ прише́лца ѿ сѣ́верныѧ страны̀ сꙋ́ща, ѿ ꙗ҆зы́ка лати́нска, і҆ ѻ҆ мно́гом свое́мъ бога́тствѣ і҆ ѡ҆ по́мыслѣ се́рдца своегѡ̀ ко хрїстїа́нской вѣ́рѣ..... Преподобный сначала отказывался его принять, но затѣмъ принялъ и сталъ наставлять въ вѣрѣ, Прокопій (л. 15 об.). взе́мъ и҆мѣ́нїе своѐ ѹ҆ дрꙋжи́ны своеѧ̀ и҆ ѿи́де ѿ ни́хъ и҆ нача̀ въ мн҃тырѣ̀ неѿстꙋ́пнѡ ѹ҆ прⷣпбнагѡ пребыва́ти.... и҆ до́мꙋ влекꙋ́щее лати́нское мꙋдрова́нїе ѡ҆ставлѧ́етъ и҆ воⷭ҇прїе́млетъ поще́нїе и҆ вели́кое ѻ҆ бз҃ѣ терпѣ́нїе, повелѣ́нїемъ преподо́бнагѡ.... ѹ҆чи́телѧ и҆ наказа́телѧ своегѡ̀. И҆ пото́мъ прїѧ́тъ свѧто́е креще́нїе, и҆ раздаѧ̀ всѐ и҆мѣ́нїе своѐ ни́щымъ и҆ неимꙋ́щым хрⷭ҇та̀ ра́ди и҆ в҃ мн҃ты́рь прⷣпбнаго варлаа́ма, на ѹ҆строе́нїе цр҃ко́вное бг҃олѣ́пнагѡ преѡбраже́нїѧ гдⷭ҇а нш҃егѡ і҆са хрⷭ҇та̀. (л. 16) а҆ са́мъ ѿто́лѣ прїе́млет ю҆ро́дственное хрⷭ҇та̀ ра́ди житїѐ. и҆ въ бꙋ́йство (юродство) преложи́сѧ" (362, л. л. 11 об.—16) И҆ пото́мъ нача́ша є҆го в новѣ́градѣ мно́зи чл҃цы ѻ҆ житїѝ є҆гѡ̀ и҆ ѻ҆ терпѣ́нїи блажи́ти, ꙗ҆́кѡ се́й человѣ́къ вели́къ є҆́сть пред̾ бг҃омъ. прїи́де бо ѻ҆нъ ѿ сѣ́верныѧ страны̀, ѿ неме́цкїѧ земли̇̀ корабле́мъ со мно́гимъ свои́м и҆мѣ́нїемъ. и҆ здѣ̀ ѹ҆́бѡ всѐ своѐ и҆мѣ́нїе оаздаѧ̀ ни́щым сиро́тамъ и҆ в мн҃ты́рь гдⷭ҇а ра́ди са́мъ же во ю҆ро́дство претвори́сѧ і҆ ѻ҆блече́сѧ въ раздра́нныѧ и҆ непотре́бныѧ ри́зы. Прокопій, уклоняясь отъ этой мірской хвалы, сталъ проситься у Варлаама изъ монастыря: ѿсю́дꙋ ѹ҆клони́тисѧ, и҆ и҆тѝ в пꙋ́тнее ше́ствїе к восто́чнымъ страна́мъ, и҆дѣ́же гдⷭ҇ь повели́тъ мѝ бы́ти. Преподобный отговаривалъ его (л. 17 об.): подоба́етъ тѝ и҆з̾ мн҃тырѧ̀ неисхо́днꙋ бы́ти в мі́ръ, до́ндеже молва̀ чл҃вча не преста́нетъ ѡ҆ тебѣ̀, но пребꙋ́ди здѣ̀ хотѧ̀ годи́щное вре́мѧ є҆ди́нъ въ затво́рѣ. Прокопій же все просилъ отпустить его, Варлаамъ согласился (тамъ же л.л. 17 об.—19). Выйдя изъ Новгорода, Прокопій пошелъ по направленію къ востоку, шелъ долго, подвергался многимъ оскорбленіямъ и лишеніямъ и наконецъ пришелъ въ Устюгъ, гдѣ поселился (л. 21 об.): и҆зво́ли жи́тельствовати ѹ҆ собо́рныѧ це́ркви ѹ҆спенїѧ..... в па́перти церко́внѣй. собо́рнаѧ же це́рковь тогда̀ древѧ́на бѣ̀ и҆ превысо́ка ѕѣлѡ̀, ночи проводя въ молитвѣ, днемъ юродствуя, спалъ на улицахъ «на гноищѣ» (навозѣ) или «на сметьищѣ» (кучахъ мусора). Много всякихъ издѣвательствъ, обидъ и даже побоевъ принялъ блаженный за свое юродство, но онъ

ИКОНА СВ. ПРОКОПІЯ УСТЮЖСКАГО.

ИЗЪ СОБРАНІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО РОССІЙСКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО МУЗЕЯ ВЪ МОСКВѢ.

ИМЕНИ СВ. ПРОКОПИЯ АСЛОЖСКАГО
ПЕТ. ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ВСЕРОССІЙСКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО
ОБЩЕСТВА ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ РОССІЙСКАГО ВОСТОКА



съ радостію все претерпѣвалъ. Много страдалъ и отъ лютыхъ зимнихъ морозовъ, безпріютный и едва прикрытый рубищемъ. Въ одинъ изъ такихъ морозовъ, когда отъ сильной стужи птицы падали мертвыми на землю, скотъ и люди гибли, блаженный попытался было уйти съ церковной паперти въ хижину нищихъ, чтобы тамъ хоть сколько-нибудь отогрѣть свое закоченѣвшее тѣло, но нищіе его прогнали, легъ было около собакъ, чтобы тутъ согрѣться, но и собаки ушли. Блаженный ушелъ на паперть—свое обычное мѣстопребываніе—и сталъ—готовиться къ смерти, молясь «да пріиметъ Богъ его душу». Вдругъ онъ почувствовалъ теплоту, разливающуюся по его тѣлу, и увидѣлъ предъ собою ангела, касающагося его лица какою-то необычайно красивою вѣтвью. Теплота оживила блаженнаго, онъ всталъ и пошелъ къ своему другу Симеону, который уже почиталъ блаженнаго погибшимъ въ такой морозъ, и по усиленной просьбѣ Симеона разсказалъ ему о своемъ чудесномъ спасеніи, прося его никому о томъ не говорить «донелѣ же онъ (блаженный) не изыдетъ отъ житія сего». Симеонъ (отецъ Св. Стефана Пермскаго), **почюди́сѧ ѕѣлѡ̀... и҆ скры̀ та̑йныѧ глаго́лы (блаже́ннагѡ) и҆ никомꙋ̀ же повѣ́да о҆ житїѝ ст҃аго проко́пїѧ і҆ о҆ вели́комъ є҆гѡ̀ терпѣ́нїи всѧ̑ написа̀ по рѧ́дꙋ, є҆́же ви́дѣ и҆ слы́ша ѿ свѧта́го по́лзы ра́ди дш҃е́вныѧ послѣ́днимъ родо́мъ на́шымъ.** Другомъ, также и собесѣдникомъ бл. Прокопія былъ бл. Кипріанъ, основатель Архангельскаго монастыря близъ г. Устюга [1]). Св. Прокопій любилъ Устюгъ и оказывалъ ему свое покровительство: такъ, онъ своими молитвами отвелъ нѣкогда отъ города страшную тучу, грозившую разрушеніемъ; объ ея нашествіи блаженный предсказывалъ раньше, но на его предсказаніе въ свое время не обратили вниманіе, а когда страшный часъ насталъ, когда надвинувшаяся огненная туча обложила городъ, когда отъ ударовъ грома затряслись дома, тогда вспомнили вѣщее слово блаженнаго, тогда устремились всѣ въ соборный храмъ къ чудотворной иконѣ Благовѣщенія и съ рыданіями и воплями молились о спасеніи, блаженный уже здѣсь былъ, пришелъ раньше и молился Богоматери о заступленіи града... и тучи разошлись и разразились верстахъ въ 25 отъ города въ веси Котовальской: падавшими изъ тучъ раскаленными камнями [2]) поломано было много лѣса, но изъ людей никто не пострадалъ, даже скотъ остался нетронутъ. Отъ Святыя же

---

[1]) Онъ основалъ этотъ монастырь въ 1212 году, подвизался тамъ болѣе 60 лѣтъ, преставился 26 сентября 1276 года (Архіеп. Сергій: «Мѣсяц. Востока» т. 2, ч. I, 261. Ист. Карамзина т. III, прим. 186; № XXXII. Рум. Собр. («Устюжскій Лѣтоп.») л. 6.

[2]) Савваитовъ въ своихъ «Запискахъ отъ Вологды до Устюга» (см. выше) говоритъ, что онъ былъ на этомъ мѣстѣ, видѣлъ выпавшіе камни: на берегахъ ручья каменнаго указываютъ множество камней съ неба (упавшихъ изъ тучи, отведенной отъ Устюга молитвами бл. Прокопія). По большей части форма продолговато-круглая, внутри сѣраго зернистаго вещества съ крапинами кроваваго цвѣта и черными блестящими мелкими пятнышками. Нѣкоторые изъ камней зеленаго цвѣта съ желтыми блестящими крапинками. Величина камней различная, есть очень большіе. Такъ, изъ одного камня, по разсказамъ показывавшаго Савваитову эту мѣстность, сдѣлано было 7 жернововъ на мельницы. Спутникъ Савваитова къ этому добавилъ, что всѣ содержатели мельницъ, гдѣ были эти жернова, разорились (стр. 331). Въ 1668 г. одинъ изъ камней былъ принесенъ въ Устюжскій Прокопіевскій соборъ и помѣщенъ у гробницы бл. Прокопія (См. вышеуказ. статью пр. Попова. «Волог. Епарх. Вѣд.» 1874 г. № 19, стр. 115).

иконы Благовѣщенія въ соборѣ истекло тогда много мvра. Сподобленный отъ Бога дара прозрѣнія будущаго, бл. Прокопій предсказалъ о рожденіи Св. Стефана Пермскаго: однажды, сидя у церкви, блаженный увидалъ, что одинъ изъ горожанъ («нѣкій Иванъ зовомый Сѣкиринъ»—Унд. № 320, л. 31 об.) идетъ въ церковь съ своею дочерью, трехлѣтней Маріей; блаженный, никогда не кланявшійся даже знатнымъ и богатымъ, всталъ и поклонился Маріи до земли и сказалъ, что отъ нея родится просвѣтитель языческаго края Зырянскаго, и дѣйствительно, Марія впослѣдствіи была матерью Св. Стефана, просвѣтившаго Христовой вѣрой этотъ край.

Блаженный очень любилъ приходить на берегъ р. Сухоны (на которой стоялъ Устюгъ) и здѣсь, сидя на камнѣ „зряше... превозящихся въ малыхъ ладійцахъ чрезъ Сухону реку и плавающихъ..... і о нихъ моляшеся Гдви дабы имъ сотворилъ Гдь тихое плаваніе“. Устюжанамъ онъ завѣщалъ, чтобы его погребли на этомъ самомъ мѣстѣ берега и камень, на которомъ обычно сиживалъ, положить на могилѣ. И поживе у цркви... успенія времена и лѣта доволна (№ 362, л. 53 об.) в зимѣ и в лѣте по граду во единой раздраной ветхой ризѣ одеждѣ хождаше, егда убо сія раздираашеся, иныя не требоваше, но къ той ризѣ рубы пришиваше и наготу прикрываше. и во единыхъ сапозѣхъ раздранныхъ ветхихъ и не в подошвенныхъ. (Тамъ же л. 199, Похвальное слово Кн. Симеона Шаховскаго бл. Прокопію и Іоанну). в лѣвой руцѣ три кочерги нošаше (№ 362, л. 53 [1]).—Въ л. 6811 (1303) Іуля 8 бл. Прокопій мирно отошелъ ко Господу. Предчувствуя свою кончину, онъ съ паперти Успенскаго собора ушелъ къ Архангельскому монастырю: здѣсь по край моста, идучи ѿ собора къ монастырю, воспріялъ блаженную кончину. Въ той день паде снѣгу на е пяди и покры землю, къ вечеру разстаявъ. Надъ тѣломъ блаженнагѡ наметѐ сувой снѣгу въ е саженя. Когда раскопали снѣгъ, нашли тѣло блаженнаго, лежащее на голой землѣ, подъяли его и благолѣпно похоронили близь брегу реки Сухоны, идѣже бяше онъ седѣлъ при животѣ

---

[1]) Въ «Похвальномъ словѣ» Шаховскаго: „С трема жезлы хождаше и тѣмъ Святую Троицу проѡбразоваше“ (тамъ же, л. 199). Въ «Иконописномъ Подлинникѣ» подъ 8 іюля о бл. Прокопіи отмѣчено: „Подобіемъ средовѣкъ (т.-е. среднихъ лѣтъ, во всякомъ случаѣ, не старецъ), власы на главѣ русы и черхавы, брада аки козмина (т.-е. какъ у Св. Козьмы безсребренника), риза на немъ дикобагрянаа, съ праваго плеча спущена, въ руцѣ три кочерги на ногахъ сапоги раздраные и персты видны, колѣна голы, обычай имѣяше ходити по граду во единой ветхой рубищной и раздраной одеждѣ, полунагъ суще, въ зимѣ мразъ и снѣгъ, въ лѣтѣ же зной и варъ солнечный претерпѣвая, рубищную же носимую одежду имѣвше со единаго рама спущену и плечы обнажены, готовы на раны, въ лѣвой же руцѣ своей ношаше три кочерги яже аще въ кое лѣто держаше главами простерты въ высоту тогда бываше изобильство хлѣба и всякихъ плодовъ земныхъ, егда же ношаше оныя главами долу ѡбращенныя, тогда скудость и неплодствіе земли проявляше“ (Сводный печатный Подлинникъ XVIII в. по списку Филимонова—По Палеховской редакціи нач. XVIII в.). 1874 г. 385.

своемъ на камени, а оу моста крестъ каменный на взрꙋбцѣ поставиша (тамъ же л. 59 Ср. № XXXII, Рум. Собр. л. 6). По преставленіи же и погребеніи блаженнагѡ не малѡ времѧ прейде и все егѡ житіе и дѣѧніе бес памѧти бѣ.—Такъ заканчивается собственно Житіе блаженнаго, далѣе идетъ уже описаніе чудесъ его: первая запись о чудѣ относится къ 6979 (1471) году, а передъ этимъ запись о поставленіи часовни надъ могилой блаженнаго (и образа его въ той часовнѣ) въ 6966 (1458) году.

Передавать содержаніе всѣхъ записей о чудесахъ статьею этою не имѣется въ виду; въ настоящемъ случаѣ имѣютъ важность только тѣ, прорывающіяся въ записяхъ, указанія, которыя могутъ послужить данными къ выясненію вопроса о происхожденіи блаженнаго и которыя будутъ приведены ниже. Оставивъ пока эти указанія, первоначально постараюсь свести воедино вышеприведенныя біографическія данныя о блаженномъ, заключающіяся въ его Житіи.

Составитель Житія точно не извѣстенъ, не извѣстно же въ точности и время написанія этого Житія. Въ «Послѣсловіи» составитель замѣчаетъ, что уже много лѣтъ прошло со времени преставленія блаженнаго и никто о немъ ничего не написалъ (л. 20) во едино оубо—продолжаетъ онъ—лѣто.... дерзнꙋхъ.... и написахъ о житіи....и ѡ чꙋдесѣхъ его (блаженнаго) в тайнѣ, а не хвалѧсѧ ни с кѣмъ, преписахъ сіѧ памѧти ради достойныѧ на пользꙋ слышащымъ члкомъ и предахъ с стымъ бжіимъ цркамъ, а иное имѣхъ оу себе и црковніи повѣстницы за многѡ лѣтъ свитцы писаны приготованы быша про такогѡ ста мꙋжа чꙋдеса преписати въ книзѣ сей, в нихъ же быша мнѡгіѧ главизны написаны, о чꙋдесѣхъ блженнаго бываемыѧ ѿ гроба егѡ. Овое в тетратехъ, а иное въ свитцѣхъ, а не по рѧдꙋ, преднее позади, а заднее напреди (№ 362 л.л. 206 об. 207).

Составитель не сумѣлъ обработать имѣвшійся у него матеріалъ, и въ результатѣ получилось Житіе, по замѣчанію Ключевскаго («Древнерусскія житія Святыхъ какъ источникъ исторіи». М. 1871 г., стр. 277), «плохо написанное, составленное изъ отдѣльныхъ эпизодическихъ разсказовъ, имѣющихъ очень мало литературной связи и раздѣленныхъ хронологическими противорѣчіями». Ключевскій считаетъ возможнымъ допустить, что Житіе бл. Прокопія составлено было тѣмъ же лицомъ, которое составило Житіе другого бл. юродиваго Устюжскаго Іоанна, преставившагося 29 мая 1494 года, т.-е. спустя 191 годъ послѣ преставленія бл. Прокопія. «Въ Житіе бл. Прокопія, говоритъ онъ, внесена повѣсть о построеніи церкви во имя Св. Прокопія въ Борисоглѣбской Соль-Вычегодской обители въ 1584 г. и о чудесахъ отъ его образа, тамъ находившагося». Упомянувъ объ этихъ

чудесахъ, авторъ Житія бл. Іоанна замѣчаетъ о бл. Прокопіи: **егѡ́ же чꙋдеса̀ и҆ проще́нїе въ писа́нїи є҆гѡ̀ сказа̀, а҆ ѡ҆ се́мъ же свѧто́мъ ива́нѣ начне́мъ па́ки писа́ти.** «Повидимому, эта неясная замѣтка даетъ основанія считать оба Житія произведеніями одного автора: по крайней мѣрѣ оба отличаются одинаковыми пріемами и одинаковымъ неумѣніемъ писать. Біографъ (бл. Іоанна) говоритъ, что писалъ Житіе, живя въ Борисоглѣбскомъ Соль-Вычегодскомъ монастырѣ у отца своего иг. Діонисія, по распоряженію котораго была построена вышеупомянутая Прокопіевская церковь и который до вступленія въ иночество былъ священникомъ въ Устюжскомъ соборѣ, лично зналъ бл. Іоанна и присутствовалъ при его погребеніи. Этотъ Діонисій сообщилъ сыну свѣдѣнія о блаженномъ (Іоаннѣ) и благословилъ его написать его Житіе въ 1554 году». (Тамъ же, стр. 278). Если Житіе бл. Іоанна написано было въ 1554 году сыномъ иг. Діонисія, онъ же писалъ и Житіе бл. Прокопія, то и написаніе послѣдняго Житія надо полагать около того же времени, конечно раньше, но врядъ ли много раньше: по крайней мѣрѣ въ правленіе великаго князя Василія Іоанновича († 1533 г.) Житія бл. Прокопія, какъ будто, не имѣлось: въ одной изъ записи чудесъ бл. Прокопія говорится, что блаженный, явившись въ сонномъ видѣніи окольничему великаго князя Василія Ивановича—болярину Владиміру, исцѣлилъ его отъ болѣзни. Бояринъ послалъ въ Устюгъ гонца съ порученіемъ привезти ему оттуда образъ блаженнаго. Соборяне Устюжскіе **вда́ша гонцꙋ̀ и҆ напи́санныи ѻ҆́бразъ подѡ́бїѧ блаже́ннаго проко́пїѧ стихѣ́ры и канѡ́нъ** (№ 362, л. 65. Ср. № 39, № 320 л. 38). Если бы тогда имѣлось и Житіе блаженнаго, то соборяне, конечно, не преминули бы послать и Житіе, но они его не послали. Очень можетъ быть, что Житіе было написано до собора 1547 г., канонизовавшаго бл. Прокопія, вмѣстѣ съ другими новыми русскими чудотворцами и установившаго: **пѣ́ти и҆ пра́здновати є҆мꙋ̀** (а также и бл. Іоанну Устюжскому, тогда же канонизованному) **на Оу҆стю́гѣ.** Обычно, предъ канонизаціей того или другого Святаго, свидѣтельствовалось по надлежащему ли «образу и подобію» составлены Житіе и Служба этого Святаго, и если ихъ еще не имѣлось, они нарочито къ тому времени составлялись. Но за сколько времени до собора 1547 г. составлено Житіе бл. Прокопія опредѣленнаго указанія не имѣется, да въ данномъ случаѣ это и не имѣетъ особаго значенія: во всякомъ случаѣ можно считать установленнымъ, что Житіе это составлено много спустя послѣ преставленія блаженнаго, приблизительно въ концѣ XV в.—первой половинѣ XVI в. [1]).

---

[1]) Со второй половины XV в. начинается запись чудесъ бл. Прокопія. Житіе съ такою «записью» уже имѣется въ спискѣ № 636 Синод. библіотеки, а такъ какъ списокъ этотъ можетъ быть отнесенъ къ началу XVI в., то и составленіе Житія въ томъ, по крайней мѣрѣ, видѣ—безъ позднѣйшихъ чудесъ, въ какомъ оно помѣщено въ № 636, вполнѣ возможно отнести тоже къ началу XVI в. или даже къ концу XV в.

Составлено оно «на пользу слышащимъ человѣкомъ... и предано Святымъ Божіимъ церквамъ», такъ говоритъ составитель его. Эти слова—отраженіе тѣхъ взглядовъ на «Житія», ихъ цѣль и назначеніе, тѣхъ требованій къ составителямъ Житій, которыя тогда существовали у насъ на Руси и предъявлялись и съ которыми составители должны были считаться, которымъ должны были удовлетворить.

Цѣль составленія Житія какому-нибудь Святому у насъ издревле почиталась та же, что и написанія ему «Службы»: «восхваленіе», «ублаженіе» его святой памяти «по достоянію». Поэтому весьма рано у насъ Житія стали входить въ составъ богослуженія: вмѣстѣ съ введеніемъ въ церковное богослуженіе Службы извѣстному Святому начиналось и чтеніе за службой «Житія» того Святаго по 6 пѣсни канона вслѣдъ за кондакомъ и икосомъ. Распространеніе этого кондака и этого икоса является, такъ сказать, литературной программой Житія. Этотъ первоначальный типъ господствовалъ въ сѣверной русской агіографической литературѣ до конца XIV в. Не исчезъ онъ и послѣ, только въ XV вѣкѣ подъ сильнымъ вліяніемъ агіографическихъ трудовъ извѣстнѣйшихъ писателей Житій того времени—Епифанія и Пахомія—литературная форма Житій получила дальнѣйшее развитіе (Ключевскій, стр. 362). Размѣръ Житій сталъ увеличиваться отнюдь не большей полнотой историческаго и біографическаго матеріала, а исключительно почти за счетъ общихъ мѣстъ: разсказъ о трудахъ и подвигахъ Святаго стали сопровождать подходящими текстами изъ Священнаго Писанія съ назидательными выводами и размышленіями, появились обширныя витіеватыя предисловія и заключенія—большія Похвальныя Слова Святому и т. п. Однимъ словомъ, Житіе стало представлять изъ себя собственно обширную проповѣдь, которую по частямъ читали за богослуженіемъ въ день памяти Святаго (число такихъ чтеній доходило до шести). Въ XVI вѣкѣ такое направленіе агіографіи развилось еще больше: усилилось пользованіе готовымъ уже агіографическимъ матеріаломъ, свободно бравшимся то въ передѣлкѣ, то и совсѣмъ безъ передѣлки изъ ранѣе составленныхъ другимъ Святымъ Житій, свободное обращеніе съ хронологическими датами, крайне широкое употребленіе общихъ мѣстъ и т. п. Скудость содержанія въ такихъ Житіяхъ, недостатокъ въ нихъ біографическихъ свѣдѣній о Святыхъ, явная, до несообразности иногда, ихъ подражательность и заимствованность не смущали ни составителей Житія ни читателей. Назначеніе Житій оставалось все то же: церковное, для чтенія за богослуженіемъ: они должны были удовлетворять не исторической любознательности — имѣть свѣдѣнія о жизни такого или иного Святаго, а цѣлямъ нравственнаго назиданія и поученія. Поэтому Житія XVI в. въ большинствѣ даже и не пытаются описывать жизнь Святыхъ во всѣхъ ея подробностяхъ, а берутъ изъ нея только то, что нужно для церковнаго чтенія, только тѣ черты, которыя характеризуютъ ея святость, сводя ихъ въ одинъ общій образъ, заранѣе предносившійся въ умѣ составителя этихъ Житій, образъ подвижника,

Христова, «отъ міра и отъ всего яже въ мірѣ» отрекшагося. При такомъ взглядѣ и зачѣмъ было сообщать сколько-нибудь точно и подробно о раннѣйшей жизни «въ мірѣ» Святаго, о средѣ, изъ которой онъ вышелъ, когда въ мысляхъ какъ составителя Житія, такъ и слушателей и читателей уже существовало твердое убѣжденіе, что эта жизнь, эта среда — только помѣха для спасенія, которую посему Святый и отринулъ, вступивъ на путь своего подвига. Вполнѣ достаточнымъ признавалось изобразить эту жизнь, эту среду самыми общими чертами. Повѣсть о Святомъ, читаемая въ церкви, и должна была передавать только святое изъ его жизни, дабы поучить «святому» слушателей, должна была изображать только торжественныя минуты въ жизни Святаго, обходя будничные промежутки или вскользь бросая на нихъ блѣдный свѣтъ. Поэтому, напр., составитель Житія пр. Корнилія Комельскаго, едва разговорившись о простыхъ житейскихъ подробностяхъ, спѣшитъ оговориться, замѣчая: «сказанія бо (т.-е. изустнаго разсказа) дѣло сіе, а не Житія повѣсть». **Свѧты́хъ житїѧ̀**, говоритъ составитель Житія пр. Варлаама Важскаго — высказывая, конечно, общій взглядъ, — **стра́хъ бж҃їй вселѧ́ютъ въ дꙋ́шꙋ, безстра́шїе ѿгонѧ́ютъ, ѕлы́хъ преста́нїе, благи́хъ прїѧ́тїе вво́дѧтъ; тѣ́хъ бо житїѧ̀ зрѧ́ще, въ чꙋ́вство свои́хъ дѣ́лъ прихо́дѧтъ, преста́нїе ѕлы́хъ помышлѧ́ютъ; свѣ́тъ бо є҆́сть свѧты́хъ житїѧ̀ и҆ просвѣще́нїе дꙋша́мъ на́шымъ.** (Ключевскій, стр. 431).

Тѣ же самыя цѣли преслѣдовалъ, такими же задачами руководился и составитель Житія бл. Прокопія. Какъ онъ самъ говоритъ, онъ составилъ Житіе для церковнаго употребленія: «предать Святымъ Божіимъ церквамъ», съ цѣлью поученія, душеспасительнаго назиданія слушателей, «на пользу слышащимъ человѣкомъ». Онъ писалъ «Житіе Святаго» Прокопія, а не жизнь его всю описывалъ: біографія Прокопія не его дѣло. Точно также и кн. Симеонъ Шаховской, составляя свое Похвальное Слово Св. Прокопію (и Св. Іоанну) нисколько не смущается, что не имѣетъ никакихъ свѣдѣній о происхожденіи блаженнаго: **„не вѣ́мы ѿ ко́еѧ страны̀ и҆лѝ кі́ихъ роди́телей произы́де блаже́нный“** говоритъ онъ и сейчасъ же поясняетъ, что это ему, какъ составителю Слова, совершенно и ненужно знать (л. 198): **„не бо ѻ҆те́чество блаже́ннагѡ взыскꙋ́емъ, но трꙋды̀ и҆ по́двиги є҆гѡ̀ воспи́сꙋемъ“** (№ 362 л. 198).

Остановиться нѣсколько подробно на выясненіи общаго характера русской агіографіи того времени я считалъ необходимымъ, чтобы яснѣе представить: въ какомъ размѣрѣ и какого рода біографическихъ свѣдѣній о Св. Прокопіи можно ожидать отъ его Житія. Теперь очевидно, что надѣяться встрѣтить въ этомъ Житіи болѣе или менѣе подробный и связный очеркъ біографіи Прокопія «мірскаго», жизни его до

подвига—невозможно: мы должны ждать только самыхъ общихъ свѣдѣній или такихъ эпизодическихъ фактовъ изъ его жизни, которые могутъ послужить для назиданія, изъ которыхъ составитель можетъ сдѣлать въ Житіи нравоучительные и душеполезные выводы для слушателей. И только. Хронологической точности тоже нечего ждать: составитель Житія о ней не заботился и она для него не была и нужна.

Теперь обратимся къ Житію, къ заключающимся въ немъ біографическимъ даннымъ о бл. Прокопіи.

Прежде всего, когда блаженный пришелъ въ Новгородъ? Въ Житіи этого не указывается или, вѣрнѣе сказать, указывается такое время, къ которому приходъ Прокопія отнести нельзя: именно въ Житіи говорится, что, когда блаженный пришелъ въ Хутынскій монастырь, «тогда въ немъ игуменство имѣяше преподобный отецъ нашъ Варлаамъ», къ которому Прокопій обратился за наставленіемъ въ православной вѣрѣ и у котораго онъ затѣмъ и поселился. Преподобный Святый Варлаамъ Хутынскій скончался или въ 1193 г. («Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Россійской Церкви». П. Строевъ СПБ. 1877 г. ст. 49) или послѣ 1207 года, вскорѣ. («Исторія Русской Церкви» Е. Е. Голубинскаго. I томъ, вторая половина. М. 1904 г., стр. 596). Прокопій преставился въ 1303 г. Если онъ прибылъ въ Новгородъ, по сказанію Житія, «егда въ совершенный возрастъ пріиде», т.-е. лѣтъ 20—25, если затѣмъ онъ былъ въ Хутынскомъ монастырѣ, основанномъ пр. Варлаамомъ въ 1192 году, и если онъ пользовался наставленіями этого преподобнаго, то надо допустить, что блаженному ко дню его кончины (въ 1303 г.) было по крайней мѣрѣ 125 лѣтъ, но чтобы бл. Прокопій преставился въ столь престарѣлыхъ лѣтахъ, указаній никакихъ не имѣется. Житіе говоритъ только, что блаженный «поживе въ Устюгѣ лѣта довольна», и только. Если бы онъ дожилъ до 125 лѣтъ, это врѣзалось бы въ памяти Устюжанъ и перешло бы въ Житіе, да и въ Подлинники (иконописные образцы), а тамъ при описаніи наружности блаженнаго замѣчено: «средовѣкъ», т.-е. среднихъ лѣтъ, даже не старецъ. Значитъ, при преподобномъ Варлаамѣ Прокопій не могъ прибыть въ Новгородъ. Извѣстенъ еще другой Варлаамъ въ Хутынскомъ монастырѣ, бывшій тамъ немного позднѣе преп. Варлаама. Въ 1-ой Новгородской лѣтописи подъ 1243 г. упоминается, что въ Хутынскомъ монастырѣ скончался Варлаамъ, не основатель этого монастыря, преподобный, а сынъ его постриженника — монаха Парфурія (Порфирія), а мірски Прокши Малышевича—Вячеславъ Прокшиничъ въ мірѣ. (Голубинскій, стр. 596, примѣч. 4). Если припомнить, что бл. Прокопій въ Устюгѣ былъ и собесѣдникомъ бл. Кипріана, Кипріанъ же преставился въ 1276 году («Св. Русь», архим. Леонида, стр. 87, 349; Карамзинъ, т. III прим. 186; «Мѣсяцесловъ Востока» архіеп. Сергія, т. II, ч. I, 261), то предположеніе, что бл. Прокопій принималъ ученіе въ вѣрѣ православной у этого Варлаама—Прокшинича—хронологически возможнѣе, чѣмъ предположеніе о преподобномъ Варлаамѣ,

какъ учителѣ блаженнаго[1]). Сообщеніе же Житія, что блаженнаго Прокопія наставлялъ въ вѣрѣ преподобный Варлаамъ, можно объяснить такъ: преданіе Новгородское сохранило имя этого наставника Прокопіева, но съ теченіемъ времени Варлаама Прокшинича, ничѣмъ особеннымъ въ исторіи Церкви себя не ознаменовавшаго, смѣшали съ преп. Варлаамомъ[2]), основателемъ монастыря, и бл. Прокопія признали за ученика этого послѣдняго. (Смѣшали такъ, что позднѣе стали на иконахъ писать блаженнаго вмѣстѣ съ преподобнымъ Варлаамомъ и въ записяхъ чудесъ блаженнаго послѣдній дѣйствуетъ, чудотворитъ вмѣстѣ съ нимъ). Основываясь на этомъ, смѣшавшемъ личности двухъ Варлаамовъ, преданіи и составитель Житія могъ назвать преподобнаго Варлаама учителемъ Прокопія. Но и Варлаамъ Прокшиничъ, какъ учитель бл. Прокопія, не особо удобопріемлемъ, ибо и тогда надо считать блаженнаго преставившимся въ глубокой старости, по крайней мѣрѣ, лѣтъ 80—85: лѣтъ 20—25 пришелъ онъ къ Варлааму, да послѣ того прожилъ еще въ Устюгѣ не менѣе 60 лѣтъ (Варлаамъ скончался въ 1243 г., блаженный въ 1303 г., ровно черезъ 60 лѣтъ), если даже допустить, что Варлаамъ наставлялъ въ православіи Прокопія, незадолго—и очень незадолго до своей кончины. А если ученіе въ вѣрѣ принято было отъ Варлаама задолго до смерти послѣдняго (что вполнѣ возможно), то возрастъ блаженнаго опять нужно исчислять чуть не въ 100 лѣтъ.

Всего вѣрнѣе признать, что бл. Прокопій наставленіе въ православіи принялъ не у пр. Варлаама (лично), не у Варлаама Прокшинича (лично), а прибылъ въ Новгородъ послѣ ихъ смерти, наставленъ же былъ въ православіи вообще въ Хутынскомъ Варлаамовомъ монастырѣ: «у пр. Варлаама», какъ и теперь говорится: «былъ у пр. Варлаама», «былъ у пр. Сергія», «ходилъ къ Зосимѣ и Савватію», у «прр. Антонія и Ѳеодосія», т.-е. разумѣются обители, этими Святыми основанныя. Преданіе сохранило свѣдѣнія, что бл. Прокопій получилъ наставленіе въ вѣрѣ православной въ Хутынскомъ монастырѣ, «у пр. Варлаама»; впослѣдствіи такое общее указаніе передѣлали на личное и наставникомъ блаженнаго въ вѣрѣ стали считать именно самого пр. Варлаама, это мнѣніе постепенно и утвердилось въ народномъ сознаніи. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній прибытіе Св. Прокопія въ Новгородъ нужно отнести ко второй половинѣ, пожалуй, даже вѣрнѣе—къ концу третьей четверти XIII вѣка (но до 1276 г., года преставленія бл. Кипріана). Тогда въ Устюгъ бл. Прокопій могъ прійти въ 1270—1275 гг., лѣтъ 25—30, прожить здѣсь лѣтъ 28—30 (именно «лѣта довольна») и преставиться въ 1303 году—лѣтъ 60—65, «средовѣкомъ».

---

[1]) Что и дѣлаетъ архіеп. Филаретъ въ своей «Исторіи Русской Церкви».

[2]) Смѣшала даже Лѣтопись Новгородская: отмѣтивъ уже раньше подъ 1193 г. преставленіе Святаго преподобнаго Варлаама Хутынскаго, Лѣтопись—далѣе, подъ 1243 г.—о смерти Варлаама Прокшинича говоритъ: «преставися преподобный Варлаамъ чудотворецъ Новгородской, иже бѣ на Хутыни» (Полн. Собр. Лѣтоп. т. III, 129).

Откуда, изъ какой страны прибылъ въ Новгородъ бл. Прокопій? «Житіе» ограничивается обычно довольно общимъ отвѣтомъ „ѿ западныхъ странъ, ѿ латинска языка, ѿ немецкія земли“[1]. Такъ сказано въ самомъ началѣ Житія (№ 362 л. II об.). Немного ниже (л. 13 об.) нѣсколько иначе бл. Прокопій, придя къ пр. Варлааму, называетъ себя «пришельцомъ отъ сѣверныя страны, от языка латинска»; еще ниже (л. 16 об.) Новгородцы называютъ Прокопія пришедшимъ «от сѣверныя страны от немецкія земли». Сѣверомъ по отношенію къ Новгороду была сѣверная часть Скандинавіи и теперешнія Финляндія и Лапландія, западомъ—южная часть Скандинавіи, Данія и прибрежныя къ Балтійскому морю земли Поморья—теперешней сѣверной Германіи. Выраженіе: «от языка латинска», какъ бы указываетъ на католическое (латинское) вѣроисповѣданіе этой страны—«языка». Къ половинѣ XIII вѣка католичество уже утвердилось и на Балтійскомъ поморьѣ, и въ Скандинавіи съ Даніей, и въ Финляндіи и проникло и въ Лапландію. Думается, что противорѣчія во всѣхъ трехъ показаніяхъ Житія о «странѣ», изъ которой пришелъ въ Новгородъ бл. Прокопій, нѣтъ. Новгородъ къ этому времени уже вошелъ въ составъ Ганзейскихъ городовъ, велъ обширныя торговыя сношенія съ Западомъ и зналъ нѣмецкіе города Ганзы. «Немецкой землей» онъ считалъ именно страны Поморья сѣверной Германіи и названіе въ Житіи родины бл. Прокопія «немецкой землей» указываетъ мѣстоположеніе ея именно тамъ, по юго-восточному побережью Балтійскаго моря. Выраженіе же: «отъ сѣверныя страны, отъ латинска языка», «от сѣверныя страны» «от немецкія земли»—если не обмолвка составителя, въ географіи не сильнаго и для Житія строгую опредѣленность географическихъ данныхъ обязательною вообще не считавшаго нужнымъ, то только болѣе точное указаніе родины бл. Прокопія: въ началѣ Житія дано, такъ сказать, общее указаніе объ иноземномъ происхожденіи блаженнаго: «отъ Западныхъ странъ» (замѣтимъ: не «западныя страны»), а потомъ, болѣе подробное свѣдѣніе: «отъ Сѣверныя страны» (опять замѣтимъ: не «сѣверныхъ странъ») «отъ немецкія земли», т.-е. изъ страны въ сѣверной части этой нѣмецкой земли, другими словами съ Балтійскаго побережья, «изъ Прусъ», какъ точнѣе именуется иногда въ нашихъ лѣтописяхъ эта страна, занимаемая въ настоящее время Сѣверо-Восточной Пруссіей.

Бл. Прокопій, по Житію, прибылъ въ Новгородъ исповѣдающимъ латинскую вѣру (католичество): здѣсь у пр. Варлаама онъ ѡставлѧетъ долѵ влекѵщее латинское мѵдрованіе и пріемлетъ святое крещеніе принимаетъ православіе (№ 362 л. 15); за то, что Богъ извелъ его ѿ языка

---

[1] И бл. Исидоръ Твердисловъ, юродивый Ростовскій, преставившійся 14 мая 1474 г. тоже «бяже отъ латинска языка, земли же немецкія». Прологъ добавляетъ, что «от славна и богата рода бѣ, яко же глаголютъ местерскаго», т.-е. изъ рода магистра, начальника какого-нибудь рыцарскаго ордена.

нечи́ста лати́нска и҆ вѣ́ры, (т.-е. отъ народа въ нечистой вѣрѣ латинской пребывающаго и посему нечистаго), блаженный благодаритъ Его и въ своей предсмертной къ Нему молитвѣ (.... л. 55). Послѣ этихъ прямыхъ указаній на прежнюю латинскую вѣру Прокопія страннымъ представляется замѣчаніе въ началѣ Житія (л. 11 об.): „**роди́тель є҆гѡ̀** (блаженнаго) **і҆ оу҆́жикъ и҆ вѣ́ры никто́же вѣ́сть, то́кмо є҆ди́нꙋ бг҃ꙋ свѣ́дꙋщꙋ**“. Чьей вѣры? Прокопія самого? Про нее вѣдалъ и Новгородъ, вѣдома она и составителю: это—латинская вѣра. Сказать вначалѣ, что эту вѣру Прокопія «никто же вѣсть», а черезъ 10—15 строкъ говорить, что она была латинская, трудно объяснимое запамятованіе составителя Житія. Не нужно ли понимать такъ, что составитель на л. 11 об. говоритъ о «вѣрѣ родителей и ужикъ» (родственниковъ) Прокопія? И если составитель счелъ нужнымъ отмѣтить, что этой вѣры „никтоже вѣсть“, не назвалъ ее латинскою, то этимъ самымъ не дается ли поводъ заключать, что вѣра родителей Прокопія была не одинакова съ вѣрой Прокопія, прибывшаго въ Новгородъ, т. е. не латинская вѣра? И такъ какъ, конечно, эти „родители и ужики“ не были и «истинной православной вѣры христіанской», то отсюда не напрашивается ли выводъ, что они были язычниками[1]) и что Прокопій, въ Новгородѣ, явившійся католикомъ, ранѣе былъ язычникомъ, какъ происходившій отъ языческой семьи?

Сказавъ, что „**роди́тель** (Прокопія) **и҆ оу҆́жикъ** (родныхъ) **и҆ вѣ́ры никто́ же вѣ́сть**“, Житіе отмѣчаетъ, что „**рожде́нїе и҆ воспита́нїе є҆гѡ̀** (Прокопія) **бы́сть въ вели́комъ бога́тствѣ**“, что „**прише́дшꙋ є҆мꙋ̀ въ соверше́нный во́зрастъ и҆ по то́м вре́мени напо́лни кора́бль ѿ и҆мѣ́нїй свои́хъ во ѻ҆те́чествїи свое́мъ и҆ ѿи́де ѿ до́мꙋ и҆ ѿ землѝ своеѧ̀. И҆ не по мно́зѣ вре́мени бж҃їимъ произволе́нїемъ прїи́де корабле́мъ, ѡ҆бремене́ннымъ мно́гимъ бога́тствомъ зѣлѡ̀, въ вели́кїй новгра́дъ, съ про́чею свое́ю дрꙋжи́ною съ лати́нники**[2]) **и҆ ꙗ҆́коже ѻ҆ни и҆мѣ́ѧхꙋ ѡ҆бы́чай тꙋ̀ по всѧ̑ лѣ̑та приходи́ти кꙋпе́-**

---

[1]) Язычество въ половинѣ XIII вѣка еще не исчезло на Балтійскомъ побережьѣ. Было оно и въ Скандинавскомъ полуостровѣ. Считаемъ нужнымъ еще отмѣтить: какъ глухо говоритъ Житіе объ отеческой вѣрѣ Прокопія (на л. 13): оно тутъ не называетъ ее латинскою, а только замѣчаетъ, что, плѣненный величіемъ и благолѣпіемъ православія Прокопій «отеческую (не латинскую, а вообще: отеческую) вѣру возненавидѣ, въ ней же воспитанъ бысть», а на л. 15 точно означаетъ, что онъ «долу влекущее латинское мудрованіе оставляетъ».

[2]) №№ 133 (Пискар. Собр.), 104 (Большак. Собр. л. 5):—«со еллины»; употребленіемъ этого слова, бывшаго въ нашей древней церковной литературѣ синонимомъ язычества, какъ будто бы отмѣчается язычество, языческое исповѣданіе дружины Прокопіевой. Житіе говоритъ, что Прокопій на своемъ кораблѣ, «пріиде въ великій Новъ градъ не помнозѣ времени» послѣ оставленія родины. Слѣдовательно, родина, «отечествіе», Прокопія — была въ недалекомъ разстояніи отъ Новгорода и путь совершался моремъ, по которому иноземцы обычай «имѣяху купеческимъ обычаемъ приходити по вся лѣта» въ Новгородъ. Разумѣется, конечно, Балтійское море, торговый путь Ганзы; недалекое разстояніе «отечествія» Прокопія отъ Новгорода скорѣе всего указываетъ именно на земли Балтійскаго побережья.

ческимъ обычаемъ, тꙋ и свтый прокопій". «(л. 12).—Прокопій прибылъ въ Новгородъ, видимо, съ Ганзейскими купцами, но самъ не былъ купцомъ или купеческаго происхожденія. Житіе говоритъ только объ его дружинѣ, что „имѣяхꙋ обычай по всѧ лѣта приходити тꙋ (т.-е. въ Новгородъ) кꙋпеческимъ обычаемъ", а о Прокопіи замѣчаетъ, что «ту (тоже въ Новгородъ) и Святый Прокопій» (разумѣется: прибылъ съ ними), но не сказано, что «таковымъ же»—купеческимъ обычаемъ. Но кто же, изъ какого сословія, изъ какого класса общества происходилъ Прокопій, если онъ не былъ купцомъ? Хотя Житіе не указываетъ прямо, что Прокопій былъ изъ знатнаго, «благородна или славна роду», но предположить это необходимо: «рожденіе и воспитаніе его бысть въ великомъ богатствѣ», онъ приходитъ въ Новгородъ «кораблемъ, обремененнымъ многимъ богатствомъ зѣло», корабль этотъ Прокопій «наполни отъ имѣній своихъ во отечествіи своемъ»,—все это указываетъ въ Прокопіи очень и очень крупнаго собственника. Если онъ былъ не купецъ, (какъ это выше и указано), то остается одно: признать въ немъ очень крупнаго земельнаго собственника, а такими были владѣтели различныхъ и независимыхъ и полунезависимыхъ помѣстій—княжествъ Балтійскаго побережья. «Въ Хроникѣ Петра Дусбургскаго (конца XIII и первой четверти XIV ст.) при разсказѣ о завоеваніи литовскихъ «Прусъ» Нѣмцами постоянно упоминается о туземныхъ (литовскихъ) вождяхъ, власть которыхъ простирается на незначительные сельскіе округа и которые дѣйствуютъ самостоятельно, не подчиняясь одинъ другому. Нѣмцы, не умѣя примѣнить къ этимъ вождямъ никакого титула западной феодальной аристократіи, называли ихъ безразлично именами: rex, regulus, dux, nobilis, magistratus, castellanus, capitaneus, и т. д.; наши лѣтописи называютъ князьями, а литовскіе источники рикасами (rikai) и кунигасами (kunigai). Очень можетъ быть, что нѣкоторые изъ нихъ были потомками родовыхъ старѣйшинъ, происходившими изъ старшихъ линій разросшагося рода—nobiles. die edelsten. Но чаще всего, по всѣмъ признакамъ это были вожди, крупные землевладѣльцы, имѣвшіе укрѣпленныя усадьбы со множествомъ челяди, скота, хозяйственныхъ припасовъ и оружія. Такихъ именно praepotentes, pociores dominos изображаетъ постоянно Петръ Дусбургскій въ лицѣ прускихъ вождей. Они являлись, такъ сказать, естественными предводителями, около которыхъ и подъ власть которыхъ должно было собираться населеніе волости въ случаѣ нападенія извнѣ. Весьма возможно, что такіе вожди и сами могли подчинять населеніе себѣ и покорять... По всѣмъ признакамъ въ Литвѣ уже въ XII вѣкѣ имѣлся налицо классъ соотвѣтствующій германской и славянской дружинѣ. Генрихъ латышъ въ своей Ливонской хроникѣ разсказываетъ, что въ 1204 году подступилъ къ Ригѣ богатый и могущественный (dives et

praepoſens) литвинъ Свельгате съ своими дружинниками (cum suis sodalibus). Вожди этого класса, обогащавшіеся на войнѣ, опиравшіеся на своихъ товарищей и сподвижниковъ, становились естественно вождями и въ мѣстныхъ обществахъ. Но могло случаться, что, опираясь на это значеніе, на свою матеріальную силу, эти вожди становились и настоящими царьками, властвовавшими надъ мѣстными обществами. Разнообразіе названій, которыя даютъ нѣмцы мѣстнымъ литовскимъ вождямъ и представителямъ, объясняется, повидимому, разнообразіемъ фактическаго значенія ихъ: въ иныхъ мѣстностяхъ это были вожди по народному избранію и согласію; въ другихъ традиціонные наслѣдственные предводители, князья или царьки». (Проф. М. К. Любавскій. Очеркъ исторіи Литовско-Русскаго Государства до Люблинской уніи включительно. М. 1910 г. стр. 9—10). Однимъ изъ такихъ владѣтельныхъ князей, видимо, и былъ Прокопій. На «владѣтельное» княжеское достоинство Прокопія указываетъ, какъ будто, и то обстоятельство, что онъ приходитъ въ Новгородъ съ «дружиною своею». Можетъ быть, конечно, составитель Житія употреблялъ это слово въ смыслѣ «спутники, товарищи, друзья», но если принять во вниманіе, что въ концѣ XV, началѣ XVI в., когда составлялось Житіе, еще были живы понятія о прежней, военной «дружинѣ» то вѣроятнѣе допустить, что и тутъ подъ наименованіемъ «дружины» составителемъ Житія разумѣется то же самое. Среди подданныхъ Прокопія были, конечно, и купцы, изъ нихъ онъ собралъ для своей поѣздки и охраны какъ себя, такъ и своего собраннаго въ корабль имущества «дружину», съ которой и прибылъ въ Новгородъ, тамъ онъ отъ нея «утаився и сохранно отъ нихъ нача ходити по граду (Новгороду) и по монастырямъ и искати себѣ учителя мудра въ вѣрѣ Христовой», когда задумалъ обратиться въ нее изъ католичества; у этой «дружины» взялъ онъ имущество свое «и отъиде от нихъ».

Конечно, этому нашему предположенію о «владѣтельномъ княжескомъ достоинствѣ» Прокопія вполнѣ естественно противопоставить молчаніе объ этомъ Житія. Да, Житіе въ своемъ краткомъ описаніи жизни Прокопія до юродства ничего объ его «знатномъ» родѣ прямо не говоритъ, нѣтъ объ этомъ и въ рѣчахъ самого Прокопія въ томъ же Житіи, но ... тѣмъ не менѣе позволяю себѣ настаивать на своемъ предположеніи, имѣя въ виду чрезвычайно характерныя особенности при описаніи въ нѣкоторыхъ чудесахъ блаженнаго (имѣющихся въ его Житіи), его внѣшности, его вида, въ которомъ онъ являлся въ видѣніи разнымъ получившимъ отъ него исцѣленіе лицамъ. Эти особенности, записанныя со словъ тѣхъ исцѣленныхъ, настолько необычны и загадочны, что невольно бросаются въ глаза и требуютъ объясненія. Насколько мнѣ извѣстно: ни въ Житіяхъ другихъ Свв. юродивыхъ, ни вообще въ Житіяхъ русскихъ Святыхъ ни разу не встрѣчается подобныхъ особенностей.

Какъ уже отмѣчено выше, по сказанію Житія, блаженный Прокопій „во еди́ной ри́зѣ хожда́ше, егда̀ оу҆̀бо сїѧ̀ раздира́шесѧ, и҆ны́ѧ не тре́боваше, но къ то́й ри́зѣ ру́бы пришива́ше, и҆ наготꙋ̀ прикрыва́ше“. (Житіе .. л. 199). Въ «Подлинникѣ» о внѣшности блаженнаго говорится почти то же: „обы́чай и҆мѣ́ѧше по гра́дꙋ ходи́ти во є҆ди́ной ве́тхой рꙋ́бищной и҆ раздра́нной ѻ҆де́ждѣ полꙋна́гъ сꙋ́ще, въ зимѣ̀ мра́зъ и҆ снѣ́гъ, въ лѣ́тѣ же зно́й и҆ ва́ръ со́лнечный претерпѣва́ѧ, рꙋ́бищнꙋю же ѻ҆дежду и҆мѣ́ѧ со є҆ди́на ра́ма (плеча) спꙋще́нꙋ и҆ плещѝ ѡбнажены, гото́вы на ра́ны, въ лѣ́вой же рꙋкѣ̀ свое́й ноша́ше трѝ кочергѝ, на нога́хъ ла́пти раздра́ны и҆ персты̀ ви́дны, колѣ̑на го́лы“. Такимъ обычно и писали бл. Прокопія на его иконахъ.

Но въ записяхъ нѣкоторыхъ чудесъ мы встрѣчаемъ совершенно иное «описаніе» 1) чудо 25 (№ 362, л. 112 об.): Лѣта 7175 Іюня 8 пріиде въ Устюгъ ис поморскія далныя страны от студенаго моря, Богородице Рождественскаго монастыря нарицаемаго Камболовскаго (№ 39: Кандоловскаго) нѣкая Евдокія съ дочерью своею Февроніей и вещь предивну повѣда»: 12 лѣтъ она страдала бѣснованіемъ, страдали этимъ и ея дочери: (съ ней пришедшая) Февронья и другая—Анна. Молилась Евдокія раньше объ исцѣленіи бл. Прокопію и ей стало легче.. «со отпущеніемъ, не яко же прежде». «И въ прошломъ 7174 году на 16-ое Ноября нападе болѣзнь на сына ея Матѳея и на нее и на дочерей и въ ту нощь въ томленіи видѣла во снѣ демонскія мечты (л. 114 об.) „средѝ хра́мины (комнаты ея) ꙗ҆́кѡ сто́лпъ стоѧ́ше высото́ю в челѡвѣ́ка, и҆ ѻ҆́колѡ того̀ столпа̀ всѧ́кїѧ бѣсо́вскїѧ мечты̑ всѧ̑кими ви́ды, ѻ҆́вы претворѧ́ющесѧ в циплѧ́та, ѻ҆́вїи во пс҃ы“ и т. п. «И нача (Евдокія) призывати въ молитвѣ Св. Прокопія», который не замедлилъ явиться на помощь: и҆ в то̀ вре́мѧ прїи́де къ на́мъ во хра́минꙋ чл҃къ нѣ́кїй незна́емъ въ неме́цкой кра́ткой (короткой) ѻ҆де́жди и҆ сжа́лисѧ ѻ҆ на́ю ѕѣлѡ̀: въ рꙋка́х же свои́хъ держа́ше ꙗ҆́коже берды́ш ѻ҆́стръ и҆ власы̀ главы̀ своеѧ̀ раздвига́ѧ и҆ раскла́дываѧ на ѡ҆́бѣ страны̀ и҆ въ то́тъ ча́съ ра҃сѣчѐ де́мона на тро̀е и҆ всѧ̑ є҆го̀ бѣсѡ́вскїѧ мечты̑ и҆ сто́лпъ до ѡ҆снова́нїѧ и҆скоренѝ и҆ и҆звержѐ во́нъ и҆зъ хра́мины свои́ма рꙋка́ма ꙗ҆́коже пра́хъ... и҆ просвѣти́сѧ хра́мина на́ша свѣ́тѡмъ сла́дкимъ и҆ напо́лнисѧ полна̀ благоꙋха́нїѧ“. Послѣ этого явившійся Евдокіи—Прокопій «бысть не видимъ», а Евдокія и вся ея семья исцѣлилась отъ недуга своего.

2) Нѣкая Матрона «во граде Выборѣ, бѣсноватая», приведена была къ иконѣ бл. Прокопія (во храмѣ сему Святому посвященномъ) и въ видѣніи узрѣла въ церкви „мꙋ́жа нѣ́коегѡ стра́шна (т.-е. величественнаго) и҆

свѣ́тлости и҆спо́лнена, скі́петръ держа́ша въ рꙋцѣ̀ свое́й“; очнувшись видитъ Матрона «свѣтъ на иконѣ Прокопія», и послѣ того видѣнія исцѣлилась (№ 362, л. 218).

3) Нѣкій бѣсноватый Ѳеодоръ видѣлъ на пути своемъ къ мощамъ бл. Прокопія сего блаженнаго, явившагося ему во снѣ «держащимъ скипетръ въ рукѣ» (№ 320, л. 100).

4) Козьма Зиновьевъ, сынъ кр. «изъ вотчины Боярина Ѳедора Ивановича Шереметева Троицкаго стану Галицкаго уѣзду от ветлусскія страны», въ ночь на 1 марта 7145 (1637) года молясь Св. Прокопію объ исцѣленіи отъ «мучившей его болѣзни корчетной», увидѣлъ его во снѣ, «яко юношу прекрасна зѣло (№ 362, л. 99, Чудо 19-ое) и исцѣлися».

5) Калѣка, отрокъ Прокопій, Сухонскаго стану прихода Благовѣщенской церкви деревни Рязанова, молясь бл. Прокопію объ исцѣленіи, видѣлъ во снѣ: «пріиде нѣкій мужъ, младъ образомъ, въ синемъ одѣяніи» и велѣлъ ему продолжать свои молитвы ко Св. Прокопію и «бысть невидимъ». Отрокъ послѣ того исцѣлѣлъ, о своемъ видѣніи онъ повѣдалъ въ Устюгѣ освященному собору 30 августа 7160 (1652) г. (№ 362, л. 106 об. Чудо 22).

6) Бѣсноватая Соломонія такъ описываетъ явившагося ей въ видѣніи Св. Прокопія: **„рꙋ́съ, власы̀ и҆мѣ́ѧ до́лги, брадꙋ́ же про́стꙋ рꙋ́сꙋ, не ѕѣлѡ̀ ма́лꙋ, ѻ҆дѣѧ́нїе на не́мъ кра́ткѡ, на но́зѣхъ въ рꙋцѣ́хъ же кочергѝ. Свѧты́й же і҆ѡа́ннъ** (который тоже явился Соломоніи въ видѣніи) **тако́въ бѧ́ше, ꙗ҆́коже и҆ на і҆кѡ́нѣ напи́санъ, стра́ническимъ ѻ҆бразомъ.** (Значитъ Св. Прокопій явился ей **не тако́въ, ꙗ҆́коже на и҆ко́нѣ напи́санъ“.** Далѣе въ разсказѣ про свое видѣніе, Соломонія добавляетъ, что Св. Прокопій **„на помо́стѣ** (соборныя Успенскія) **це́ркви свои́ми кочерга́ми закла̀ де́мѡновъ“,** которыхъ вынималъ изъ утробы Соломоніи бл. Іоаннъ и передавалъ бл. Прокопію. (Слѣдовательно, «кочерги», видѣнныя Соломоніею въ рукахъ у бл. Прокопія, были острыя настолько, что ими можно было заколоть демоновъ).

7) и 8) Есть еще въ «чудесахъ» два описанія наружности блаженнаго: въ чудѣ 26-мъ нѣкоему Викулу явился въ видѣніи бл. Прокопій «старъ образомъ, брада же ему съ сѣдиною» (№ 362, л. 117). Нѣкоему Аѳанасію (тамъ же, л. 229 об.)—«въ двою ризу неславну, въ руцѣ посохъ». Всего такимъ образомъ восемь описаній наружности блаженнаго и, за исключеніемъ двухъ послѣднихъ, изъ остальныхъ шести ни одно не соотвѣтствуетъ обычному представленію объ юродивыхъ вообще и о Св. Прокопіи въ частности: о наготѣ или полунаготѣ, едва прикрытой рубищемъ, нѣтъ и помина. (Это несоотвѣтствіе обычному описанію наружности, видимо, сочла нужнымъ отмѣтить и бѣсноватая Соломонія, см. выше). Наоборотъ Матронѣ (см. выше 2) онъ является въ видѣ величественнаго и свѣтлости исполненна мужа, держаща скипетръ въ руцѣ своей. «Со скипет-

ромъ въ руцѣ» является онъ и бѣсноватому Ѳеодору (см. выше 3), «въ нѣмецкой короткой одеждѣ, въ рукахъ своихъ держащимъ яко бердышъ остръ[1]) — видитъ его Евдокія (см. выше 1); «юношей, прекраснымъ зѣло» — Козьма (см. выше 4); «образомъ младъ, въ синемъ одѣяніи» — отрокъ Прокопій (см. выше 5); «краткое (короткое) одѣяніе и сапоги на ногахъ у него», блаженнаго, указываетъ и бѣсноватая Соломонія (см. выше 6) [2]).

Изъ всѣхъ этихъ описаній можно даже составить общій образъ, въ которомъ по преимуществу являлся Св. Прокопій: величественный, свѣтлости исполненный мужъ (рѣже: юноша, прекрасный зѣло), въ нѣмецкой короткой одеждѣ (синей отмѣчено разъ) со скипетромъ (яко бердышъ остръ — въ одномъ случаѣ) въ рукѣ[3]). Скажите: это одѣяніе юродиваго? Конечно, нѣтъ. Это одѣяніе именно владѣтельной особы: тутъ и прерогатива власти—скипетръ, тутъ воинское оружіе — «яко бердышъ остръ», особы иноземнаго притомъ происхожденія — носящей короткую нѣмецкую одежду! Какъ объяснить такое «видѣніе» блаженнаго Прокопія? Вѣдь, такъ видятъ его простецы, крестьяне отдаленнаго Сѣвера, у «моря студенаго»! Такой «образъ» совершенно расходился съ ихъ обычными воззрѣніями, съ ихъ взглядомъ на юродивыхъ, какъ на «человѣковъ Божіихъ», смиренныхъ, въ рубище одѣянныхъ и всю славу земную отметшихъ. И, однако, они видятъ бл. Прокопія въ этой славѣ. Можно только одно сказать, что такъ являться имъ возжелалъ самъ блаженный, возжелалъ открыть теперь свою прежнюю славу, которую на землѣ прикрылъ своимъ юродствомъ. Другого объясненія всѣхъ этихъ особенностей

---

[1]) «Бердышъ»—острый и продолговатый, съ лезвіемъ въ видѣ полумѣсяца и съ копьемъ на верху топоръ насаженный на длинномъ древкѣ, съ металлическимъ втокомъ или оковкой на нижнемъ концѣ.—«По Вельтману у Римлянъ называлась Lunata Securis, у Славянъ—«сѣкира» («Описаніе старинныхъ русскихъ утварей, одеждъ, оружія, ратныхъ доспѣховъ и кон. прибора» Павла Савваитова. СПБ., 1896 г.).

[2]) Описаніе 7-ое объ одѣяніи бл. Прокопія ничего не говоритъ, описываетъ только наружность: «старъ образомъ», но, должно быть, не очень старъ: «брада не сѣдая, а только «с сѣдиною». Описаніе 8-ое говоритъ объ одеждѣ Прокопія: «въ двою ризу не славну, въ руцѣ посохъ», описаніе не сходное съ вышеуказаннымъ (сводномъ изъ шести), но и не сходное съ обычнымъ: ризы (одежды) двѣ, только «не славны», не богаты, но и не рубище.

[3]) Въ «Житіи» говорится, что блаженный носилъ въ рукѣ кочергу. «Подлинникъ» отмѣчаетъ, что блаженный носилъ въ лѣвой рукѣ три кочерги и по тому, какъ онъ ихъ держалъ: «вверхъ загибами или внизъ»— Устюжане узнавали: «будетъ урожай хлѣба и прочаго — или неурожай». Кн. Симеонъ Шаховской въ своемъ Похвальномъ Словѣ Свв. Прокопію и Іоанну говоритъ, что тремя кочергами блаженный тайну Св. Троицы прообразовалъ. Допустимъ это объясненіе, но почему же такимъ образомъ воспользовался блаженный для проявленія тайны Св. Троицы? Почему избралъ именно кочерги? Равнымъ образомъ, развѣ и урожай и неурожай онъ не могъ тоже предсказать еще какъ нибудь иначе? Если это «пріемъ», такъ сказать, юродства, пусть! Но опять можно спросить, почему именно такой пріемъ былъ избранъ блаженнымъ? Сказать: «такъ избранъ» и больше ничего — ничего не объясняетъ. Попытаемся объяснить: блаженный носилъ ихъ въ лѣвой рукѣ, значитъ не для подпоры, не въ замѣнъ посоха, который обычно держатъ въ правой рукѣ. Въ видѣніи Соломоніи (см. выше 6) блаженный закалаетъ этими кочергами демоновъ, слѣдовательно, онѣ остры, а не обычныя съ загибами вверху. Если же онѣ съ остріями на концѣ, то не тоже ли это самое, что видѣла въ рукѣ бл. Прокопія Евдокія (вид. I) «яко бердышъ остръ», копье ли, вообще военное ли какое оружіе? Блаженный, стало быть, прежде, нѣкогда носилъ это оружіе, иначе онъ бы не явился съ нимъ въ видѣніи. Не въ воспоминаніе ли объ этомъ оружіи, нѣкогда имъ носимомъ, блаженный избралъ кочергу, какъ нѣчто похожее (особенно, если верхъ не особо загнутъ) на бердышъ и потому сдѣлалъ ее принадлежностью своего юродства, оружіемъ своего новаго подвига? Тройное число кочергъ не означало ли тройного числа бердышей (или подобнаго оружія), носимыхъ нѣкогда блаженнымъ, каковое число могло составлять аттрибутъ державной власти? Стало быть, и въ этой детали можно бы видѣть намекъ на прежнее—«княжую власть» Прокопія. Но такъ какъ въ вопросѣ объ аттрибутахъ власти въ половинѣ XIII в. въ областяхъ «Балтійскаго побережья» считаю себя совершенно не компетентнымъ, то на своемъ предположеніи о «намекѣ не настаиваю».

не имѣется, и вотъ почему, какъ раньше указано, въ этихъ особенностяхъ слѣдуетъ видѣть подтвержденіе предположенія, что Прокопій до прихода въ Новгородъ былъ владѣтельнымъ княземъ какой-нибудь области иноземной «немецкой»—изъ «Прусъ». Владѣтельной особой являлся въ видѣніи блаженный потому, что былъ такой особой нѣкогда въ своей жизни.

Нельзя также не отмѣтить въ «чудесахъ» бл. Прокопія и особаго вниманія, какъ бы сказать, отзывчивости блаженнаго къ призывавшимъ неоднократно его въ своихъ молитвахъ на помощь русскимъ воинамъ. Всегда онъ какъ бы спѣшилъ оказать имъ эту помощь: Устюжская рать, двинутая по повелѣнію великаго князя къ Нижнему Новгороду для защиты его отъ ожидавшагося тогда Татарскаго набѣга, тяжко страдаетъ отъ повальной «трясавицы (лихорадки) и чревной болѣзни», молятъ Святаго о помощи и онъ избавляетъ ихъ отъ болѣзни «въ скорости». Въ Польское нашествіе блаженный помогаетъ нашимъ войскамъ избѣгнуть разныхъ опасностей и разбить превосходящихъ ихъ численностью поляковъ, невзирая на то, что войска, какъ и Устюжская рать въ первомъ случаѣ медлили исполнить данный ими раньше обѣтъ, поставить храмъ блаженному. Не прежній ли Прокопій—князь воинъ—слышится здѣсь?

А обычай блаженнаго сидѣть на берегу Сухоны и молиться за плавающихъ, дабы имъ Богъ сотворилъ тихое плаваніе—характерная черта, отмѣченная Житіемъ, не подсказываетъ ли она, что отечествомъ блаженнаго была страна или приморская, или вообще обильная водами и что блаженный самъ близко зналъ опасности водной стихіи и потому особенно сочувствовалъ плавающимъ?

Подводя итоги всѣмъ высказаннымъ въ настоящемъ изслѣдованіи соображеніямъ, можно съ увѣренностью предположить, что блаженный Прокопій до прибытія въ Новгородъ и до принятія здѣсь православія былъ именно владѣтельнымъ княземъ какой либо области изъ «Прусъ» на Сѣверномъ побережьѣ Балтійскаго моря, исповѣдывалъ вѣру латинскую, но родился, весьма вѣроятно, въ язычествѣ.

Блаженный Прокопій, по указанію большинства источниковъ, преставился въ 1303 году, но нѣкоторые же (напр. архіеп. Филаретъ въ «Русскихъ Святыхъ») относятъ кончину блаженнаго къ 1285 г., основываясь, вѣроятно, на показаніи Устюжскаго лѣтописца: тамъ, дѣйствительно, читаемъ (№ XXXII, л. 6): «въ лѣто 1285, Іюля 8 дня преставился Святый и праведный Христа ради юродивый Прокопій, Устюжскій Чудотворецъ», но далѣе въ томъ же Лѣтописцѣ помѣчено (л. 15): «въ лѣто 1494 преставился Святый блаженный Іоаннъ, Христа ради юродивый, Устюжскій Чудотворецъ, Мая 29. А между преставленіемъ Святыхъ праведныхъ Прокопія и Іоанна Устюж-

скихъ—191 годъ, мѣсяцъ и осмь дней», т.-е., значитъ, преставленіе блаженнаго Прокопія здѣсь отнесено къ 8 Іюля 1303 года. Затѣмъ, на об. 15 л.: «въ лѣто 1495 поставлена церковь надъ гробомъ блаженнаго Прокопія, деревянная, первая по преставленіи его черезъ 192 года», т.-е. опять преставленіе блаженнаго предполагается въ 1303 году. Такимъ образомъ и Устюжскій лѣтописецъ присоединяется къ общему мнѣнію о 1303 годѣ, какъ годѣ преставленія блаженнаго. Въ печатныхъ изданіяхъ «Великоустюжской Лѣтописи» — годомъ преставленія блаженнаго вездѣ показанъ 1303 годъ.

Съ какого времени блаженный именовался Прокопіемъ: дано ли ему это имя при крещеніи или при присоединеніи къ православію или наречено ему въ монашествѣ? Можно думать, что это монашеское имя: хотя въ Житіи прямыхъ указаній на монашество Прокопія и нѣтъ (въ разсказѣ о приходѣ его въ Хутынскій монастырь и о пребываніи тамъ сказано только, что блаженный пріятъ здѣсь «святое крещеніе» и только; нѣтъ и въ дальнѣйшемъ разсказѣ Житія упоминаній, что блаженный былъ въ «монашескомъ чинѣ»), но можно думать, что монашество онъ въ томъ монастырѣ принялъ, и составитель Житія зналъ это и считалъ его монахомъ, иначе бы не было сказано въ Житіи, что пр. Варлаамъ, когда блаженный пожелалъ удалиться изъ Хутынскаго монастыря, отговаривая его, замѣтилъ, что ему, Прокопію, „подобаетъ изъ монастыря неисходну быти въ мірѣ“—такъ можно говорить только монаху, отрекшемуся отъ міра—и убѣждалъ «пребыть хотя годищное время въ затворѣ единому». Послѣднія слова заставляютъ думать, что блаженный, не довольствуясь обычнымъ монашескимъ послушаніемъ, нѣкоторое даже время пребывалъ въ затворѣ или готовился къ этому. Если же блаженный принялъ предъ выступленіемъ своимъ на подвигъ юродства монашество, то, конечно, и имя его—Прокопій—было дано ему въ монашествѣ, а какое имя онъ носилъ до монашества — по принятіи православія, Житіе не сообщаетъ, равно и тѣ имена, которыя блаженный носилъ въ язычествѣ, въ первомъ крещеніи въ латинскую вѣру и во второмъ крещеніи при принятіи православія, пока остаются загадкою.

Протоіерей Іоаннъ Кудрявцевъ

ОТШЕЛЬНИКЪ.

На щитъ опираясь державной рукой,
Извѣдавъ тевтонскаго горя,
Плыветъ изъ Поморія Князь молодой
По волнамъ Варяжскаго моря.

Стоитъ онъ и смотритъ въ прозрачную даль
На темную полосу брега,
А бурныя волны, что сизая сталь,
Сверкаютъ отъ быстраго бѣга.

И видится Князю: Тевтонская рать
Воюетъ поморье близъ Русно,
А земли родныя нѣтъ силъ защищать,
И на сердцѣ больно и грустно.

И молвилъ Князь такъ, на востокъ помолясь:
«Предо мною иная дорога,
«По ней я пойду, на судьбу положась,
«Во всемъ уповая на Бога».

Летѣли какъ птицы одна за другой
Ладьи—морякамъ на отраду—
Къ далекому берегу Руси Святой,
Къ столицѣ ея—Новограду.

Выходитъ изъ лодки съ дружиною онъ
На берегъ, поросшій травою,
И слышитъ кампана церковнаго звонъ
И видитъ кресты за горою.

То были кресты Новгородскихъ Святынь,
А звонъ монастырской звоницы,
По онъ-полъ стояла Святая Хутынь—
Монаховъ смиренныхъ станицы.

Туда и направился Князь молодой.
Забыты вѣнецъ и порфира,
Кольчуга и щитъ, мечъ и скипетръ златой—
И Князь, словно, умеръ для міра.

А. П.

ПОСЛѢСЛОВІЕ

КЪ СТАТЬЯМЪ В. К. ТРУТОВСКАГО И ПРОТ. И. И. КУЗНЕЦОВА

По ознакомленіи съ двумя предшествующими изслѣдованіями и со статьею «О Гландѣ Камбилѣ» Протоіерея І. І. Кузнецова, помѣщенной въ отдѣлѣ Приложеній, вып. II, стр. XI, Приложеніе III, своевременно было бы подвести итоги заключающимся въ этихъ трудахъ извѣстіямъ и высказаннымъ положеніямъ.

Въ изслѣдованіи В. К. Трутовскаго излагаются три теоріи о выѣздѣ родоначальника предковъ бояръ Романовыхъ:

Первая теорія—о выѣздѣ его «изъ Прусъ» зарубежныхъ, т.-е. съ береговъ Балтійскаго Поморія;

Вторая—«изъ Прусъ» отечественныхъ, т.-е. изъ «Прусской улицы» Великаго Новгорода и, наконецъ,

Третья—о выѣздѣ его на Москву изъ Бѣжецкаго Верха, или Бѣжецкой Пятины Новгородской земли, т.-е. изъ предѣловъ нынѣшней Тверской губерніи.

Всѣ эти три теоріи хотя съ перваго взгляда и кажутся взаимно одна другой противорѣчащими, однако, по тщательномъ ихъ разсмотрѣніи, нельзя не признать, что каждая изъ нихъ имѣетъ свое основаніе и что, въ концѣ концовъ, возможно допустить такое рѣшеніе вопроса, при которомъ всѣ три теоріи другъ друга лишь дополняютъ.

П. Н. Петровъ въ своемъ трудѣ: «Исторія Родовъ Русскаго Дворянства»[1]) и другіе его единомышленники считаютъ выѣзды «изъ Прусъ» зарубежныхъ въ XIII столѣтіи—вымысломъ, не выдерживающимъ критики якобы вслѣдствіе того, что въ XIII столѣтіи не было и самой Пруссіи, какъ самостоятельнаго государства, между тѣмъ тотъ же авторъ не считаетъ безсмыслицей существованіе въ XIII столѣтіи въ Новгородѣ названій: «Прусская улица» и «Прусскій путь». Спрашивается, въ честь кого же были названы эта улица и этотъ путь «Прусскими», если въ то время ни Пруссіи ни Прусовъ не было?

---

[1]) П. Н. П. «Исторія Родовъ Русскаго Дворянства». Часть I, стр. 3 и 7.

Никто не утверждаетъ, что Пруссія въ качествѣ королевства существовала въ XIII столѣтіи, но древніе «Прусы» или «Порусы», въ латинскомъ реченіи «Borussi», какъ племя страны Поморской, извѣстны Петру Дуйсбургскому (XIV в.) и другимъ нѣмецкимъ и латинскимъ историкамъ и русскимъ лѣтописцамъ за сотни лѣтъ до обращенія курфюршества Бранденбургскаго въ Прусское королевство.

Св. Бруно, жившій въ концѣ X и началѣ XI вѣка, называется Апостоломъ и просвѣтителемъ Прусовъ; и именно въ странѣ Прусовъ, куда онъ направился съ восемнадцатью миссіонерами для обращенія язычниковъ, этотъ Апостолъ вмѣстѣ со всѣми своими сподвижниками и былъ убитъ 14 февраля 1009 года.

Историкъ Н. Костомаровъ въ своемъ извѣстномъ трудѣ: «Сѣверно-русскія народоправства» [1]), на основаніи извѣстій сагъ скандинавскихъ, латинскихъ и нѣмецкихъ хроникъ, лѣтописей и Житія Св. Антонія Сійскаго, свидѣтельствуетъ, что:

1) въ IX вѣкѣ Варяги, не шведскаго, а литовскаго происхожденія, именуемые Русью, жили при устьѣ Нѣмана, по сосѣдству съ литовскимъ племенемъ «Прусы», и

2) съ тѣхъ же временъ и въ теченіе многихъ вѣковъ въ Новгородѣ существовала «Прусская улица», представлявшая собою одну изъ лучшихъ частей города.

Этихъ древнихъ лѣтописныхъ «Прусовъ» не слѣдуетъ смѣшивать съ современными намъ Пруссаками и вообще съ Нѣмцами, которыми они никогда не были. Наоборотъ, древніе Прусы представляли собою племя славяно-литовскаго происхожденія, когда-то самостоятельное и независимое, а съ XIII вѣка Нѣмцами утѣсняемое и угнетаемое.

На дошедшихъ до насъ старинныхъ географическихъ картахъ (см. Приложеніе III) видно, что въ X, XI, XII и XIII вѣкахъ по нижнему теченію рѣки Нѣмана, одинъ изъ рукавовъ которой называется «Русь» или «Руса» и по берегамъ залива, въ который впадаетъ Нѣманъ — залива нынѣ именуемаго «Куришъ-Гафъ», а въ древности называвшагося «Русна» — жило славяно-литовское поморское племя «Прусы» или «Порусы» — т.-е. племя, разселившееся по рѣкѣ «Руси».

Въ теченіе всего XIII столѣтія Нѣмецкіе Ордены монашествующихъ рыцарей: Тевтонскій и «Братьевъ Меча» — «Меченосцы» или «Крыжаки», подъ предлогомъ обращенія язычниковъ въ христіанство, завоевывали мирныя славянскія и славяно-литовскія племена Балтійскаго Поморія, управлявшіяся тогда своими собственными независимыми владѣтельными князьями, покоряли ихъ, насильно крестили, а оказывавшихъ сопротивленіе свергали и изгоняли. Исторія гласитъ, что къ концу XIII столѣтія всѣ эти славянскія и литовскія поморскія княжества были уже лишены политической самостоятельности и земли ихъ раздѣлены на нѣсколько Орденскихъ Епископій.

Гонимые Нѣмцами Прусы покидали свою родину и искали счастья въ сосѣднихъ странахъ.

Ипатьевская лѣтопись подъ 1276 годомъ отмѣчаетъ бѣжавшихъ именно отъ нѣмецкой неволи Прусовъ и показываетъ намъ ихъ во владѣніяхъ Литовскаго князя Тройдена въ Городнѣ и Слонимѣ, а въ Великомъ Новѣгородѣ въ то время процвѣтала извѣстная «Прусская улица», вѣрнѣе сказать, цѣлая колонія Прусовъ.

Все вышеизложенное позволяетъ допустить, что, во-первыхъ, избѣгая Тевтонскаго ига, покинувшій родныя свои земли: Судовію и Галиндію вла-

---

[1]) Т. I. СПБ. 1863 г. Глава I: «Отношеніе Великаго Новгорода къ прочимъ землямъ русскимъ и ко княжескому роду», стр. 23—27.

дѣтельный князь, насильно обращенный изъ язычества въ христіанство, по католическому крещенію Михаилъ, былъ далеко не первый выѣзжій «изъ Прусъ» зарубежныхъ, а во-вторыхъ, что онъ и его сынъ Андрей Ивановичъ, онъ же Михайловичъ, могли оказаться дважды «выѣзжими изъ Прусъ», а именно: сперва, т-е. въ срединѣ XIII вѣка (1261—1265) изъ Прусъ зарубежныхъ въ Новгородъ, а затѣмъ, въ концѣ XIII вѣка изъ Новгородскихъ «Прусъ» — во Владиміръ, а оттуда, уже въ XIV вѣкѣ, на Москву.

Такимъ допущеніемъ примиряются двѣ первыя теоріи.

Переходя затѣмъ къ разсмотрѣнію третьей теоріи—Тверского происхожденія — слѣдуетъ обратиться къ реченію дошедшихъ до насъ грамотъ 1265 года. Въ этомъ году Новгородцы, уговариваясь съ великимъ княземъ Ярославомъ Ярославичемъ «объ условіяхъ, на коихъ владѣть ему князю Новымъ-городомъ», предупреждаютъ великаго князя, что нѣкоторыя перечисляемыя въ грамотѣ Новгородскія волости они — Новгородцы съ княземъ Дмитріемъ Александровичемъ дали «Иванкови», или Иванку.

Если даже принять толкованіе сего извѣстія по П. Г. Васенкѣ, который, отдавая предпочтеніе второй грамотѣ передъ первою, признаетъ, что «Иванкови» данъ былъ не весь Бѣжецкій Верхъ съ Волокомъ, а лишь Городецъ Палицъ, то все же надо думать, что этотъ «Иванко» представлялъ собою лицо значительное и Новгороду полезное.

Если же допустить предположеніе, что этотъ Иванко 1265 года и есть тотъ самый, въ православномъ перекрещеніи Іоаннъ, а прежде, въ католическомъ крещеніи, Михаилъ, выѣзжій изъ Прусъ владѣтельный князь Судовіи (Самогитіи?) и Галиндіи, получившій отъ Новгородскаго Вѣча волости въ вышеназванныхъ мѣстахъ Бѣжецкой Пятины Новгородской земли, то, во-первыхъ, слѣдуетъ признать, что подтверждаемая грамотами 1265 года дача «Иванкови» или Іоанну волости Городецъ Палицъ и проч. произошла раньше написанія этихъ грамотъ, т-е до 1265 года; во-вторыхъ, такъ какъ вся Бѣжецкая Пятина и Бѣжецкій Верхъ въ концѣ концовъ цѣликомъ вошли въ предѣлы нынѣшней Тверской губерніи, то становятся понятными основанія, на которыхъ сторонники Тверского происхожденія предковъ бояръ Романовыхъ строятъ свою теорію. Возможно, что потомки боярина Андрея Ивановича въ XIV и XV столѣтіяхъ при верстаніи ихъ помѣстьями, а впослѣдствіи и вотчинами, естественно тяготѣли къ насиженнымъ мѣстамъ бывшихъ волостей своего прародителя.

Допущеніе такого толкованія вышеприведеннаго извѣстія грамотъ Великаго Новагорода примиряетъ и третью теорію съ двумя первыми, а именно: весьма правдоподобно, что поморскій владѣтельный князь, насильственно окрещенный Тевтонскими рыцарями и нареченный ими Михаиломъ, вслѣдствіе дальнѣйшихъ угнетеній Орденомъ, выѣхалъ вмѣстѣ съ семьею своею и вѣрною частью дружины въ Новгородъ, гдѣ въ то время на Прусской улицѣ была уже цѣлая колонія его земляковъ; тамъ принялъ православіе съ именемъ Іоанна и, получивъ въ землѣ Новгородской упомянутыя въ грамотахъ 1265 года волости, самъ, уклоняясь отъ участія въ политической жизни новаго своего отечества, для гражданскихъ лѣтописей какъ бы пропалъ безъ вѣсти Семья же его, покровительствуемая княземъ Дмитріемъ Александровичемъ, могла вмѣстѣ съ нимъ перебраться во Владиміръ, когда Дмитрій Александровичъ изъ Новгородскаго удѣльнаго князя, по порядку старшинства, въ 1276 году сдѣлался великимъ княземъ Володимерскимъ.

Для опредѣленія времени, къ которому возможно пріурочить выѣздъ князя Михаила въ Новгородъ, весьма цѣнно указаніе хроники на возстаніе противъ Нѣмцевъ, поднятое Прусами въ 1260 году, продолжавшееся 13 лѣтъ и завершившееся разгромомъ Прусовъ и пораженіемъ всѣхъ ихъ начальниковъ и полководцевъ, послѣ чего земля Прусовъ уже стала называться землею «Нѣмецкою». Думается, что и князю Михаилу, извѣдавшему горькую

долю Тевтонскаго нашествія и рѣшившему разстаться съ родиной, нечего было дожидаться тамъ окончательнаго разгрома Поморскихъ княжествъ и обращенія ихъ въ Орденскія Епископіи. Вѣроятнѣе всего, что онъ отъѣхалъ въ Новгородъ именно вскорѣ послѣ начала возстанія, т.-е. между 1260—1265 гг.; въ это время самъ князь Михаилъ могъ быть въ возрастѣ отъ 18 до 25 лѣтъ*), а его сынъ, будущій Андрей Ивановичъ, вѣроятно тогда былъ еще младенцемъ.

Если это произошло до 14 ноября 1263 года, то на Великокняжескомъ Володимерскомъ Столѣ еще сидѣлъ Александръ Невскій, если же выѣздъ совершился въ 1264—1265 г. (Грамота), то великимъ княземъ тогда уже былъ братъ Невскаго, Ярославъ Ярославичъ Тверской, а въ Новгородѣ сидѣлъ все тотъ же князь Дмитрій Александровичъ, который въ 1276 году, достигнувъ Великокняжескаго престола, очень вѣроятно, въ числѣ близкихъ къ нему людей перевелъ съ собою во Владиміръ и семью князя Гланды, сыну котораго Андрею тогда могло быть отъ 11 до 16 лѣтъ. Вотъ какимъ образомъ можно представить себѣ не «выѣздъ», а «переѣздъ» Андрея Ивановича изъ Новгорода къ великому князю Володимерскому.

Засимъ послѣдовательно минуютъ великія княженія: Дмитрія Александровича — съ 1276 по 1294 гг.; Андрея Александровича — съ 1294 по 1304 гг.; Св. Михаила Ярославича Тверского — съ 1305 по 1319 гг.; Юрія Даніиловича — съ 1320 по 1323 гг.; Дмитрія Михайловича Грозныя очи — съ 1323 по 1324 гг.; Александра Михайловича — съ 1325 по 1328 гг. и Іоанна Даніиловича Калиты — съ 1328 по 1339 г. и только при этомъ князѣ, при которомъ Великокняжескій престолъ окончательно утвердился за Москвою, бояринъ Андрей Ивановичъ могъ сдѣлаться Москвичемъ.

Извѣстіе русскихъ лѣтописей о томъ, что бояринъ сына Калиты, т.-е. великаго князя Симеона Ивановича Гордаго въ 1347 году ѣздилъ во Тверь за невѣстою, застаетъ, по вышеизложеннымъ соображеніямъ, Андрея Ивановича въ возрастѣ отъ 82 до 86 лѣтъ, что вполнѣ и возможно, и всецѣло соотвѣтствуетъ маститости Великокняжескаго посла за невѣстою.

Обращаясь къ изслѣдованію Протоіерея І. І. Кузнецова о Св. Прокопіи Устюжскомъ и разсматривая оное совмѣстно съ изслѣдованіемъ В. К. Трутовскаго, слѣдуетъ выяснить, могъ ли Св. Прокопій Устюжскій быть современникомъ князя Гланды-Михаила-Іоанна.

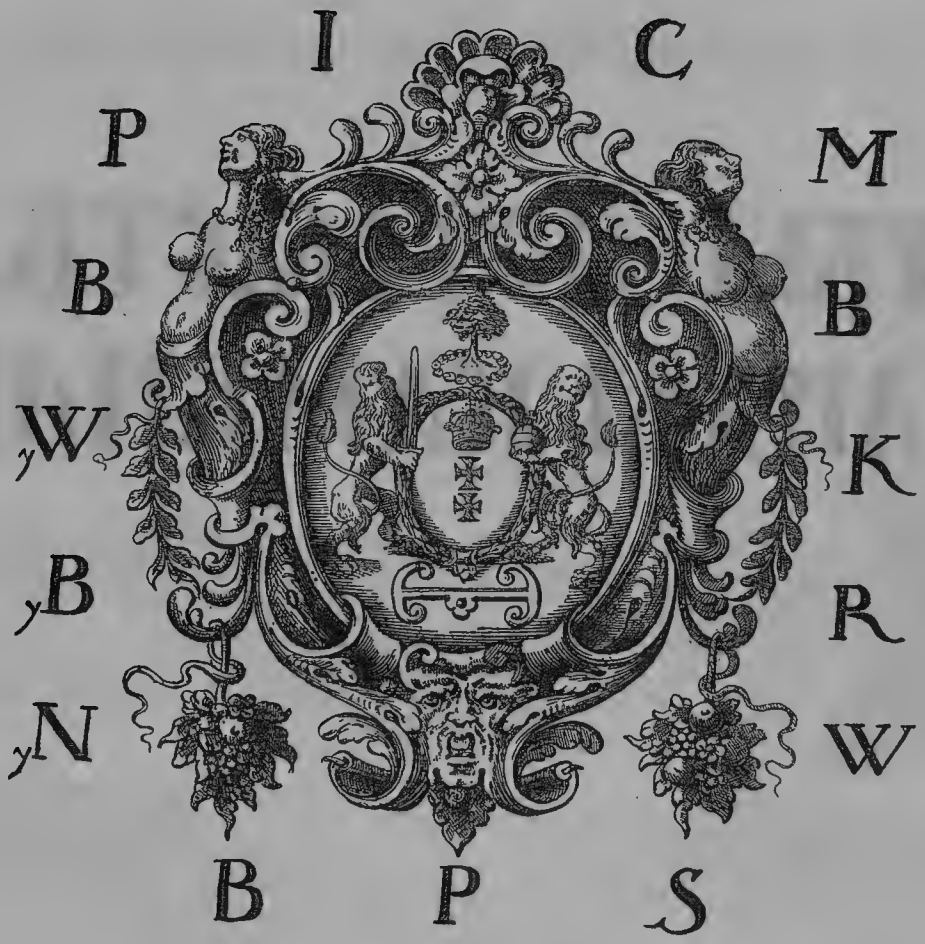
Такъ какъ Грамота Новгородская 1265 года говоритъ: ...„А Городецъ, Княже, далъ Дмитрій съ Новгородци Иванкоу“... и такъ какъ ни о какой подобной дачѣ какому-нибудь исконному и заслуженному Новгородцу Иванкѣ въ лѣтописяхъ того времени ничего не сказано, а по количеству данной земли можно предположить, что этотъ «Иванко» былъ знатный выѣзжій иноземецъ, полезный Новгороду, то вѣрнѣе всего, что этотъ «Иванко» былъ тогда, т.-е. до 1265 года, уже не младенецъ, а человѣкъ взрослый, въ возрастѣ не менѣе 18—20 лѣтъ*), слѣдовательно родившійся не позже 1246 года. Если допустить, что этотъ «Иванко» умеръ въ возрастѣ отъ 55 до 60 лѣтъ, то окажется, что годомъ его кончины слѣдуетъ считать 1300—1305 гг. Принимая же во вниманіе извѣстія Житія, гласящія, что Св. Праведный Прокопій Устюжскій преставился 8 іюля 1303 г. въ возрастѣ средовѣка, т.-е. человѣкомъ не старше 60 лѣтъ, можно заключить, что Св. Праведный Прокопій Устюжскій и «Иванко» Новгородской Грамоты — предполагаемый отецъ боярина Андрея Ивановича — могли быть современниками.

Кн. М. Каталинъ.

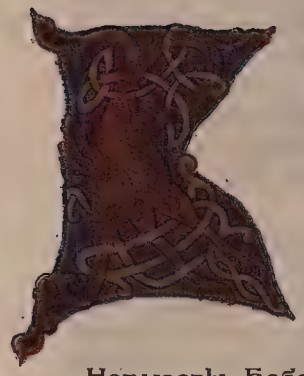
---

*) Достойно примѣчанія, что и въ Житіи Св. Бл. Прокопія Устюжскаго, о его выѣздѣ, также сказано: — „и пришедшу ему к совершенный возрастъ“. См. стр. 87. Строка 11 сверху.

ГЕРБЫ ПОТОМСТВА ГЛАНДЫ КАМБИЛЫ


I
C
P
M
B
B
W
K
yB
R
yN
W
B
P
S

ГЕРБЫ ПОТОМСТВА ГЛАНДЫ КАМБИЛЫ



ъ первомъ вЬіпускѢ «Изборника» уже изложена исторія герба Рода РомановЬіхъ [1]), основная фигура котораго—грифъ была заимствована съ прапора боярина Никиты Ивановича Романова.

Совершенно отличною эмблемою пользовалось все остальное потомство ГландЬі Камбилы и его сына боярина Андрея Ивановича. Изъ числа родовъ, происшедшихъ отъ него, слѢдующіе, какъ нынѢ существующіе, такъ и угасшіе роды, пользовались гербами, закрѢпленными за ними внесеніемъ въ ВЫСОЧАЙШЕ утвержденный «Общій Гербовникъ Дворянскихъ Родовъ Всероссійскія Имперіи», а именно: ЛодЬігины, КоновницЬіны, КобЬілины, Сухово - КобЬілины, КолЬічевы, НеплюевЬі, БобарЬікины, ЯковлевЬі, Шереметевы, Епанчины [2]).

Наиболѣе ранній рисунокъ герба этихъ родовъ извѢстенъ намъ изъ книги, посвященной «славѢ геройскихъ дѢяній» Бориса Петровича Шереметева, изданной Петромъ Терлецкимъ въ 1698 году [3]). Родовой гербъ фельдмаршала изображенъ здѢсь (см. рис.) въ богатомъ картушѢ, украшенномъ женскими фигурами [4]), въ овальномъ щитѢ котораго находятся два креста одинъ подъ другимъ (въ столбъ), надъ которЬіми королевская корона; надъ щитомъ—дубъ (въ кольцѢ изъ камней у подножія его); щитъ поддерживаютъ два льва, изъ нихъ правЬій съ мечомъ и лѢвЬій съ державою въ лапахъ. Гербъ этотъ является, въ сущности говоря, нѢсколько измѢненнЬімъ и дополненнЬімъ гербомъ Прусскаго города Гданска (Данцига) и заимствованіе этой

---

[1]) «Гербъ Рода РомановЬіхъ» въ «ЛѢтописномъ и Лицевомъ ИзборникѢ Дома РомановЬіхъ», вЬіп. I. Москва. 1913 г., стр. 109—113.

[2]) Намъ неизвѢстно, пользовались ли гербами и, въ утвердительномъ случаѢ какими, остальные роды того же происхожденія: Кокоревы, Образцовы и Синіе.

[3]) Terlecki, P. «Slawa heroicznych dziel jasnie wielmoznego im. pana Borysa Petrowicza Scheremety». 1698 г.

[4]) Въ изданіи «Родъ Шереметевыхъ», А. П. Барсукова, т. I, СПБ. 1881 г. рисунокъ этого картуша, перерисованЬій грав. В. БобровЬімъ, нѢсколько измѢненъ.

именно гербовой эмблемы слѣдуетъ несомнѣнно приписать желанію потомства Гланды Камбилы указать на происхожденіе свое «изъ Прусъ».

Этимъ Гданскимъ гербомъ въ его первообразномъ видѣ пользовались въ теченіе XVIII вѣка не только Шереметевы, но также и родственныя фамиліи, насколько это извѣстно по отдѣльнымъ сохранившимся печатямъ и рисункамъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ «Гербовникѣ» Анисима Титовича Князева [1]), и именно такое объясненіе этому гербу неоднократно давалось представителями этихъ фамилій при утвержденіи ими гербовъ на предметъ внесенія ихъ въ «Общій Гербовникъ», начатый составленіемъ въ царствованіе Императора Павла Петровича.

Такъ, на родословной, представленной графомъ Николаемъ Петровичемъ Шереметевымъ въ 1798 г. въ Геральдію, сказано: «Андрей Ивановичъ Кобыла происходитъ отъ короля Прусскаго и Аланскаго Вейдевута, коему, въ 305 году по Рождествѣ Христовѣ, старшій братъ король Прутено, уступивъ царство свое, пошелъ въ первые жрецы ко идолослуженію, что было около зеленаго кумиропоклоннаго дуба въ Рома-Нова, первой столицѣ Пруской, по разореніи коей тутъ же выстроенъ городъ Гейлигенбейль, то-есть: святые топоры, которые даны тому городу въ гербъ, поелику онымъ былъ срубленъ помянутый идолопоклонный дубъ. Король Вейдевутъ раздѣлилъ царство свое двѣнадцати сыновьямъ, коихъ имена до днесь носятъ прусскія провинціи; потомокъ четвертаго сына его Недрона, владѣтель Судовіи, Самогиціи и прочихъ, Гланда-Камбила Дивоновичъ, утомленъ будучи во браняхъ противу крыжаковъ, былъ ими побѣжденъ и выѣхалъ въ Россію со множествомъ подданныхъ своихъ и съ единственнымъ своимъ сыномъ къ великому князю Александру Ярославичу Невскому въ 6749/1241 году, воспріялъ святое крещеніе и дано ему имя Іоаннъ, а сыну Андрей Ивановичъ Камбила, по просторѣчію Кобылою прозванный. Сей родоначальникъ [2]) знаменитѣйшихъ фамилій былъ въ дружелюбіи и отмѣнной довѣренности у великаго князя Московскаго Семіона Ивановича Гордаго; доказательствомъ сему и то служитъ, что когда Государь сговорилъ жениться на дочери князя Александра Михаиловича Тверскаго, то Андрей Ивановичъ, какъ ближайшая при немъ особа, ѣздилъ въ Тверь за невѣстою».

А изображенный на родословной гербъ объясненъ слѣдующимъ образомъ: «на золотомъ щитѣ, въ лавровомъ вѣнкѣ, красное поле, въ которомъ золотая королевская корона есть гербъ древнихъ королей Прусскихъ. Подъ оной два креста серебряные, имѣющіе отношеніе къ крыжакамъ, или крестоносцамъ. Надъ щитомъ сверхъ лавроваго вѣнка и надъ графскою короною дубъ, означающій тотъ кумиропоклонный дубъ, подъ коимъ отправлялось идолослуженіе и гдѣ Прусской и Аланской король Прутено въ 305 году, уступивъ королевство брату своему Вейдевуту, былъ первымъ жрецомъ и на мѣстѣ коего дуба нынѣ городъ Гейлигенбейль. По сторонамъ дуба двѣ звѣзды. Щитоносцы—львы съ золотыми лбами означаютъ страхъ на сопротивныя, держатъ одною лапою щитъ, а другой съ правой стороны скипетръ, а съ лѣвой державу, означающіе самодержавство потомковъ Вейдевутовыхъ, во рту же имѣютъ вѣтвіи лаврову и масличную. Гербъ сей и донынѣ употребляется нѣкоторыми въ Пруссіи городами, какъ-то Гданскомъ, во всей точности онаго описанія. Съ низу по сторонамъ герба два укоренившіеся дуба съ обрубленными сучьями, въ видѣ Трофеевъ, какіе первоначально изображены бывали въ честь древнихъ героевъ. На вершину тѣхъ дубовъ надѣты Градскія стѣнныя короны, а подъ ними привѣшены ключи отъ взятыхъ

---

[1]) «Гербовникъ» А. Т. Князева. СПБ. 1912 г., стр. 169—170. Любопытно отмѣтить еще случай измѣненнаго нашлемника на гербовой печати Бориса Петровича Шереметева, приложенной къ документу 1710 г., гдѣ вмѣсто дуба изображена роза (см. рис.).

[2]) Слѣдуетъ разумѣть Андрея Ивановича.

Таблица

вывода фамилій происходящихъ отъ Гланды Камбилы

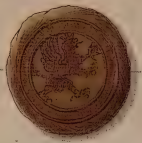
съ показаніемъ ихъ Гербовъ

Славяно-Литовскаго племени „Порусовъ", или „Прусовъ" владѣтельный князь, тѣснимый Тевтонскими крыжаками во 2ой пол. XIII 30 вѣка выѣхалъ изъ земли своей вмѣстѣ съ сыномъ и подданными своими въ Великій Новгородъ.

Печать города Гданска:

Печать земель Поморскихъ:

Печать Ливонскаго гор: Пернова:



I ое Колѣно

Гланда „Камбила" Іоаннъ

II.

Бояринъ Андрей Ивановичъ Кобылинъ 1347.

III.

Семенъ „Жеребецъ"

Алёзандръ „Елка"

Гавріилъ „Гавша"

Бояринъ Ѳеодоръ „Ковша", или „Кошка" 1393.

IV.

Григорій „Лодыга"

Ѳеодоръ „Колычъ"

Иванъ „Хлуденъ"

Ѳеодоръ „Дютко"

Борисъ

Бояринъ Иванъ Кошкинъ 1389–1425

Алезандръ „Беззубецъ"

V.

Семенъ Лодыгинъ

Григорій Колычевъ

Ѳеодоръ „Хлуденъ"

Иванъ Дюткинъ

Андрей „Бобрыня"

Бояринъ Захарія Кошкинъ 1425–1462

Константинъ Беззубцевъ

VI.

Андрей Лодыгинъ

Иванъ „Лодыга" Коновница

Алезандръ Колычевъ

Константинъ Хлуденевъ

Дюткинъ Ѳеодоръ „Неплюй"

Ѳеодоръ „Боборыка"

Бояринъ Яковъ Захарьинъ

Бояринъ Юрій Захарьинъ † 1505.

Андрей „Шереметь"

Семенъ „Епанча"

VII.

Василій Лодыгинъ

Александръ „Слеза"

Борисъ Колычевъ

Третьякъ „Сухово-Кобылинъ"

Сынъ Ѳеодора „Неплюй"

Сынъ Ѳеодора Боборыки

Петръ и Василій „Яковлевы"

Окольничій Романъ Юрьевъ-Захарьинъ † 1543

Василій Шереметевъ 1521

Сынъ Семена Епанчи

VIII.

Лодыгины

Коновницины

Колычёвы

Сухово-Кобылины

Неплюевы

Бобарыкины

Яковлевы

Романовы

Шереметевы

Епанчины

Гербъ рода Лодыгиныхъ. Общ. Герб. Р. И. Ч. IX л. 13

Гербъ рода Коновницыныхъ. Общ. Герб. Р. И. Ч. I л. 89

Гербъ рода Колычёвыхъ. Общ. Герб. Р. И. Ч. II л. 27

Гербъ рода Сухово-Кобылиныхъ. Общ. Герб. Р. И. Ч. II л. 26

Гербъ рода Неплюевыхъ. Общ. Герб. Р. И. Ч. VI л. 9

Гербъ рода Бобарыкиныхъ. Общ. Герб. Р. И. Ч. V л. 19.

Гербъ рода Яковлевыхъ. Общ. Герб. Р. И. Ч. II л. 28.

Гербъ рода Романовыхъ. Зак. Осн. Т. I. ч. 1. пр. 1. § 2 VIII

Гербъ рода Шереметевыхъ. Общ. Герб. Р. И. Ч. III л. 10

Гербъ рода Епанчиныхъ. Общ. Герб. Р. И. Ч. XIII.

Состав. Кн. М. Путятинъ.

предками сего рода непріятельскихъ городовъ, тутъ же изображены разныхъ націй знамена и воинскія орудія ими завоеванныя. Горлатная шапка, служившая отличіемъ для бояръ, и три свитка съ надписаніемъ годовъ, мѣсяцевъ и чиселъ, представляющіе мирные съ поляками договоры, заключенные бояриномъ Ѳеодоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ и фельдмаршаломъ графомъ Борисомъ Петровичемъ, облеченнымъ въ 1706 году Императоромъ Петромъ Первымъ въ графское достоинство прежде всѣхъ въ Россіи. Сверхъ же того Жезлы Оберъ-Гофмаршальскіе, Кавалерскія украшенія и Камергерскій ключъ «просителю принадлежащіе», а подъ тѣмъ фамильный девизъ: «Deus conservat omnia», то-есть: «Богъ сохраняетъ все».

Подобное же описаніе герба имѣется и на другой родословной Яковлевыхъ, представленной въ ту же Герольдію, но кромѣ горлатной шапки подъ гербомъ помѣщены еще «мечъ и копье, лежащіе крестообразно надъ полумѣсяцемъ».

Первымъ гербомъ вошелъ въ «Общій Гербовникъ», въ I-ю его часть гербъ Коновницыныхъ, при чемъ здѣсь родовой гербъ является единственнымъ случаемъ сохраненія Гданскаго герба въ чистомъ видѣ (хотя и въ голубомъ полѣ), тогда какъ остальное потомство Гланды Камбилы дополняло его разными привходящими аттрибутами; такъ, гербы графовъ Шереметевыхъ, Яковлевыхъ и Колычевыхъ, вошедшіе во II-ю часть «Общаго Гербовника», дворянъ Шереметевыхъ въ III-ю и Бобарыкиныхъ въ V-ю часть его, сходны между собою, за исключеніемъ девизовъ и присвоенной графскому гербу подобающей короны, и во всѣхъ гербахъ въ щитъ введены согласно рисункамъ, упомянутымъ на родословныхъ: горлатная шапка, мечъ, копье и полумѣсяцъ. Безъ этихъ послѣднихъ дополненій, внесенныхъ въ «Гербовникъ», гербы Сухово-Кобылиныхъ (ч. II) и Лодыгиныхъ (ч. IX), изъ которыхъ первый лишенъ, кромѣ того, двухъ звѣздъ, сопровождающихъ въ нашлемникѣ дубъ, въ каковомъ видѣ «возникаетъ» онъ въ перечисленныхъ ранѣе гербахъ. Нѣсколько болѣе отличнымъ отъ своего первообраза Гданскаго герба—гербы Неплюевыхъ и Кобылиныхъ, у которыхъ щитъ разсѣченъ и въ половинахъ его помѣщены: у Неплюевыхъ въ правомъ, красномъ полѣ два креста съ короною и въ лѣвомъ, золотомъ зеленое дерево, а у Кобылиныхъ—наоборотъ и въ нашлемникѣ возникающій конь (кобыла).

Такимъ образомъ, во всѣхъ упомянутыхъ гербахъ потомства выѣхавшаго изъ Прусъ родоначальника мы видимъ общій символъ. Исключеніе, въ видѣ досаднаго искаженія этихъ фигуръ, имѣется только въ гербѣ Епанчиныхъ, которое допущено при внесеніи этого герба въ XIII-ю часть «Общаго Гербовника», при чемъ историческія составныя части Гданскаго герба не только произвольно «растасованы» досужею фантазіею составителя этого герба и редактора «Гербовника», но и гербовый щитъ совершенно неосновательно украшенъ княжескими мантіею и шапкою [1]).

Естественно, что столь несомнѣнный общій характеръ всѣхъ этихъ гербовъ, именно—повтореніе эмблемы Гданскаго герба, порождаетъ вопросъ, почему же у единственной отрасли Гланды Камбилы, у Романовыхъ (гербъ коихъ хотя и былъ санкціонированъ въ 1856 г., однако эмблемы его извѣстны были съ начала еще XVII вѣка), гербъ ихъ совершенно одинокъ по своей эмблемѣ—грифу?

Весьма серьезное предположеніе о происхожденіи этой эмблемы, послужившей источникомъ герба Романовыхъ, высказано было барономъ М. А. Таубе въ докладѣ его Генеалогическому обществу, впослѣдствіи опубликованномъ [2]).

---

[1]) Съ другой стороны—здѣсь не лишне отмѣтить случайное присвоеніе герба г. Данцига купеческому роду Стрицкихъ, пожалованному дипломомъ на дворянство въ 1901 году; лѣвую половину разсѣченнаго гербоваго щита ихъ занимаютъ эмблемы Гданска, что, понятно, можетъ вводить въ заблужденіе предположеніемъ о близости Стрицкихъ къ роду Камбилы («Общій Гербовникъ», ч. XVII).

[2]) Таубе, баронъ, М. А. «Къ исторіи герба Дома Романовыхъ» въ «Гербовѣдѣ», 1913 г., іюль, стр. 109—117 и отд. оттискъ.

Обобщивъ случаи пользованія бояриномъ Ѳеодоромъ Никитичемъ (патріархомъ Филаретомъ) и воеводою Никитою Ивановичемъ Романовыми изображеніемъ грифа [1]), баронъ Таубе дѣлаетъ выводъ: что «общую имъ обоимъ геральдическую эмблему они, вѣроятно, заимствовали отъ своего общаго ближняго предка, т.-е. отъ отца перваго изъ названныхъ лицъ и дѣда втораго — другими словами отъ Никиты Романовича Захарьина-Юрьева (умершаго въ 1586 г.)» и далѣе—«разъ дѣло идетъ объ установленіи возможныхъ причинъ заимствованія этой эмблемы знаменитымъ Московскимъ воеводою XVI вѣка, спрашивается, нѣтъ ли въ его государственной дѣятельности какихъ-либо моментовъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ тому или другому западному гербу съ грифомъ».

«Въ этомъ отношеніи, предполагаетъ баронъ Таубе, прежде всего невольно бросается въ глаза возможность весьма простого сближенія».

«Грифъ, и притомъ какъ разъ съ поднятымъ мечомъ въ лапѣ, какъ извѣстно, есть гербъ Лифляндіи, правильнѣе «герцогства Лифляндскаго» (и теперешней Лифляндской губерніи),—и, именно, съ Ливоніей связана значительная часть военной службы боярина Никиты Романовича: въ качествѣ одного изъ виднѣйшихъ русскихъ военачальниковъ, онъ участвовалъ въ цѣломъ рядѣ походовъ Царя Ивана Грознаго съ самаго начала Ливонской войны (такъ, напр., въ 1559, 1573, 1575 и 1577 гг.)».

«Естественно поэтому задать себѣ вопросъ, не взялъ ли бояринъ Никита Романовичъ лифляндскаго грифа въ воспоминаніе о своихъ лифляндскихъ походахъ»?

«Здѣсь возникаетъ, однако, повидимому, довольно значительное для нашего тезиса затрудненіе. Дѣло въ томъ, что старая Ливонія, съ раздробленными остатками которой воевалъ Никита Романовичъ, не знала никакого герба съ грифомъ. Эта старая Ливонія распадалась, какъ извѣстно, на нѣсколько, имѣвшихъ особое государственное существованіе, полунезависимыхъ территорій, которыя имѣли совершенно иные, хорошо намъ извѣстные гербы. Лифляндскій же грифъ былъ пожалованъ Лифляндіи въ качествѣ герба новаго польско-литовскаго «герцогства» королемъ Станиславомъ-Августомъ II, одновременно съ провозглашеніемъ «вѣчнаго» соединенія Лифляндіи съ великимъ княжествомъ Литовскимъ, т.-е. въ декабрѣ 1566 г. на сеймѣ въ Гродно».

«Спрашивается, если приводитъ Романовскаго грифа въ связь съ ливонскими походами Никиты Романовича, то почему послѣдній взялъ себѣ именно этотъ въ то время едва ли особенно извѣстный и распространенный въ Лифляндіи новый ея гербъ? Естественно ли для побѣдителя, въ воспоминаніе своихъ побѣдъ, брать эмблему едва извѣстную этимъ побѣжденнымъ и только что имъ навязанную другимъ завоевателемъ»?

«И вотъ этотъ-то теоретически трудный вопросъ, какъ оказывается, допускаетъ вполнѣ точный отвѣтъ, доводящій общую «возможность» нашего предположенія до степени значительной «вѣроятности», если не «достовѣрности».

«Оказывается, что этотъ новый для второй половины XVI в. Лифляндскій гербъ имѣетъ спеціальное отношеніе къ тому городу Лифляндіи, взятіе котораго составляло главный воинскій подвигъ боярина Никиты Романовича во время его неоднократныхъ ливонскихъ походовъ».

«Такимъ подвигомъ было прославленное даже въ нѣмецкихъ современныхъ хроникахъ взятіе имъ города Пернова въ 1575 г. (9 іюля), гдѣ

---

[1]) См. иллюстраціи къ статьѣ В. Лукомскаго «Гербъ Рода Романовыхъ» въ «Лѣтописномъ и Лицевомъ Изборникѣ Дома Романовыхъ». Москва. 1913 г., №№ рис. 2—6 и статью С. Тройницкаго «Гербъ Дома Романовыхъ на предметахъ, хранящихся въ Московской Оружейной Палатѣ» въ «Гербовѣдѣ», 1913 г., февраль, стр. 25—27.

«Knes Mykita Romanowitz» (какъ его называетъ ревельскій лѣтописецъ Руссовъ) затѣмъ сидитъ воеводою. И вотъ, благодаря данныхъ балтійской нумизматики, мы имѣемъ возможность утверждать, что именно въ Пернау едва ли не впервые получилъ широкое распространеніе новый лифляндскій гербъ: именно для этого города, для польскаго въ немъ гарнизона, незадолго передъ тѣмъ, съ 1572 года, стали впервые чеканить монеты съ изображеніемъ лифляндскаго грифа».

«Такимъ образомъ во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что завоеватель и первый русскій воевода Пернова нашелъ въ немъ въ обращеніи монеты, на которыхъ виденъ въ кругломъ полѣ монеты (т.-е. безъ щита) грифъ съ поднятымъ мечомъ въ лапѣ».

«Не естественно ли предположить, что этого грифа и взялъ себѣ Никита Романовичъ въ память своихъ лифляндскихъ походовъ и, въ частности, взятія Пернова?»

Несмотря на научную обоснованность приведенной гипотезы, непонятнымъ остается то обособленное положеніе, которое занимаетъ гербъ Романовыхъ въ родовой группѣ гербовъ потомства Гланды Камбилы. И вотъ, я позволяю себѣ повторить попытку обобщенія этихъ гербовъ, сдѣланную мною въ докладѣ Генеалогическому обществу 23 февраля 1913 года.

Въ самомъ дѣлѣ, напрашивается вполнѣ естественный вопросъ: если все потомство Гланды Камбилы использовало вполнѣ понятный символъ своего «выѣзда»—гербъ города Гданска, то почему бояре Романовы выбрали своею родовою эмблемою изображеніе «грифа», а если эта послѣдняя эмблема «грифъ» общеизвѣстна была ранѣе герба Гданскаго, воспринятаго лишь въ концѣ XVII вѣка, то почему представители родовъ Шереметевыхъ, Колычевыхъ, Бобарыкиныхъ, Кобылиныхъ и другихъ не использовали въ своихъ гербахъ Романовскую эмблему—«грифъ».

Я воздержусь отъ рѣшительнаго и окончательнаго отвѣта. Однако, если принять вполнѣ понятное истолкованіе гербовой эмблемы родственныхъ Романовымъ родовъ, какъ заимствованіе древняго герба города Гданска, по мѣсту своего «выѣзда», то почему бы и Романовскаго грифа не объяснить какъ древнюю эмблему всей страны, бывшей когда-то во владѣніи ихъ предковъ, всей той страны Поморской, гербъ коей издревле составлялъ: изображеніе «золотоголоваго и золотоногаго грифа въ серебряномъ полѣ» (см. карту Поморья).

По сказаніямъ лѣтописцевъ съ XII вѣка, гербъ этотъ закрѣпленъ былъ образованіемъ Поморскаго воеводства въ 1454 году и упоминается во всѣхъ геральдическихъ изданіяхъ XVI и XVII вѣковъ [1]), популярныхъ и въ Россіи, а, слѣдовательно, доступенъ былъ своевременно и боярамъ Романовымъ; въ числѣ ихъ и воеводѣ Никитѣ Ивановичу Романову, украсившему свой прапоръ родовою эмблемою грифа, умѣстно вооруженнаго здѣсь мечомъ и щиткомъ въ лапахъ.

Шукинскій.

---

[1]) См., напр., Paprocki, B. «Herby Rycerstwa Polskiego». 1584 г. и переизд. Turowskiego I., Krakow, 1858 г., str. 922, гдѣ оба герба помѣщены даже на одномъ листѣ.

MARE BALTICVM,

Vulgo De Oost Zee

Notarum explicatio

DVCATVS MEGAPOLENSIS PARS.

POMERANIÆ PARS.

DAS GROSSE HAFF

Vkker marck.

marck

MARCHIÆ PARS

POMERELLIA

Prussia

NOVA ILLVSTRISSIMI DVCATVS POMERANIÆ TABVLA antea Viro Cl. D.D Ethardo Lubino edita, nunc verò correcta per Frid. Pulbitzkeu Pomer. T. L. Studiosum.

AMSTELODAMI, Apud Ioannem Janssonium

Карта Балтійскаго Поморья.

ПРИМѢЧАНІЕ РЕДАКТОРА.

Въ разъясненіе того обстоятельства, что гербы всѣхъ однородныхъ съ Романовыми фамилій, по эмблемамъ города Данцига тождественные между собою, столь разнствуютъ отъ фамильнаго герба Рода Романовыхъ—золотого грифа, слѣдуетъ принять во вниманіе, прежде всего, хронологическія даты какъ образованія той и другой геральдическихъ эмблемъ, такъ и принятія ихъ потомствомъ Андрея Ивановича въ качествѣ родовыхъ гербовъ.

Фигура грифа есть несомнѣнно одна изъ древнѣйшихъ геральдическихъ фигуръ, извѣстная, какъ таковая, со временъ Крестовыхъ походовъ, принятая въ частности въ качествѣ эмблемы земель, входящихъ въ составъ Поморья въ память владычества тамъ потомства легендарной династіи Грифитовъ.

Такъ или иначе польская геральдика закрѣпляла эмблему грифа за Поморскими землями одновременно съ закрѣпленіемъ ихъ границъ государственными Актами.

Съ образованіемъ Поморскаго воеводства въ 1454 г. городъ Данцигъ получилъ значеніе главнаго города воеводства и ему присвоенъ былъ особый гербъ, существующій и понынѣ.

По высказанному въ предыдущей статьѣ В. К. Лукомскаго (см. 1-ый выпускъ «Изборника» положенію, въ Московскомъ Государствѣ въ общемъ порядкѣ фамильныхъ гербовъ не было и Правительствомъ не давалось, но какъ рѣдкое исключеніе гербовыя эмблемы изображались на нѣкоторыхъ предметахъ обихода, въ томъ числѣ на предметахъ вооруженія, напримѣръ на оружіи и на прапорахъ—тѣми служилыми людьми, которые, неся посольскія службы, оказывались въ необходимости заводить себѣ гербы (печати на грамотахъ) наподобіе своихъ чужеземныхъ собратій по посольской службѣ.

Такой родовой эмблемой потомства боярина Никиты Романовича Юрьева-Захарьина въ концѣ XVI вѣка оказался золотой грифъ, который, какъ удостовѣряютъ иллюстраціи въ 1-мъ выпускѣ «Изборника» и практиковался тремя поколѣніями этой семьи, а именно бояриномъ Ѳеодоромъ Никитичемъ, его сыномъ, Царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, племянникомъ, бояриномъ Никитою Ивановичемъ и внукомъ, Царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ.

Это даетъ основаніе предположить, что если бы Царственная линія Романовыхъ не приняла въ силу закона и обычая, какъ родовую свою эмблему, изображеніе двуглаваго орла, а не Царственныя линіи не прекратились бы, то весьма естественно, что эмблема грифа удерживалась бы безпрерывно всѣми членами Рода, вплоть до кодификаціи дворянскихъ гербовъ въ «Общемъ Россійскомъ Гербовникѣ», но со смертію Никиты Ивановича въ 1658 г. не Царственныя вѣтви Рода Романовыхъ прекратились, а съ ними вмѣстѣ исчезаетъ и представленіе о грифѣ, какъ родовой эмблемѣ Романовыхъ и, повидимому, настолько, что, когда черезъ сорокъ лѣтъ послѣ кончины Никиты Ивановича, молодому, вернувшемуся изъ чужихъ краевъ Борису Петровичу Шереметеву понадобилось изобразить гербъ свой, то ему былъ составленъ, въ соотвѣтствіи съ выѣздомъ его родоначальника, гербъ не по эмблемѣ всего Поморья, т.-е. грифа, но по эмблемѣ столичнаго города Гданска (Данцига), а хранившаяся въ Оружейной Палатѣ самая драгоцѣнная гербовая реликвія — прапоръ боярина Никиты Ивановича, какъ видно изъ описей той Палаты, постепенно разрушался и, наконецъ, исчезъ.

Что касается до остальныхъ родственныхъ фамилій, отъ того же корня происходящихъ, какъ-то Лодыгиныхъ, Кобылиныхъ, Коновницыныхъ, Колычевыхъ и другихъ, то какъ во времена Ѳеодора Никитича и Никиты Ивановича, такъ и во времена Петра Алексѣевича, современники изъ тѣхъ родовъ занимали столь скромное положеніе въ ряду служилыхъ людей, что въ родовыхъ гербахъ имъ надобности и не представлялось, а когда, въ силу законовъ, гербъ сдѣлался принадлежностью дворянства, которое поощрялось къ утвержденію своихъ гербовъ Правительствомъ, то представители вышеназванныхъ фамилій, не имѣя никакихъ свѣдѣній о томъ, что грифъ когда-то былъ родовой эмблемой Романовыхъ, охотно ходатайствовали о дарованіи имъ герба, подобнаго однородцамъ ихъ Шереметевымъ.

Гр. сл. Шереметевъ.

ПРИЛОЖЕНИЯ

КЪ РОДОСЛОВНОЙ ТАБЛИЦѢ ПРЕДКОВЪ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ.

«Illustre stemma ruthenicum», такъ озаглавливаетъ изслѣдованіе свое о родословіи Плауэнскаго дома графовъ (нынѣ князей) Рейссъ Петеръ Беклеръ[1]), издавшій трудъ свой въ 1684 году. Заглавіе это, означающее въ переводѣ «Знатное русское родословіе» и относящееся къ нѣмецкому владѣтельному дому, невольно обращаетъ на себя вниманіе.

Не менѣе замѣчательно и само имя Рейссъ (Reusz), переданное въ родъ однимъ изъ Плауэнскихъ владѣтелей, получившаго прозвище «Reusze» или Rutze», «Rutzin», «Ruzzo», «Rudhenus» т.-е. «Русскій»[2]). Какова же причина происхожденія этого прозвища и передачи его въ родъ? Рядъ нѣмецкихъ источниковъ объясняетъ ее совершенно различно.

Такъ П. Беклеръ разсказываетъ[3]), что Генрихъ фонъ-Плауэнъ, участвуя въ молодыхъ годахъ въ Крестовомъ походѣ 1223 года, во время одной битвы съ Сарацинами въ Египтѣ былъ взятъ ими въ плѣнъ, изъ котораго выкупленъ какимъ-то русскимъ купцомъ, увезшимъ его въ Россію. Прослужа у этого купца цѣлыхъ 12 лѣтъ «als Sclawe» (рабомъ), Генрихъ снова попалъ въ плѣнъ къ Татарамъ во время нашествія на Россію Батыя. Какой-то татарскій князь Хоката приблизилъ его къ себѣ и заставилъ принять участіе въ 1241 году въ походѣ въ Силезію и въ битвѣ при Лигницѣ. Здѣсь, находясь близъ Саксонской границы, Генриху удалось бѣжать изъ плѣна, вернуться къ себѣ на родину, а вслѣдъ затѣмъ и явиться ко двору императора Фридриха II. Ловкость Генриха во всѣхъ рыцарскихъ упражненіяхъ, знаніе имъ иностранныхъ языковъ и его интересные разсказы о собственныхъ приключеніяхъ расположили къ нему императора, приглашавшаго его постоянно къ себѣ, и благодаря его высокому росту, а особенно ради носимаго имъ русскаго платья неизмѣнно называвшаго его «своимъ длиннымъ русскимъ» (seinen langen Reusz zu nennen plegte). Къ этому разсказу Беклера докторъ Грессе добавляетъ[4]), что прозвище «Русскій» стало столь обычнымъ, что самъ Генрихъ добавлялъ его къ своему титулу во всѣхъ документахъ, и обстоятельство это послужило причиной перехода имени ко всему потомству.

Другіе нѣмецкіе источники говорятъ, что «почетное» прозвище «Reusze» или «Ruthene» Генрихъ фонъ-Плауэнъ получилъ за свои подвиги въ 1247 году въ войнахъ противъ западныхъ Россіянъ и Поляковъ[5]). Въ чешскомъ энциклопедическомъ словарѣ[6]) указывается, что онъ получилъ прозвище Русскій благодаря своей продолжительной жизни въ Россіи.

Но тотъ же Беклеръ въ своей «Illustre stemma ruthenicum» помѣчаетъ кончину Генриха der Reusse 1309 годомъ, что заставляетъ насъ сомнѣваться въ участіи его въ Крестовомъ походѣ 1223 года. Одинъ же изъ послѣднихъ и наиболѣе серьезныхъ изслѣдователей родословія князей Рейссъ, Бертольдъ Шмидтъ[7]), помѣчаетъ первые документы объ этомъ Генрихѣ 17 августа 1266 г., а его кончину 12 декабря 1295 г. Такимъ образомъ участіе въ Крестовомъ походѣ 1223 г., двѣнадцатилѣтнее пребываніе въ Россіи, татарскій плѣнъ и жизнь при дворѣ императора Фридриха II должны быть отнесены не къ тому Генриху Плауэнъ, которому всѣ нѣмецкіе источники приписываютъ первоначальное прозвище Русскій (der Reusse), а къ его дѣду или кому-либо другому изъ ближайшихъ

---

[1]) Illustre stemma ruthenicum, das ist Graefl. Reusz-Plauische Stammtafel Pet. Beckler. Schleiz 1684.
[2]) Тамъ же и другіе источники.
[3]) Тамъ же. Стр. 41—42.
[4]) Geschlechts-Namen und Wappensagen Dr. J. G. Th. Graesse. Dresden 1876. P. 131—132.
[5]) Напр., Brockhaus Conversations Lexikon. Leipzig. 1886. B. 13. P. 645.
[6]) Ottuv Encyklopedicky'Slovnik T. 19.
[7]) Die Reussen. Berthold Schmidt. Schleiz. 1903.

его предковъ. Да и въ «Illustre stemma ruthenicum» П. Беклера есть (хотя и опровергаемыя имъ) свѣдѣнія, что еще въ турнирныхъ записяхъ Rixnero упомянутъ нѣкій Филиппъ Рейссъ, владѣтель Плауэна въ 996 году, и Генрихъ Рейссъ, фрейхеръ Плауэнъ въ 1209 году[1]).

Опроверженія Беккера разбиваются изслѣдованіемъ пастора Ф. Б. Реша[2]), документально доказывающаго, что фамильное имя Рейссъ явилось дополненіемъ Плауэнской вѣтви владѣльцевъ Фохтланда, какъ правовой наслѣдственный титулъ (Praetentionstitel) на часть одного изъ принадлежащихъ имъ войтствъ (Voigteibezirk), носящаго названіе «Rutzen» вошедшаго въ составъ владѣній другой линіи.

Большинство же нѣмецкихъ источниковъ[3]) объясняютъ прозвище Генриха I Плауэна Reusze, Ruthenus или «Русскій» исключительно бракомъ его съ дочерью русской княжны.

Въ сущности, не столь важно, который именно изъ Плауэновъ первый сталъ называться «Русскимъ» (Reusze, Ruthenus), сколь важно установить существованіе причинъ на признаніе рода ихъ «знатнымъ русскимъ родомъ» («Illustre stemma ruthenicum») и удостовѣрить значительную долю русской крови, текущей въ ихъ жилахъ.

Въ Готскомъ альманахѣ[4]) говорится, что Генрихъ фонъ-Плауэнъ получилъ прозвище «der Reusse» (Ruthenus) вслѣдствіе брака своего съ Маріей, дочерью Бжетислава IV князя Швиховскаго и русской княжны Маріи. Бертольдъ Шмидтъ[5]) также утверждаетъ, что женою Генриха I Рейссъ была Марія Швиховская. Въ таблицахъ[6]) чешскаго королевскаго дома дѣйствительно значится, что правнукъ короля Владислава I, князь Бжетиславъ Швиховскій былъ женатъ на Маріи, великой княжнѣ (dux) русской. Ихъ дочь, Марія же, была первымъ бракомъ за однимъ изъ Плауэновъ, а 2-мъ за баронomъ Берке (uxor primo Plaveniy, post Berke baronum). Однако за кѣмъ именно изъ Плауэновъ не указано. Свѣдѣнія эти подтверждаетъ и Седлачекъ[7]) въ своей генеалогіи князей Швиховскихъ. Нѣмецкій же генеалогъ Гроте[8]) показываетъ Марію (дочь богемскаго князя и русской княжны?) супругою отца Генриха I Рейсса.

Однако, въ большинствѣ нѣмецкихъ родословныхъ таблицъ[9]) женою Генриха I Рейссъ показана Софія, дочь Гюнтера VI, графа Кефернбургъ, и Софіи же, княжны русской, пережившая мужа и бывшая въ 1328 году монахиней въ городѣ Ильмѣ. Обстоятельство это исключаетъ возможность предположенія вторичнаго брака Генриха съ Маріей.

Б. Шмидтъ въ предисловіи къ труду своему «Die Reussen» упоминаетъ про «Illustre stemma ruthenicum» Беклера и указываетъ нѣкоторыя его заблужденія. Въ отношеніи брака Генриха I Рейсса съ Маріей Швиховской онъ ссылается на фамильные документы дома Рейссъ, не могущіе быть, къ несчастію, нами провѣренными. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Шмидтъ упоминаетъ также, что эта Марія была вторымъ бракомъ за Berka von der Duba, что, по мнѣнію нашему, исключаетъ тоже возможность вторичнаго брака Генриха съ Софіей Кефернбургъ. Указанія же Кона, Бера, Адлерсфельда и другихъ источниковъ Шмидтъ игнорируетъ, а причинъ признанныхъ имъ ихъ якобы заблужденій не указываетъ.

Между тѣмъ, сравнительно недавнее (1909 г.) изслѣдованіе Н. А. фонъ-Баумгартена[10]) даетъ намъ много интересныхъ данныхъ. Такъ, этотъ генеалогъ-любитель установилъ на основаніи неопровержимыхъ данныхъ[11]) родство Галицкаго дома съ домомъ Шварцбургъ и приходитъ къ заключенію, что бабка Зигварта II и Гюнтера XVII Шварцбургскихъ, т.-е. мать Мехтильды (жены Гюнтера X Шварцбургъ), рожденной графини Кефернбургъ, Софія была несомнѣнно дочерью короля Галицкаго Даніила Романовича. Перечисленные же нами нѣмецкіе источники Кона, Бера и Адлерсфельда устанавливаютъ, что Софія, жена Генриха I Рейссъ, была дочерью той же русской княжны Софіи и сестрою

---

[1]) «Illustre stemma ruthenicum». P. Beckler. 1684 P. 42.

[2]) Ueber der Ursprung des dynastischen Namens Reusz F. B. Resch. Berlin. 1874.

[3]) Лѣтопись Историко-родословнаго Общества въ Москвѣ 1909 г. Вып. I. Вторая вѣтвь князей Галицкихъ. Н. А. фонъ-Баумгартенъ. Стр. 19.

[4]) Gothaischer Genealogischer Hofkalender Justus Perthes. Gota 1913. P. 68.

[5]) Die Reussen. Berthold Schmidt. Sçhleiz. 1903. Taf. 6.

[6]) Balbin Miscellanea historica Regni Bohemiae 1679.

[7]) August Sedlácêk Páně Jindřichovo z Ryžemberka pojednáni o rodě panuv Svihovskych. Vestnik kr. Ceske společnosti Nauk. Стр. 76—83.

[8]) H. Grote. Stammtafeln. Leipzig 1887. P. 248.

[9]) a) Voigtel Traugott Gotthelf Stammtafeln zur Geschichte der Europaeischen Staaten. Neu herausgegeben von Ludvig Adolf Cohn. Braunschweig 1864; b) Dr. Kamill von Behr. Genealogie der in Europa regierenden Fürstenhaeuser. Leipzig 1870; c) Eufemia von Adlersfeld Ballestrem. Ahnentafeln. Grossenhain 1901 Taf. 129. d) «Illustre stemma ruthenicum». P. Beckler 1684 и друг.

[10]) Лѣтопись Историко-родословнаго Общества въ Москвѣ. 1909 г. Вып. I. Вторая вѣтвь князей Галицкихъ.

[11]) Нами провѣренныхъ по всѣмъ источникамъ, на которые сдѣланы ссылки.

Мехтильды Шварцбургской. Такимъ образомъ кровь Даніила Галицкаго оказывается одинаково влитой въ потомковъ Гюнтера X Шварцбургъ и Генриха I Рейссъ.

Правда, Шмидтъ какъ будто бы опровергаетъ тѣ нѣмецкіе источники, на основаніи которыхъ Н. А. фонъ-Баумгартенъ полагаетъ Мехтильду и Софію Кефернбургскихъ дочерьми Софіи, княжны русской, но если и въ дѣйствительности женою Генриха I Рейссъ была Марія Швиховская [1]), дочь Маріи, великой княжны (dux) русской, русская кровь въ жилахъ потомковъ Рейссовъ остается неизмѣнной.

Мало того, та же русская кровь, а именно князя Всеволода Ольговича, дошедшая по женской линіи до Саломеи, герцогини Глогау, снова вливается въ Рейссовъ при посредствѣ брака ея съ Генрихомъ Рейссъ «Малымъ».

Такимъ образомъ, неисповѣдимыми путями Промысла Божія кровь древнихъ русскихъ князей Рюриковичей чрезъ потомство знаменитаго ратоборца за православіе и русскія начала на Западѣ великаго князя Волынскаго и короля Галицкаго и Русскаго Даніила Романовича дошла по женской линіи до Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны.

---

[1]) На основаніи нѣкоторыхъ данныхъ мы склонны предположить, что Марія Швиховская была женою одного изъ братьевъ Генриха I Рейссъ—Генриха Плауэна, прозваннаго «der Boĥme» (Богемецъ).

НОВОГОРОДСКІЯ ГРАМОТЫ XIII ВѢКА.

1.

Договорная Грамота Новагорода съ Великимъ Княземъ Тверскимъ Ярославомъ Ярославичемъ (первая), учиненная при Посадникѣ Михаилѣ: на какихъ условіяхъ владѣть ему Князю Новымъ-городомъ.—Писана въ началѣ 1265 года.

† Благословление отъ владыкы, покланяние отъ посадника Михаила и отъ тысяцьскаго Кондрата, и отъ всѣго Нова-города, и отъ всѣхъ старѣйшихъ, и отъ всѣхъ меньшихъ, къ князю Ярославоу. На семь, княже, цѣлоуй хрестъ къ всѣмоу Новоугородоу на цѣмь-то цѣловали дѣди и отци, и отецъ твой Ярославъ. Новъгородъ ти дѣржати въ старинѣ, по пошлинѣ. Что волостий всѣхъ Новгородьскыхъ, того ти, княже, не держати своими моужи, нъ дьржати моужи Новгородьскыми; а даръ имати тобе отъ техъ волостий. А бес посадника тобѣ волостий не раздавати: а комоу раздаялъ волости братъ твой Александръ, или Дмитрій съ Новгородци, тобе техъ волостий безъ вины не лишати. А что ти, княже, пошло на Торожку и на Волоцѣ тивоунъ свои дьржати, на своей чясти дьржати, а Новъгородьць на своей чясти дьржати. А въ Бежицахъ, княже, тобе, ни твоей княгыни, ни твоимъ бояромъ, ни твоимъ дворяномъ селъ не дьржати, ни купити, ни даромъ приимати и по всей волости Новгородьской. А се, княже, волости Новгородьскые: Волокъ съ всеми волостьми, Тържькъ, Бежицѣ, городьць Палиць, а то есме дали Иванкови; потомъ Мелѣчя, Шипино, Егна, Вологда, Заволоцье, Трѣ, Перемь, Печера, Югра. А в Русу ти, княже, ездити осень, а лѣтѣ не ездити; ездити на озвадо звѣри гонить. А в Ладогоу ти, княже, слати осетрьникъ и медовара, по грамотѣ отця своего Ярослава. А соудъ, княже, отдалъ Дмитрий съ Новгородци Бежичяномъ и Обонижаномъ на $\overline{\text{г}}$ лѣта, соудье не слати. А из Бежиць, княже, людий не выводити въ свою землю, ни изъ иной волости Новгородьской, ни грамотъ имъ даяти, ни закладниковъ приимати, ни княгыни твоей, ни бояромъ твоимъ, ни дворяномъ твоимъ, ни смерда, ни купцины. А без вины ти моужа волости не лишити; а грамоты ти, княже, не посуживати. А пожне, княже, что пошло тобе и твоимъ моужемъ, то твое; а что былъ отъялъ братъ твой Александръ пожне, а то ти, княже, ненадобѣ. А что, княже, братъ твой Александръ дѣялъ насилие на Новѣгородѣ, а того ся, княже, отстоупи. Дворяномъ твоимъ и тивоунимъ погонъ имати, како то пошло. А на томъ ти, княже, на всѣмь хрестъ цѣловати, бес перевода, при нашихъ послѣхъ: а мы ти ся, господине княже, кланяемъ. А что, княже, мыть по твоей земли, и по иной волости, и по всей Суждальской земли; а то, княже, имати по $\overline{\text{в}}$ векши отъ лодье, и отъ воза, и отъ лну, и отъ хмелна короба. А дворяномъ твоимъ по селомъ оу коупцевъ повозовъ не имати, разве ратной вести. Тако, княже господине, пошло отъ дѣдъ и отъ отець, и отъ твоихъ, и отъ нашихъ, и отъ твоего отчя Ярослава.

Грамота писана на пергаментѣ; есть слѣды печати, которая не сохранилась.

С. Г. Г. и Д. т. I, № 1, стр. 1—2.

2.

Договорная Грамота Новагорода съ Великимъ Княземъ Тверскимъ Ярославомъ Ярославичемъ (вторая), при Посадникѣ Михаилѣ—съ нѣкоторыми противъ первой Грамоты прибавленіями: о позволеніи Новгородцамъ братьѣ дары; о запрещеніи бить свиней близь Новагорода; о закладникахъ Новгородскихъ, и о нестроеніи слободъ. Писана 1265 года.

† Благословление отъ Владыкы, поклонъ отъ посадника Михаила, и отъ тысяцьскаго Кондрата, и отъ всехъ соцьскыхъ, и отъ всехъ старѣйшихъ, и отъ всего Новагорода, къ князю Ярославоу. На семь ти, княже, хрестъ цѣловати, на цѣмъ-то цѣловали дѣди и

отецъ твой Ярославъ. Держати ти Новъгородъ по пошлинѣ, како держалъ отецъ твой. Грамотъ ти, княже, не посоужати; а моужа ти без винѣ волости не лишати; а бес посадника ти, княже, волостий не роздавати, ни грамотъ даяти. А волостий ти, княже, Новгородьскыхъ своими моужи не держати, нъ держати моужи Новгородьскыми, а даръ отъ техъ волостий имати. А се волости Новгородьскые: Волокъ съ всеми волостьми. А держати ти свой тивунъ на половинѣ, а Новгородецъ на половинѣ въ всей волости Волоцьской; а въ Торожкоу, княже, держати тивоунъ на своей чясти, а Новгородець на своей чясти. А Городець, княже, далъ Дмитрий съ Новгородци Иванкоу; а того ти, княже, не отъяти. А се волости Новгородьскые: Бежиче, Городецъ, Мелечя, Шипино, Егна, Вологда, Заволоцье, Колоперемь, Тре, Перемь, Югра, Печера; а ти волости дьржати моужи Новгородьскыми, а даръ отъ нихъ имати. А свѣнѣи ти бити за $\frac{2}{3}$ верстъ отъ города. А закладниковъ ти, княже, не приимати, ни твоей княгѣини, ни твоимъ бояромъ; ни селъ ти держати по Новгородьской волости, ни твоей княгѣини, ни бояромъ твоимъ, ни твоимъ дворяномъ; ни свободъ ставити по Новгородьской волости. А и Соуждальской ти земле Новагорода не рядити, ни волостий ти не роздавати. А на озвадо ти, княже, ездити лѣтѣ звери гонитъ, а въ Роусу не ехати; ехати ти въ Роусу на третиюю зимоу, а въ Ладогу, княже, ехати на третиее лѣто. А осетрьнику твоему ездити в Ладогу, во отца твоего грамоте. А коуда пошло соудии твоему ездити по волости, ехати имъ меженьво Петровѣ дни. А что твой братъ отъялъ былъ пожне у Новагорода, а того ти, княже, отступитися: что Новгородцевъ, то Новгородьцемъ, а что пошло князю, а то княже. А вѣводъ ти, княже, въ всей волости Новогородьской ненадобе. А дворяномъ твоимъ, княже, ходити по пошлинѣ, како пошло и сперва. А отъ Новгородьця и отъ Новоторжьця у мѣта имати, отъ воза по $\frac{1}{2}$ векши, и отъ хмелна короба. А за Волокъ ти своего моужа не слати, слати Новгородца. На томъ ти на всемъ хрестъ цѣловати по любъви, безъ всякаго извета, въ правьдоу, при нашихъ послехъ.

У грамотѣ печатьне сохранилась; остались одни слѣдѣ.

С. Г. Г. и Д., т. I, № 2, стр. 2—3.

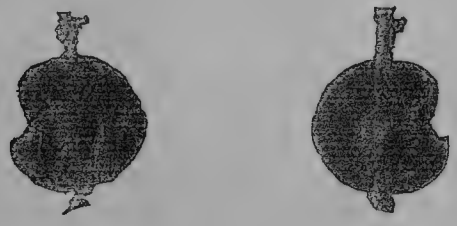
3.

Договорная Грамота Новагорода съ Великимъ Княземъ Тверскимъ Ярославомъ Ярославичемъ (третья), учиненная при посадникѣ Павше, и при Крымскихъ Послахъ: на какихъ условіяхъ владѣть ему Князю Новымъ-городомъ.—Писана 1270 года.

† Благословление отъ Владыкы, поклонъ отъ посадника Павше, и отъ всѣхъ старѣйшихъ, и отъ всѣхъ меншихъ, и отъ всего Новагорода, къ господиноу князю Ярославоу. На семь, княже, цѣлоуй хрестъ къ всему Новоугородоу на цѣмь-то цѣловали дѣди и отецъ твой Ярославъ. Новгородъ ти дьржати въ старинѣ, по пошлинѣ. Что волостий всехъ Новгородьскыхъ, тѣхъ волостий, княже, не держати ти своими моужи, нъ держати моужи Новгородьскыми; а даръ, княже, тобе имати отъ техъ волостий. А бес Посадника ти, княже, соуда не судити, ни волостий раздавати, ни грамотъ ти даяти: а комоу волости роздаялъ Дмитрій съ Новгородци, и Александръ братъ твой, тѣхъ волостий тобе без винѣ не лишати. А что ти, княже, пошло на Торожкоу и на Волочѣ, тивоунъ свой дьржати на своей чясти, а Новгородець на своей чясти. А въ Бежичяхъ тобе, Княже, ни твоей княгѣини, ни твоимъ бояромъ, ни твоимъ слоугамъ селъ не держати, ни коупити, ни даромъ приимати, и по всей волости Новгородьской. А се, княже, волости Новгородьскые: Волокъ съ всеми волостьми, Торжекъ, Бежиче, городець Палиць, Мелечя, Шипино, Егна, Заволочье, Трѣ, Перемь, Печера, Югра, Вологда. А въ Роусу ти, княже, ездити на третиюю зиму, а лѣтѣ, княже, ездити на озвадо звери гонитъ. А в Ладогоу, княже, слати осетрьникъ и медовара, по грамоте отца своего Ярослава: а тоу грамоту, княже отъялъ еси, а та грамота, княже, дати ти назадъ; а в Ладогоу, княже, ездити на третиее лѣто. А из Бежиць, княже, людий нѣ вѣводити въ свою волость, ни изъ иной волости Новгородьской; ни грамотъ имъ даяти, ни закладниковъ приимати, ни твоей княгѣини, ни бояромъ твоимъ, ни слоугамъ твоимъ, ни смерда, ни коупцины. А без винѣ ти, княже, мужа без винѣ не лишати волости; а грамотъ ти не посоужати. А пожне, княже, что твое и твоихъ моужь пошло, то твое и твоихъ моужь; а что былъ отъялъ братъ твой Александръ пожне, то ти ненадобе. А что, княже, грамотѣ посоудилъ еси отца своего и брата своего, а свое грамотѣ подаялъ еси на тѣ грамотѣ; тѣ грамотѣ отъимати, а старые оправливати. А что, княже, братъ твой Александръ дѣялъ насилие на Новегородѣ, того ти ся отсту-

пити. А дворяномъ твоимъ, какo пошло, погонъ имати отъ князя по ҁ коунъ, а отъ тивоуна по ѵ коуне. А что, княже, мытъ по Соуждальской земли, и въ твоей волости, отъ воза имати по в векши, и отъ лодье, и отъ хмѣлна короба, и отъ лняна. А дворяномъ твоимъ оу коупчевъ повозовъ не имати, разве ратной вести. А свободъ ти, ни мытъ на Новгородьской волости, не ставити; а на Имоволозьскомъ погосте коуны ти имати и на Важаньскомъ. А что еси, княже, отъимъ оу Кюрили Хотуниче, далъ еси попоу святаго Михаила, а городискымъ попомъ не пошло дани имать на Новгородьскомъ погосте; вдай опять. А холопъ или роба почнетъ вадити на господоу, тому ти вѣры не яти. А на Низу, княже, Новгородца не судити, ни даний ти раздавати. А что, княже, тобе было гнѣва на посадника и на всь Новгородъ, то ти, княже, все нелюбье отложити, и отъ мала и отъ велика не мщати ти, ни соудомъ, ни чимже: а кто почнетъ вадити к тобе, томоу ти веры не яти. А про послы, княже, и про коупче Новгородьскые, что въ Костромѣ и по инымъ городомъ, то исправивъ, поусти въ Новъгородъ съ товаромъ. А въ Немецьскомъ дворѣ тобе торговати нашею братиею, а двора ти не затваряти, а приставовъ ти не присталивати. А про полонъ, кто кде заточенъ, или человѣкъ, или конь Русьскый и Новгородьскый, то исправи. А село святой Софии исправи къ святой Софии. А до Влыдыкы отча нашего гнѣва ти не держати. На томь, господине, на всемь крестъ цѣлоуй къ всему Новоугороду. А гости нашемоу гостити по Суждальской земли, безъ роубежа, по Царевѣ грамоте. А судье слати на Петровъ день, тако пошло. А вывода ти, княже, межи Соуждальскою землею и Новымъгородомъ не чинити. А что закладниковъ за Гюргомъ на Торожкоу, или за тобою, или за княгынею, или за мужи твоими, кто купець, тотъ въ сто, а кто смердъ, а тотъ потягнетъ въ свой погостъ: тако пошло въ Новегородѣ; отпусти всихъ проць.

Къ этой грамотѣ привѣшены были три печати, но сохранилась лишь одна свинцовая:



На оборотѣ грамоты подписано:

«Се приехаша послы отъ Менгутемеря Царя сажатъ Ярослава съ грамотою Чевгу и Баиши».

С. Г. Г. и Д., т. I, № 3 стр. 13—14.

Примѣчаніе.: Текстъ всѣхъ грамотъ, изданный въ Собраніи Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, провѣренъ и исправленъ по подлинникамъ; титла раскрыты.

О ГЛАНДѢ КАМБИЛѢ.

(По данным рукописи № 878 (иностр.) Москов. Публичн. и Румянц. Музеевъ—изъ архива А. Н. Оленина: «Ueber das Haus Romanow»—«О Домѣ Романовыхъ)».

Въ весьма недавнее время, въ 1911 г., въ Румянцовскомъ Музеѣ при разборкѣ поступившаго туда по завѣщанію Н. И. Стояновскаго его архива были найдены пакеты съ нѣкоторыми бумагами изъ архива покойнаго († 17 апр. 1843 г.) Алексѣя Николаевича Оленина, одного изъ просвѣщеннѣйшихъ государственныхъ дѣятелей эпохи Императора Александра I. Близко стоявшій ко Двору, Государственный Секретарь, съ 1827 г. членъ Государственнаго Совѣта, А. Н. въ то же время высоко ставилъ интересы науки и искусства, много сдѣлалъ на этомъ поприщѣ и удостоенъ былъ званія члена Академіи Наукъ. Занимая должность президента Императорской Академіи Художествъ (съ 1817 г.) и директора Императорской Публичной Библіотеки (съ 1811 г. и до самой своей смерти), А. Н. былъ покровителемъ всѣхъ выдававшихся тогда талантовъ и въ его домѣ собирался весь цвѣтъ современной ему русской литературы и науки. Самъ лично А. Н. обладалъ очень обширными познаніями въ археологіи и оставилъ немало важныхъ изслѣдованій въ этой области, занимался также собираніемъ памятниковъ русской старины. Конечно, архивъ такого лица, если бы сохранился въ полномъ объемѣ, имѣлъ бы особенную важность, но и уцѣлѣвшая часть архива не лишена интереса и значенія. Посему, встрѣтивъ среди №№ этого архива вышеуказанную рукопись, я не могъ не обратить на нее своего вниманія. Рукопись — небольшая тетрадь въ $^1/_4$-ку, на 22 лл., въ зеленой обложкѣ, на нѣмецкомъ языкѣ, писана въ первой половинѣ прошлаго вѣка[1]); содержитъ въ себѣ краткія историческія свѣдѣнія о родоначальникѣ династіи Романовыхъ—Гландѣ Камбилѣ и о различныхъ развѣтвленіяхъ его рода—русскихъ боярскихъ фамиліяхъ, съ ихъ родословными таблицами (лл. 8 об., 9 об., 11 об., 12, 13 об., 16, 17 об., 21 об. и 22). Полный переводъ этой рукописи будетъ мною предложенъ благосклонному вниманію читателей «Изборника» въ одномъ изъ слѣдующихъ его выпусковъ, здѣсь же даются только слѣдующія, имѣющіяся въ ней—на л. 4,—историческія свѣдѣнія о Гландѣ Камбилѣ.

«Всѣ извѣстія сходятся въ томъ, что родоначальникомъ Дома Романовыхъ былъ Гланда. Объ этомъ Гландѣ разсказываютъ, что онъ былъ властителемъ (Herscher) въ Зюдавіи (Südavien)[2]) и что въ послѣднюю четверть XIII столѣтія онъ оставилъ свою пришедшую въ разстройство страну: въ это время области по юго-восточному берегу Балтійскаго моря, вслѣдствіе постепеннаго завоеванія ихъ двумя нѣмецкими рыцарскими орденами—Прусскимъ и Лифляндскимъ,—испытывали тяжелый двоякій—религіозный и военный—гнетъ. Гланда со своимъ малолѣтнимъ[3]) сыномъ удалился въ сосѣднюю гостепріимную Россію, принялъ св. крещеніе (онъ былъ язычникъ — Heide) и получилъ христіанское имя Иванъ, сынъ же его былъ названъ Андреемъ. Этотъ Андрей Ивановичъ сдѣлался черезъ своихъ четырехъ сыновей родоначальникомъ многихъ, частью до сихъ поръ не угасшихъ фамилій: отъ его четвертаго сына Ѳеодора происходитъ фамилія Романовыхъ... Гланда по водвореніи въ Россіи имѣлъ прозвище Камбила. Извѣстенъ обычай русскаго на-

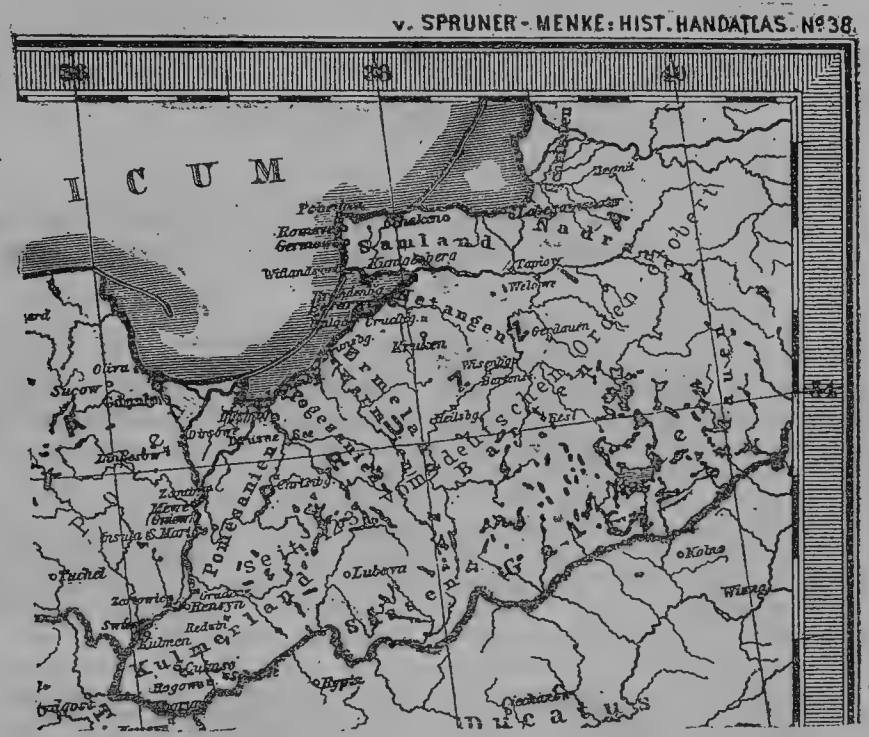
---

[1]) Судя по замѣчанію на л. 7 рукописи, что «Коновницыны носятъ со времени Императора Александра I графскій титулъ», рукопись составлена послѣ этого времени.

[2]) «Страна, находящаяся между верхней Windau и нижнимъ Nieman, точное мѣсто-положеніе ея не указано» (Примѣч. въ рукоп.).

[3]) Въ подлинникѣ: «unmündigen»—можно перевести и «несовершеннолѣтнимъ», но «unmundig», собственно, означаетъ лицо, вышедшее изъ младенчества, однако еще не достигшее 14 л., поэтому я и перевелъ: «малолѣтнимъ».

рода руссифицировать—передѣлывать на свой ладъ иностранныя имена, и вотъ иностранное прозвище Гланды—«Камбила» превращается въ русское «Кобыла», вѣроятно, ни по какой другой причинѣ, какъ только по созвучію обоихъ этихъ словъ. По всей вѣроятности и самъ Гланда и, безъ сомнѣнія, его сынъ Андрей не иное въ Россіи прозвище имѣли какъ это. Болѣе мы ничего не знаемъ о личности Гланды; мало также знаемъ и объ его сынѣ Андреѣ Ивановичѣ, но извѣстія, которыя мы находимъ въ Лѣтописяхъ, доказываютъ, что



Карта № 1.

Гланда и въ особенности его сынъ заняли въ своемъ новомъ отечествѣ весьма высокое положеніе и уже первое поколѣніе Дома считалось русскимъ въ самомъ полномъ смыслѣ этого слова. Андрей Ивановичъ Кобыла въ 1347 году былъ посланъ великимъ княземъ Симеономъ Ивановичемъ Гордымъ въ Тверь для переговоровъ о бракѣ великаго князя съ княжной Маріей Александровной Тверской. Порученіе, данное Андрею Ивановичу, доказываетъ съ одной стороны довѣріе къ нему великаго князя, а съ другой, вмѣстѣ съ тѣмъ, указываетъ и на способности Андрея Ивановича».—Таковы историческія свѣдѣнія Оленинской рукописи о Гландѣ и его сынѣ Андреѣ.

Хотя рукопись, сравнительно, поздняго времени и неизвѣстно кѣмъ и на основаніи какихъ источниковъ составлена, но уже самое нахожденіе ея въ архивѣ Оленина, знатока археологіи и древней русской исторіи, притомъ занимавшагося вопросами, касавшимися Дома Романовыхъ[1]), а затѣмъ, въ особенности, нѣкоторыя, имѣющіяся въ ней данныя о которыхъ скажу сейчасъ, заставляютъ съ этою рукописью очень и очень считаться.

Рукопись, какъ можно видѣть изъ вышеприведеннаго текста ея, называетъ родоначальникомъ Дома Романовыхъ Гланду Камбилу[2])—при чемъ отмѣчаетъ что этотъ Гланда былъ властителемъ области Südavien, находящейся между верхней Windau и нижнимъ Nieman, т.-е въ мѣстности, лежащей между верхнимъ теченіемъ р. Виндавы и нижнимъ теченіемъ р. Нѣмана. Считаю нужнымъ обратить особое вниманіе на это замѣчаніе рукописи. Въ настоящее время въ мѣстности, между рр. Виндавой и Нѣманомъ,—области съ названіемъ Südavien, какъ извѣстно, нѣтъ; въ древности она существовала

---

[1]) Въ томъ же Оленинскомъ архивѣ имѣется рукопись: «О гербѣ знаменитаго Дома Романовыхъ» (№ Музейскихъ собраній—3627,—втор. 7), статья тоже неизвѣстнаго автора, но собственноручно значительно исправленная и дополненная А. Н. Олениным.

[2]) Объ отцѣ Гланды, который въ другихъ историческихъ свидѣтельствахъ именуется Дивономъ и о которомъ тамъ сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія, Оленинская рукопись не говоритъ ни слова.

Въ «Hand-Atlas, fur die Geschichte des Mittelalters und der neueren Zeit. Spruner-Menke Gotha. Justus Perthes. 1880» (изданiи,—въ настоящее время библiографическая рѣдкость—составленномъ на основанiи строго научно провѣренныхъ историко-географическихъ данныхъ) имѣется нѣсколько географическихъ картъ, гдѣ въ мѣстности, указываемой рукописью, дѣйствительно, показана область съ именемъ Südavien. Такъ, на картѣ № 38—«Deutschland zur Zeit Hohenstaufen und bis 1273 J.—между 40° — 42° долготы и 54° — 55° сѣверной широты, именно въ областяхъ теченiя Виндавы и Нѣмана — означена область «Südauen», по сосѣдству съ нею—слѣва—область: «Galinden».—(См. стр. XII статьи, карта № 1). На картѣ № 6—«Europa um die mitte des vierzehnten Jahrhunderts»—тоже есть «Sudauen», мѣстоположенiе ея то же, что указано на картѣ № 38. (См. стр. XIII статьи, карта № 2). Но на картѣ № 41 «Deutschland von Rudolf von Habsburg bis Maximilian I—1273—1492 J.J.»—(См. стр. XIV статьи, карта № 3) «Südauen» уже нѣтъ, мѣсто «Südauen» и области кругомъ ея означены: «Deutsche Orden's Gebiet».—На картѣ № 62—(см. Атласъ) «Polen, Litthauen und das Gebiet des Deutschen Orden in 1386—1480 J.J.»—вмѣсто «Sudauen» и «Galindien»—«Prussia»; на картахъ болѣе поздняго времени (см. Атласъ, №№ 43 и 44) вся эта мѣстность означена: «Preussen».—Нѣтъ «Südauen» и на картахъ до XII в. См., напр., карты: № 5—«Europa zur Zeit des dritten Kreuzzuges 1190 J.» и № 42. (См. стр. XV и XVI статьи, карты №№ 4 и 5). На картѣ (малой, № 67: «Slaven nördlich von der Donau. 850—90 J.J.»), гдѣ должна бы быть «Südauen», означено: «Letten». Также «Letten»,—лѣвѣе ея «Prussen»—на малой картѣ «Russland 906—1114 J.J. (См. Атласъ).—На малой картѣ (при № 68—«Polen und Preussen in 1240—1386 J.J.»)—«Galinden» есть.—Особенно интересна карта № 69 (малая)—тоже «Polen und Preussen in 1140—1240 J.J.» (См. стр. XVII и XVIII статьи, карты №№ 6 и 7). Тутъ «Galindia», а правѣе ея «Südauia» (съ г. Raigrad), правѣе «Südauia»—«Lituania» [1]).

№ 6.

Карта № 2.

Изъ сопоставленiя всѣхъ этихъ указанiй можно, кажется, вывести такое заключенiе: страна или область съ именемъ «Sudavien», о которой говоритъ Оленинская рукопись, существовала до половины XIII вѣка съ наименованiемъ «Südauia», сосѣдняя съ ней область именовалась Galindia;—затѣмъ съ половины XIII в.

---

[1]) Здѣсь, въ своей статьѣ, я не нашелъ нужнымъ воспроизводить всѣ нижеуказываемыя карты цѣликомъ, а ограничился въ большинствѣ случаевъ приведенiемъ снимковъ только тѣхъ частей ихъ, гдѣ указаны мѣстности—(страны)—«Südavien» и «Galindien»—съ отмѣтой № каждой карты по Атласу и объясненiемъ, къ какому времени каждый № карта относится.

эти наименованія германизируются: Südauia—въ «Sudavien»;—Galindia—въ «Galinden».—Эта Sudauia или Südavien—Судовія Хроникъ. Съ конца XIV в. областей съ этими наименованіями уже совсѣмъ нѣтъ: вмѣсто нихъ—или: «das Gebiet des deutschen Orden»—или «Prussia», «Preussen» или подобныя наименованія. Точныя границы «Südavien» на картахъ не отмѣчены, но во всякомъ случаѣ мѣстоположеніе этой страны почти совпадаетъ съ указаніемъ Оленинской рукописи (развѣ только

Карта № 3.

немного южнѣе[1]) и она находилась на юго-восточномъ побережьѣ Балтійскаго моря, Поморьѣ[2]), не доходя до моря, приблизительно, верстъ 100. Нынѣ область занимавшаяся прежней «Südauia» или «Südauen» входитъ въ составъ Прусской провинціи.

О Галиндахъ и Судинахъ какъ обитателяхъ Балтійскаго побережья историческія извѣстія восходятъ къ глубокой древности: о нихъ упоминаетъ еще александрійскій географъ (II в. по Р. Хр.) Птоломей. Судовиты извѣстны и нашимъ древнимъ Лѣтописямъ подъ именемъ Ятвяговъ, южнаго литовскаго племени. Судины и Галинды, какъ подраздѣленія «Прусовъ»—прусскаго литовскаго племени часто упоминаются въ Ливонскихъ Хроникахъ XIII в., которыя отмѣчаютъ, что это

---

[1]) Но и сама рукопись, надо помнить, отмѣчаетъ, что «точное положеніе «Südavien» не означено» и, слѣдовательно, указывается ею только съ бо́льшею или меньшею приблизительностью.

[2]) Почти изъ той же самой мѣстности выводилъ Гланду Камбилу и герольдмейстеръ Петровскаго времени стольникъ Степанъ Андреевичъ Колычевъ: на основаніи своего семейнаго преданія (Колычевъ велъ свой родъ отъ сына Гланды—Андрея) онъ называетъ Гланду «прусскимъ владѣтелемъ Недровскаго уѣзда». Этотъ Недровскій уѣздъ ни что иное, какъ смежная съ Зюдавіей—тоже Прусская—Литовская Недровія или Надровія, «Nadrauen»—карты № 38 и 1140—1240 г.г. (см. рис.) Владѣтелемъ Судовіи, Самогитіи и др. земель называетъ Гланду и Общій Гербовникъ 1797 г. издаваемый Департаментомъ Герольдіи. Кампенгаузенъ въ своей Genealogisch Geschichte des Allerdurchlauchtigsten Hauses Romanow und seines voralterlichen Stammhauses высказываетъ предположеніе, что Гланда могъ быть или главнымъ или удѣльнымъ княземъ Самогитіи (при чемъ, однако, отмѣчаетъ, что среди державцевъ Самогитіи ему не встрѣтилось ни одного съ именемъ Гланды) или «владѣть цѣлою Судавскою землицею», которая покорена была Орденами Тевтонскимъ и Меченосцевъ въ 1271 г.

племя занимало тогда низменную полосу между Нижнею Вислой и Нѣманомъ (приблизительно нынѣшнюю восточную Пруссію [1]).

Оленинская рукописъ, далѣе, говоритъ, что Гланда—владѣтель «Südavien»—«въ послѣдней четверти XIII столѣтія оставилъ свою пришедшую въ разстройство страну: въ это время области по юго-восточному берегу Балтійскаго моря, вслѣдствіе постепеннаго завоеванія ихъ двумя нѣмецкими рыцарскими орденами—Прусскимъ и Лифляндскимъ,—испытывали тяжелый гнетъ—двоякій: и религіозный и военный» [2]). И эти свѣдѣнія рукописи подтверждаются исторіей.

Прежде всего, о Гландѣ, какъ владѣтелѣ «Прусскомъ» (Литовскомъ), въ послѣдней трети XIII в. имѣется историческое указаніе того времени: тогдашняя Хроника, сообщая о разгромѣ Нѣмцами въ 1273 году возстанія, поднятаго противъ нихъ въ 1260 г. Прусами и отмѣчая, что тогда всѣ начальники или полководцы Прусовъ были побѣждены, среди этихъ полководцевъ называетъ, между прочимъ,

№ 5.

Карта № 4.

вождя Самландіи—Гланде. Самландія (Samland на картѣ № 38, съ г. Kunigesberg—(теперешній Кенисбергъ) или «Sambia» на картѣ 1140—1240 г.г.) небольшая область, сравнительно съ Зюдавіей, по самому берегу Балтійскаго моря, къ западу отъ нея; между

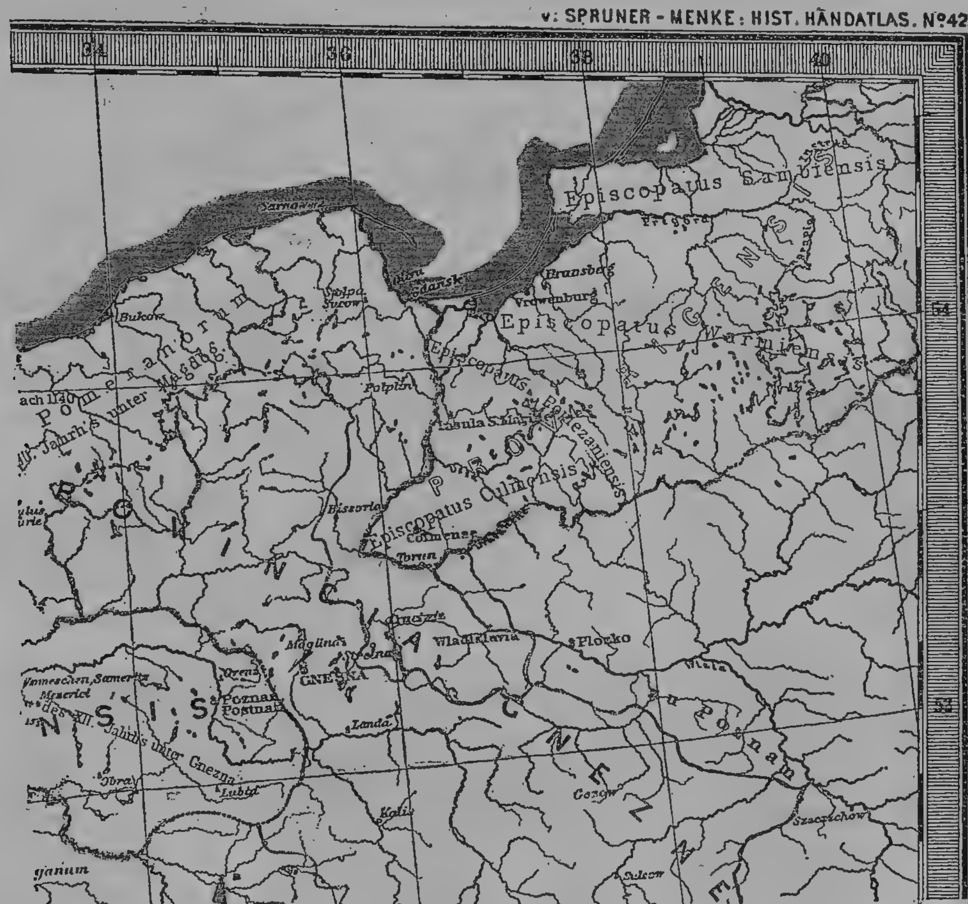
---

[1]) Проф. М. К. Любавскій. Очеркъ Исторіи Литовско-Русскаго Государства до Люблинской уніи включительно. М. 1910 г. стр. 6, 11.

[2]) Извиняюсь за нѣкоторую тяжеловѣсность перевода: это въ непосредственной зависимости отъ слога рукописи, близости къ которой, насколько возможно, придерживался.

Зюдавіей и Самландіей тоже незначительная область Nadrauen. Хроника называетъ Гланде владѣтелемъ не Зюдавіи, а Самландіи, но о Зюдавіи она и вообще ничего не говоритъ въ данномъ мѣстѣ. Не былъ ли Гланде — Самландскій владѣтель въ то же время и владѣтелямъ Зюдавіи и Недровіи? Всѣ три эти области непрерывно соединены по мѣстоположенію своему, какъ бы части одного цѣлаго. Во всякомъ случаѣ,

Карта № 5



Гланду, какъ владѣтеля «Прусской» Литовской области въ области нижняго Нѣмана въ срединѣ второй половины XIII в., исторія знаетъ.

Вполнѣ согласны съ исторіей и указанія Оленинской рукописи на обстоятельства, побудившія Гланду оставить свою область.

Дѣйствительно, въ этихъ областяхъ (теперешней Пруссіи) католицизмъ къ концу XIII в. окончательно восторжествовалъ надъ язычествомъ: проповѣдывавшій здѣсь монахъ Христіанъ, призвавъ на помощь рыцарей Тевтонскаго Ордена и соединившихся съ этимъ Орденомъ въ 1237 году рыцарей Ордена Братьевъ Меча (Меченосцевъ), послѣ долгой и упорной борьбы съ туземными язычниками, въ 1283 году добился, наконецъ, обращенія ихъ въ католичество и къ концу XIII в., началу XIV в. страна раздѣлена была на нѣсколько католическихъ епископій. (См. карту № 42). (Проф. Функъ. «Исторія Христіанской Церкви». Переводъ Гидулянова. М. 1911 г., стр. 296). Съ обращеніемъ въ католичество рука объ руку шло и политическое завоеваніе этихъ областей, что, конечно, и разумѣетъ Оленинская рукопись, говоря о двоякомъ тяжеломъ гнетѣ— и религіозномъ и военномъ, который испытали тогда, въ послѣдней четверти XIII столѣтія, многочисленныя самостоятельныя языческія области на юго-западномъ берегу Балтійскаго моря. И владѣтели ихъ—самостоятельные князья неминуемо обречены были съ принятіемъ католичества,—въ большинствѣ случаевъ недобровольномъ,—на потерю и своей политической самостоятельности. Не желавшие мириться съ потерей своей вѣры и прежней власти должны были искать себѣ убѣжища въ иноземныхъ государствахъ. Такъ поступилъ и Гланда.—«Съ малолѣтнимъ сыномъ своимъ онъ удалился въ сосѣднюю гостепріимную Россію,—говоритъ Оленинская руко-

писѣ,—принялъ св. Крещеніе (онъ былъ язычникъ—Heide) и получилъ христіанское имя Иванъ, сынъ же его былъ названъ Андреемъ».—По другимъ источникамъ, Гланда былъ сначала католикомъ и именовался Михаиломъ, и уже въ Россіи получилъ имя Іоанна послѣ обращенія своего съ сыномъ въ православіе. Думается, что и Оленинская рукописѣ, собственно говоря, не противорѣчитъ этимъ источникамъ, называя Гланду до прибытія его въ Россію (и крещенія здѣсѣ съ принятіемъ имени Іоанна) язычникомъ. Всего вѣроятнѣе, что насильственно обращенный—въ своей странѣ, «Südavien»,—въ католичество и посему нисколько къ нему не тяготѣвшій, Гланда былъ католикомъ только номинально, оставаясѣ по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ прежнимъ язычникомъ, такимъ и пришелъ на Русѣ.

Сообщеніе рукописи, что Гланда прибылъ въ Россію съ однимъ малолѣтнимъ сыномъ (нареченнымъ, по принятіи православія, Андреемъ), подтверждаютъ показанія нашихъ древнѣйшихъ Родословцевъ.

Точно также согласно съ показаніемъ Лѣтописей означено въ рукописи и время прибытія Гланды въ Россію: — послѣдняя четвертъ XIII вѣка (въ Лѣтописяхъ: 1283, 1287 гг.). Если принятъ указаніе Кампенгаузена на 1271 г., какъ на годъ покоренія Зюдавіи-Судовіи (см. выше), то вполнѣ естественно допуститъ, что Гланда Камбила прибылъ въ Россію вскорѣ и весьма вскорѣ послѣ этого года.

Историческая достовѣрностѣ сообщаемыхъ Оленинскою рукописью данныхъ о Гландѣ вышеприведеннымъ разборомъ ихъ, кажется, теперь достаточно выяснена и хотя, какъ я въ началѣ статьи сказалъ, неизвѣстно кѣмъ и на основаніи какихъ источниковъ рукописѣ эта составлена, но думаю, что послѣ сдѣланнаго разбора ея является полная возможностѣ признатѣ ее составленною во всякомъ случаѣ лицомъ компетентнымъ и по источникамъ

№ 68.

Карта № 6.

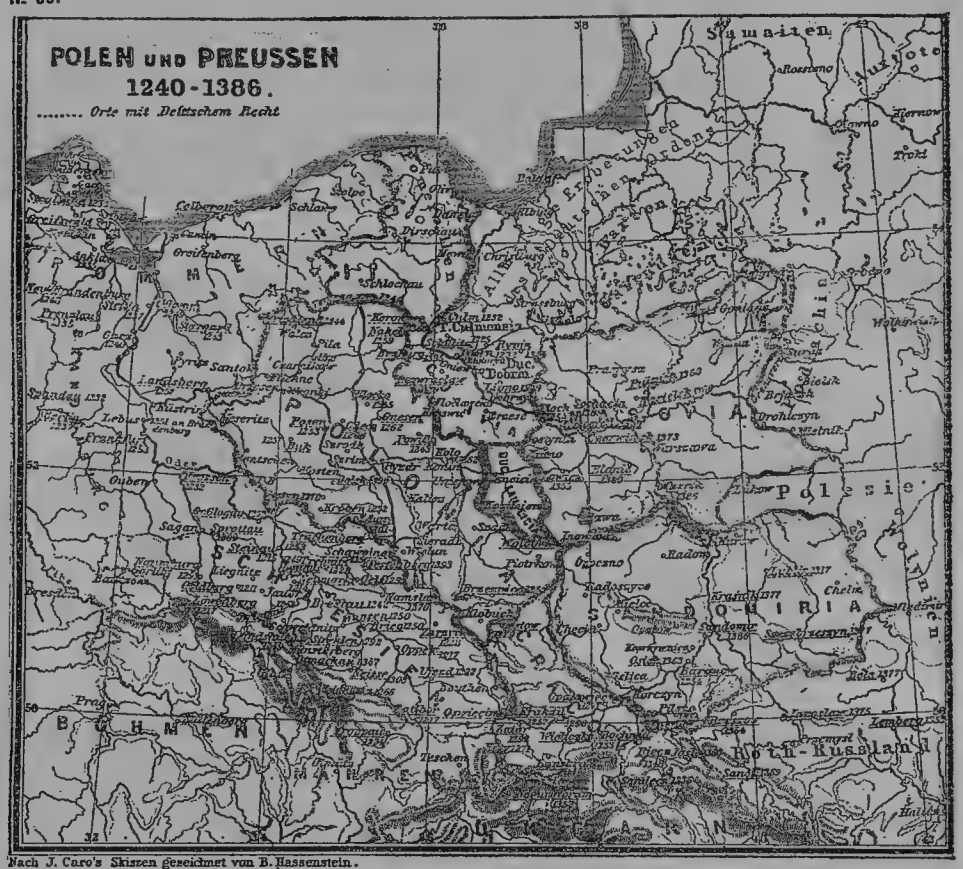
достовѣрнымъ, можетъ бытѣ до насъ не дошедшимъ; имѣющіяся въ ней свѣдѣнія о Гландѣ весьма важны и посему заслуживаютъ вниманія: они подтверждаются ранѣйшими сообщеніями Колычева и въ особенности Гербовника и Кампенгаузена и въ свою очередѣ ихъ подтверждаютъ.

Въ заключеніе нѣсколько попутныхъ замѣчаній.

1) Любопытное обстоятельство: по водвореніи въ Россіи Андрей, сынъ Гланды, получаетъ прозвище Камбилы или Кобылы, а не Гланды или Гландова. Далѣе, въ одномъ древнемъ Родословцѣ онъ именуется не Андреемъ Кобыла, а Андреемъ Кобылинымъ, слѣдовательно именуется по отчеству сыномъ Кобылы (Камбилы). Отсюда надо заключить, что Камбила (Кобыла) было личнымъ именемъ его отца. Слѣдовательно Гланда не личное имя? Что же тогда? Если припомнить, что съ Зюдавіей сосѣдила Галиндія, что Галинды, какъ и Судовиты—Судины, подраздѣленія одного и того же племени, то не возможно ли допустить, что Гланда—племенное имя=Галиндъ, Галиндецъ? Племенныя имена въ значеніи личныхъ и на ряду съ ними въ древности часто употреблялись: въ Херсонскихъ надписяхъ часто встрѣчаются въ смыслѣ личныхъ именъ: «Скиѳъ», «Сарматъ», «Синдъ» (А. Л. Погодинъ. Сборникъ статей по Археологіи и Этнографіи. СПБ. 1902. Статья: «Эпиграфическіе слѣды славянства», стр. 165.—Ср. ст. В. В. Латышева въ «Матеріалахъ по Археологіи Россіи № 23,

№ 69.

Карта № 7.



1899 г., стр. 74—75).—Владѣтель Зюдавіи могъ быть изъ племени Галиндовъ и племенное свое имя принесъ въ Россію,—и его Лѣтописи стали такъ именовать: Гланда—Гландосъ (Галиндъ) Камбила, какъ именовали: нѣмчинъ, фрязинъ такой то?

2) Этихъ Галиндовъ не напоминаетъ ли литовское племя—народецъ Голядь въ XII в. жившій у насъ въ Россіи по р. Протвѣ—въ Калужской губ.—правомъ притокѣ р. Москвы—и тогда покоренный русскими князьями? Не часть ли это—«Прусскихъ» Галиндовъ, сюда изъ «Прусъ» переселившаяся? И не по воспоминанію ли объ этомъ переселеніи своихъ соплеменниковъ на Русь и Гланда Камбила, утѣсняемый на родинѣ, идетъ тоже на Русь, а не въ ближайшія, сравнительно тоже безопасныя отъ Нѣмцевъ, но болѣе родныя Жмудь, Литву[1])?

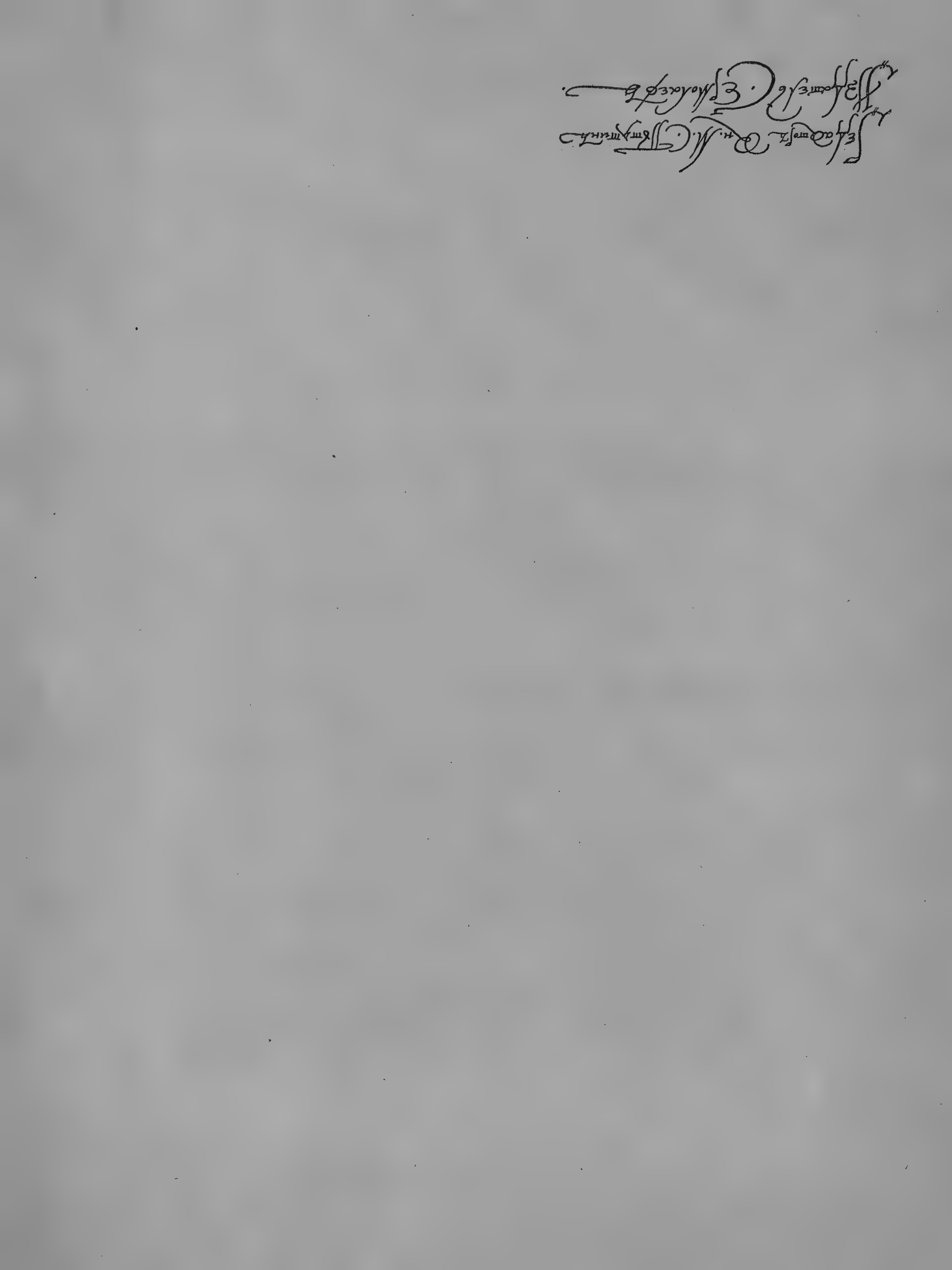
---

[1]) Объ этой Голяди и преданіяхъ о ней у Калужскихъ крестьянъ см. ст. В. М. Кошкарева въ «Калужской Старинѣ» ст. 1. Кн. 2. Калуга. 1901 г.

3) Послѣднее замѣчаніе: ни въ Оленинской рукописи, ни въ другихъ историческихъ матеріалахъ о Гландѣ рѣшительно нигдѣ ни слова о жизни Гланды въ Россіи. Очень странно: иноземный владѣтельный князь пріѣзжаетъ съ своимъ сыномъ въ Россію, объ его сынѣ сообщается, что онъ занялъ въ новомъ своемъ отечествѣ высокое положеніе при великомъ князѣ Симеонѣ Гордомъ, о внукѣ и правнукѣ Гланды, бывшихъ выдающимися государственными дѣятелями при слѣдующихъ великихъ князьяхъ, имѣются еще болѣе подробныя свѣдѣнія въ нашихъ Лѣтописяхъ, а о Гландѣ—молчаніе.

Объяснить это молчаніе тѣмъ, что Гланда, вѣроятно, вскорѣ по пріѣздѣ въ Россію, умеръ — врядъ-ли возможно: если бы смерть Гланды дѣйствительно послѣдовала вскорѣ по прибытіи его въ Россію, думается, Лѣтописи это отмѣтили бы, разъ отмѣтили его прибытіе и крещеніе. Не произошло ли такое молчаніе Лѣтописей отъ того, что Гланда, водворившись въ Россіи, уклонился отъ всякаго участія въ ея государственной и общественной жизни и посему исчезъ отъ глазъ исторіи?

Протоіерей Іоаннъ Кубасовъ



СОДЕРЖАНІЕ.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Стр.

А. Барсуковъ. Къ портрету Государыни Царицы Евдокіи Лукіановны 9

Бар. М. А. Таубе. Къ портрету ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ — Великогерцогскій Гессенскій Домъ въ генеалогическихъ судьбахъ Дома Романовыхъ 11

Кн. М. Путятинъ. Вступленіе къ статьѣ В. К. Трутовскаго: Происхожденіе Предковъ Рода Романовыхъ 25

В. К. Трутовскій. Происхожденіе Предковъ Рода Романовыхъ. Опытъ историческаго изслѣдованія 29

Кн. М. Путятинъ. Вступленіе къ статьѣ прот. І. Кузнецова: Святый Прокопій Праведный, Устюжскій Чудотворецъ . . 85

Прот. І. Кузнецовъ. Святый Прокопій Праведный, Устюжскій Чудотворецъ. Опытъ изслѣдованія Житія 86

А. П. «Отшельникъ» [стихотвореніе] 106

Кн. М. С. Путятинъ. Послѣсловіе къ статьямъ В. К. Трутовскаго и прот. І. Кузнецова 107

В. К. Лукомскій. Гербы потомства Гланды Камбилы. 113

Кн. М. С. Путятинъ. Примѣчаніе редактора 122

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОТДѢЛЪ.

Стр.

Б. В. Зворыкинъ. Титульный листъ.

Воспроизведеніе портрета Государыни Царицы Евдокіи Лукіановны, принадлежащаго княгинѣ Е. Ѳ. Шаховской-Глѣбовой-Стрѣшневой (въ с. Покровскомъ) 4

А. Ѳ. Максимовъ. Портретъ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ 5

С. И. Ягужинскій. Орнаменты къ портретамъ Царицы Евдокіи Лукіановны и ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ . . . . . 4—5

Г-жа Алексѣева, подъ ред. Н. К. Рериха. Заставки и буквы къ Титульному листу и статьямъ А. Барсукова и Бар. М. А. Таубе . . . . . 9—11

Ландграфиня Гессенъ-Дармштадтская Софія-Элеонора, урожденная Принцесса Саксонская. Съ оригинала 1624 г., находящагося въ королевскомъ замкѣ Вермсдорфъ въ Саксоніи 13

Кн. М. С. П. и В. А. Ш. Къ портрету ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ—Родословная таблица родства Предковъ Ея Величества съ Домомъ Рюрика 19

Н. К. Рерихъ. Заставка и буква къ статьѣ Кн. М. Путятина. 25

Н. К. Рерихъ. Начальная заставка и буква къ статьѣ В. К. Трутовскаго 29

Н. К. Рерихъ. Иллюстрація къ статьѣ В. К. Трутовскаго: Прибытіе Князя Михаила Гланды Камбилы на Русь, въ Великій Новгородъ 52

Н. К. Рерихъ. Иллюстрація къ статьѣ В. К. Трутовскаго: Посольство Великаго Князя Московскаго Симеона Ивановича въ Твери у Великаго Князя Александра Михаиловича. 82

Г-жа Суворова, подъ ред. Н. К. Рериха. Заставка и буква къ статьѣ прот. І. Кузнецова 85

Икона Св. Прокопія Устюжскаго. Изъ собранія Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея въ Москвѣ 89

Н. К. Рерихъ. Заставки къ стихотворенію А. П. и къ Послѣсловію . . . . . 106—107

Гербъ Бориса Петровича Шереметева 112

Начальная заставка къ статьѣ В. К. Лукомскаго худ. Б. В. Зворыкина и начальная буква Н. К. Рериха 113

Кн. М. С. Путятинъ. Таблица вывода фамилій, происходящихъ отъ Гланды Камбилы, съ показаніемъ ихъ гербовъ. . 115

Карта Балтійскаго Поморія 121

Новгородскія Грамоты XIII вѣка; точное ихъ воспроизведеніе страницы: 44, 48 и 58.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Стр.

I. В. А. Шахматовъ. Къ родословной таблицѣ Предковъ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ III

II. Новгородскія Грамоты XIII вѣка:

I. Грамота Новагорода съ Великимъ Княземъ Тверскимъ Ярославомъ Ярославичемъ (первая), учиненная при Посадникѣ Михаилѣ: на какихъ условіяхъ владѣть ему Князю Новымъ-Городомъ.—Писана въ началѣ 1265 года VII

II. Договорная Грамота съ Великимъ Княземъ Тверскимъ Ярославомъ Ярославичемъ (вторая), при Посадникѣ Михаилѣ съ нѣкоторыми противъ первой Грамоты прибавленіями: о позволеніи Новгородцамъ братъ дары; о запрещеніи бить свиней близъ Новагорода; о закладникахъ Новгородскихъ, и о нестроеніи слободъ.—Писана 1265 года . . . . . VII—VIII

III. Договорная Грамота Новагорода съ Великимъ Княземъ Тверскимъ Ярославомъ Ярославичемъ (третья), учиненная при Посадникѣ Павшѣ и при Крымскихъ Послахъ: на какихъ условіяхъ владѣть ему Князю Новымъ-Городомъ.—Писана 1270 года. . . . . VIII—IX

III. Прот. І. І. Кузнецовъ. О Гландѣ Камбилѣ по рукописи № 878 съ картами Балтійскаго Поморія XI

Примѣчаніе. Въ Титульномъ листѣ и во всѣхъ заглавіяхъ статей напечатанныхъ славянскимъ шрифтомъ XIII вѣка удержана и орѳографія этого вѣка.

Сія книга изготовлена
въ Московской Художественной печатнѣ.
Москва, Трехпрудный пер., д. 9.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА

ЛѢТОПИСНЫЙ и ЛИЦЕВОЙ ИЗБОРНИКЪ ДОМА РОМАНОВЫХЪ

ИСТОРИКО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНІЕ ВЪ ОЗНАМЕНОВАНІЕ 300-ЛѢТІЯ ЦАРСТВОВАНІЯ.

Подъ редакціей кн. М. С. Путятина.

ВЪ «ИЗБОРНИКѢ» УЧАСТВУЮТЪ:

Антоній, Архіепископъ Волынскій, Серафимъ, Архіепископъ Кишиневскій (Чичаговъ), Анастасій, Епископъ Серпуховской, Архіепископъ Никонъ, непремѣнный членъ Святѣйшаго Синода и членъ Государственнаго Совѣта, Проф. Ю. В. Арсеньевъ, Проф. Е. В. Барсовъ, А. П. Барсуковъ (†), Худ. И. Я. Билибинъ, Л. А. Богдановичъ, Н. Н. Броневскій, Докторъ Русской Исторіи С. А. Бѣлокуровъ, Проф. живоп. В. М. Васнецовъ, Л. П. Васильевъ, Худ. С. И. Вашковъ (†), Г. А. Власьевъ (†), Князь Д. П. Голицынъ-Муравлинъ, А. А. Громовъ, Худ. Б. В. Зворыкинъ, Д. В. Истоминъ, Прот. І. І. Кузнецовъ, Н. П. Курбатовъ—секретарь редакціи, Докторъ Русской Исторіи Проф. Н. П. Лихачевъ, В. К. Лукомскій, Худ. А. Ѳ. Максимовъ, Акад. С. В. Малютинъ, Акад. М. В. Нестеровъ, Г. П. Пашковъ, Н. П. Пашковъ, Проф. Ник. Вас. Покровскій, С. М. Прокудинъ-Горскій, Князь М. С. Путятинъ, Князь А. М. Путятинъ, Акад. Н. К. Рерихъ, Н. И. Сусловъ, Бар. М. А. Таубе, Проф. В. К. Трутовскій, Бар. Н. А. Типольтъ, Проф. А. И. Успенскій, Худ. Н. Н. Хохряковъ, В. А. Шахматовъ, Графъ П. С. Шереметевъ, Худ. С. И. Ягужинскій и др.

ИЗДАНІЕ СОСТОИТЪ ИЗЪ ТОЧНЫХЪ ВОСПРОИЗВЕДЕНІЙ ПАМЯТНИКОВЪ СТАРИНЫ и ОРИГИНАЛЬНЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ КАКЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ, ТАКЪ и ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ.

ЦѢНА ИЗДАНІЯ:

За выпускъ на обыкновенной бумагѣ ... ... 8 р., за 12 вып. 96 р.
За выпускъ на лучшей бумагѣ, въ бумажномъ переплетѣ ... ... 15 р., за 12 вып. 180 р.
За выпускъ на роскошной бумагѣ, въ матерчатомъ переплетѣ ... ... 25 р., за 12 вып. 300 р.

Все изданіе будетъ состоять изъ 12 выпусковъ, выходящихъ ежегодно по 3 выпуска.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА:

При подпискѣ вносится задатокъ въ размѣрѣ стоимости одного выпуска, каковая сумма будетъ зачтена уплатой за послѣдній выпускъ. При этомъ всѣ выпуски изданія, кромѣ послѣдняго, высылаются съ наложеннымъ платежомъ по ихъ стоимости. Пересылка за счетъ получателя изданія.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА и СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
Москва, Трехпрудный пер., д. 9.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО (ЮБИЛЕЙНАГО) ВЫПУСКА «ИЗБОРНИКА»:

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ.

МАКАРІЙ, МИТРОПОЛИТЪ МОСКОВСКІЙ И КОЛОМЕНСКІЙ. Благословеніе на трудъ сей.

Гл. а. Отъ редакціи.

» в. Проф. Н. В. ПОКРОВСКІЙ. Ѳеодоровская чудотворная икона Божіей Матери.

» г. АРХІЕПИСКОПЪ НИКОНЪ. Неисповѣдимыя судьбы Промысла Божія въ избраніи на Царство Михаила Ѳеодоровича.

» д. СЕРАФИМЪ, АРХІЕПИСКОПЪ КИШИНЕВСКІЙ. Святѣйшій Гермогенъ Патріархъ Московскій и всея Русіи (1530—1612).

» є. Проф. Н. В. ПОКРОВСКІЙ. Костромской Ипатьевскій монастырь — колыбель Царствующаго Дома.

» ѕ. Е. В. БАРСОВЪ. Историческія основы Царской власти на Руси въ народныхъ пѣсняхъ и преданіяхъ.

» ѯ. В. К. ЛУКОМСКІЙ. Гербъ Дома Романовыхъ.

Гимнъ Царственному Дому Романовыхъ. Слова кн. Д. П. Голицына-Муравлина. Муз. Н. Н. Броневскаго.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОТДѢЛЪ.

С. И. ВАШКОВЪ. Титульный листъ.

Копія портрета Государя Царя Михаила Ѳеодоровича, хранящагося въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

А. Ѳ. МАКСИМОВЪ. Портретъ Его Императорскаго Величества Государя Императора Николая II Александровича.

С. И. ЯГУЖИНСКІЙ. Рамки къ портретамъ Государя Царя Михаила Ѳеодоровича и Его Императорскаго Величества Государя Императора Николая II Александровича.

Изображеніе Иконы Божіей Матери Ѳеодоровскія безъ ризы.

Изображеніе Иконы Божіей Матери Ѳеодоровскія въ ризѣ.

Копія съ изображенія въ «Титулярникѣ» 1672 г. Святѣйшаго Патріарха Гермогена Московскаго и всея Русіи.

В. М. ВАСНЕЦОВЪ. Эскизъ иконы Святителя Ермогена.

Н. Н. ХОХРЯКОВЪ. Этюды съ натуры: Ипатьевскій монастырь.
» » » Ворота ограды Ипатьевскаго монастыря.

Изображеніе подлинной записи о прапорѣ боярина Никиты Ивановича Романова на листѣ 640-мъ Переписной Книги Моск. Оруж. Пал. 1687 годъ.

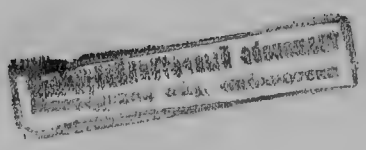
Кн. М. С. ПУТЯТИНЪ. Прапоръ боярина Никиты Ивановича Романова. Табл. I, рис. 2.

Крышка кубка Никиты Ивановича Романова. Табл. II, рис. 3.

Ковшъ боярина Ѳеодора Никитича Романова. Табл. II, рис. 4.

Государственный мечъ Царя Михаила Ѳеодоровича. Таблица II, рис. 5.

Походный саадакъ Царей Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича. Табл. II, рис. 6.

Кн. М. С. ПУТЯТИНЪ. Гербъ Рода Романовыхъ. Табл. IV, рис. 7.

Б. В. ЗВОРЫКИНЪ. Заглавныя заставки и буквы къ статьямъ.